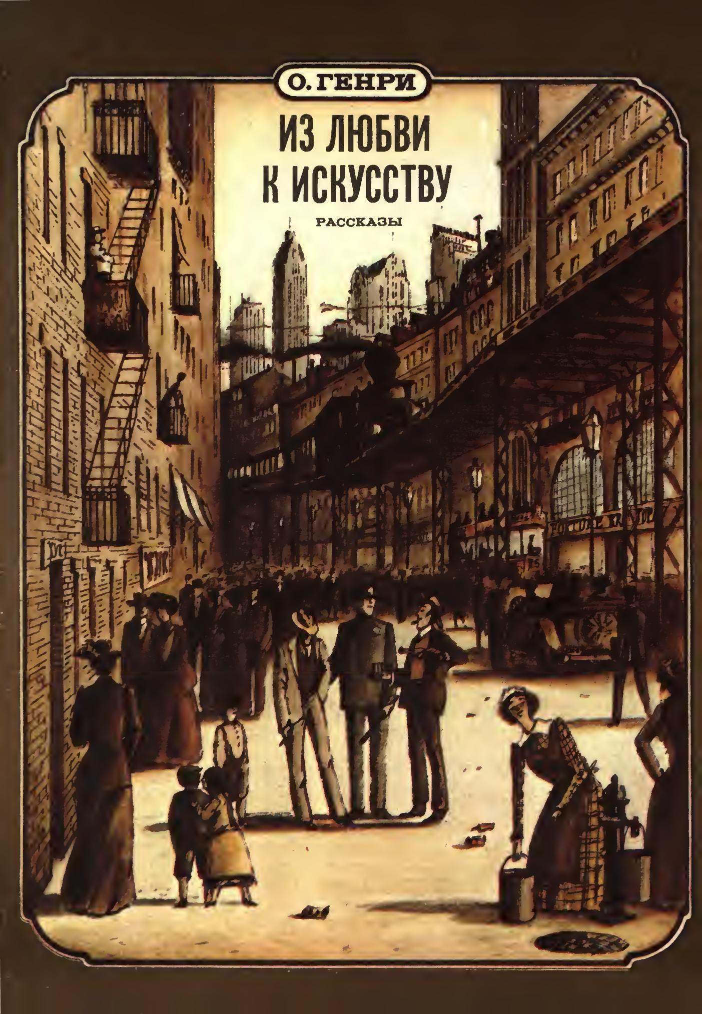
О. ГЕНРИ
ИЗ ЛЮБВИ К ИСКУССТВУ
РАССКАЗЫ

О. ГЕНРИ

ИЗ ЛЮБВИ К ИСКУССТВУ

РАССКАЗЫ

Перевод с английского

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1984

И (Амер.)
Г34

O. Henry

ОФОРМЛЕНИЕ
ХУДОЖНИКА
С. КОВАЛЕНКОВА

Г $\frac{4703000000\text{-}414}{028(01)\text{-}84}$ КБ-27-25-84

ДАРЫ ВОЛХВОВ

Один доллар восемьдесят семь центов. Это было все. Из ннх шестьдесят центов монеткамн по одному центу. За каждую нз этнх моиеток прншлось торговаться с бакалейщиком, зеленщнком, мясником так, что даже ушн горелн от безмолвного неодобреиия, которое вызывала подобная бережлнвость. Делла пересчнтала трн раза. Однн доллар восемьдесят семь центов. А завтра Рождество.

Едннствеиное, что тут можно было сделать, это хлопнуться на старенькую кушетку и зареветь. Именно так Делла н поступнла. Откуда напрашнвается философскнй вывод, что жизнь состонт из слез, вздохов н улыбок, прнчем вздохи преобладают.

Пока хозяйка дома проходнт все эти стаднн, огляднм самый дом. Меблнрованная квартирка за восемь долларов в неделю. В обстановке не то чтобы вопнющая ннщета, но скорее красиоречиво молчащая бедность. Внизу, на парадной дверн, ящик для пнсем, в щель которого не протнснулось бы ни одио письмо, и киопка электрического звонка, нз которой нн одиому смертиому ие удалось бы выдавить ни звука. К сему прнсовокуплялась карточка с надписью *«М-р Джеймс Диллингем Юнг». «Диллингем»* развернулось во всю длииу в недавний период благосостояння, когда обладатель указанного имеии получал трндцать долларов в неделю. Теперь, после того, как этот доход поиизился до двадцати долларов, буквы в слове «Днллнигем» потускнелн, словио не на шутку задумавшнсь: а не сократиться лн нм в скромное н непрнтязательиое «Д»? Но когда мнстер Джеймс Диллиигем Юиг прнходнл домой н подннмался к себе на верхннй этаж, его неизменно встречал возглас: «Джим!» — н нежные объятия миссис Джеймс Днллннгем Юнг, уже представленной вам под нменем Деллы. А это, право же, очень мило.

Делла кончнла плакать н прошлась пуховкой по щекам. Она теперь стояла у окна н уныло глядела на серую кошку, прогулнвавшуюся по серому забору вдоль серого двора. Завтра Рождество, а у иее только однн доллар восемьдесят семь центов на подарок Джнму! Долгне месяцы она выгадывала буквально каждый цент, и вот все, чего она достнгла. На двадцать долларов в неделю далеко не уедешь. Расходы оказались больше, чем она рассчнтывала. С расходамн всегда так бывает. Только доллар восемьдесят семь центов на подарок Джнму! Ее Джиму! Сколько радостных часов она провела, прндумывая, что бы такое ему подарнть к Рождеству. Что-нибудь совсем особенное, редкостное, драгоценное, что-ннбудь, хоть чуть-чуть достойиое высокой честн прниадлежать Джнму.

В простеике между окнами стояло трюмо. Вам иикогда ие приходилось смотреться в трюмо восьмидолларовой меблнроваиной квартиры? Очень худой и очень подвижной человек может, наблюдая последовательную смену отражеиий в его узких створках, составить себе довольно точное представленне о собственной виешиости. Делле, которая была хрупкого сложения, удалось овладеть этим искусством.

Она вдруг отскочнла от окна н броснлась к зеркалу. Глаза ее сверкали, но с лнца за двадцать секунд сбежали краскн. Быстрым движением оиа вытащнла шпнлькн н распустила волосы.

Надо вам сказать, что у четы Джеймс Днллиигем Юнг было два сокровища, составлявших предмет нх гордостн. Одно — золотые часы Джима, прииадлежавшие его отцу и деду,

другое — волосы Деллы. Если бы царица Савская проживала в доме напротив, Делла, помыв голову, непременно просушивала бы у окна распущенные волосы — специально для того, чтобы заставить померкнуть все наряды и украшения ее величества. Если бы царь Соломон служил в том же доме швейцаром и хранил в подвале все свои богатства, Джим, проходя мимо, всякий раз доставал бы часы из кармана — специально для того, чтобы увидеть, как он рвет на себе бороду от зависти.

И вот прекрасные волосы Деллы рассыпались, блестя и переливаясь, точно струи каштанового водопада. Они спускались ниже колен и плащом окутывали почти всю ее фигуру. Но она тотчас же, нервничая и торопясь, принялась снова подбирать их. Потом, словно заколебавшись, с минуту стояла неподвижно, и две или три слезинки упали на ветхий красный ковер.

Старенький коричневый жакет на плечи, старенькую коричневую шляпку на голову — и, взметнув юбками, сверкнув невысохшими блестками в глазах, она уже мчалась вниз, на улицу.

Вывеска, у которой она остановилась, гласила: «M-me Sophronie. *Всевозможные изделия из волос*». Делла взбежала на второй этаж и остановилась, с трудом переводя дух.

— Не купите ли вы мои волосы? — спросила она у мадам.

— Я покупаю волосы, — ответила мадам. — Снимите шляпку, надо посмотреть товар.

Снова заструился каштановый водопад.

— Двадцать долларов, — сказала мадам, привычно взвешивая на руке густую массу.

— Давайте скорее, — сказала Делла.

Следующие два часа пролетели на розовых крыльях — прошу прощенья за избитую метафору. Делла рыскала по магазинам в поисках подарка для Джима.

Наконец она нашла. Без сомнения, это было создано для Джима, и только для него. Ничего подобного не нашлось в других магазинах, а уж она все в них перевернула вверх дном. Это была платиновая цепочка для карманных часов, простого и строгого рисунка, пленявшая истинными своими качествами, а не показным блеском, — такими и должны быть все хорошие вещи. Ее, пожалуй, даже можно было признать достойной часов. Как только Делла увидела ее, она поняла, что цепочка должна принадлежать Джиму. Она была такая же, как сам Джим. Скромность и достоинство — эти качества отличали обоих. Двадцать один доллар пришлось уплатить в кассу, и Делла поспешила домой с восемьюдесятью семью центами в кармане. При такой цепочке Джиму в любом обществе не зазорно будет поинтересоваться, который час. Как ни великолепны были его часы, а смотрел он на них часто украдкой, потому что они висели на дрянном кожаном ремешке.

Дома оживление Деллы поулеглось и уступило место предусмотрительности и расчету. Она достала щипцы для завивки, зажгла газ и принялась исправлять разрушения, причиненные великодушием в сочетании с любовью. А это всегда тягчайший труд, друзья мои, исполинский труд.

Не прошло и сорока минут, как ее голова покрылась крутыми мелкими локончиками, которые сделали ее удивительно похожей на мальчишку, удравшего с уроков. Она посмотрела на себя в зеркало долгим, внимательным и критическим взглядом.

«Ну, — сказала она себе, — если Джим не убьет меня сразу, как только взглянет, он решит, что я похожа на хористку с Кони-Айленда. Но что же мне было делать, ах, что же мне было делать, раз у меня был только доллар и восемьдесят семь центов!»

В семь часов кофе был сварен, и раскаленная сковорода стояла на газовой плите, дожидаясь бараньих котлеток.

Джим никогда не запаздывал. Делла зажала платиновую цепочку в руке и уселась на краешек стола поближе к входной двери. Вскоре она услышала его шаги внизу на лестнице и на мгновение побледнела. У нее была привычка обращаться к богу с коротенькими молитвами по поводу всяких житейских мелочей, и она торопливо зашептала:

— Господи, сделай так, чтобы я ему не разонравилась!

Дверь отворилась, Джим вошел и закрыл ее за собой. У него было худое, озабоченное лицо. Нелегкое дело в двадцать два года быть обремененным семьей! Ему уже давно нужно было новое пальто, и руки мерзли без перчаток.

Джим неподвижно замер у дверей, точно сеттер, учуявший перепела. Его глаза остановились на Делле с выражением, которого она не могла понять, и ей стало страшно. Это не был ни гнев, ни удивление, ни упрек, ни ужас — ни одного из тех чувств, которых можно было бы ожидать. Он просто смотрел на нее не отрывая взгляда, и лицо его не меняло своего странного выражения.

Делла соскочила со стола и бросилась к нему.

— Джим, милый, — закричала она, — не смотри на меня так! Я остригла волосы и продала их, потому что я не пережила бы, если б мне нечего было подарить тебе к Рождеству. Они опять отрастут. Ты ведь не сердишься, правда? Я не могла иначе. У меня очень быстро растут волосы. Ну, поздравь меня с Рождеством, Джим, и давай радоваться празднику. Если б ты знал, какой я тебе подарок приготовила, какой замечательный, чудесный подарок!

— Ты остригла волосы? — спросил Джим с напряжением, как будто, несмотря на усиленную работу мозга, он все еще не мог осознать этот факт.

— Да, остригла и продала, — сказала Делла. — Но ведь ты меня все равно будешь любить? Я ведь все та же, хоть и с короткими волосами.

Джим недоуменно оглядел комнату.

— Так, значит, твоих кос уже нет? — спросил он с бессмысленной настойчивостью.

— Не ищи, ты их ие иайдешь,— сказала Делла.— Я же тебе говорю: я их продала — остригла н продала. Сегодия сочельиик, Джим. Будь со мной поласковее, потому что я это сделала для тебя. Может быть, волосы иа моей голове и можио пересчитать,— продолжала оиа, и ее иежиый голос вдруг зазвучал серьезио,— ио иикто, иикто ие мог бы измерить мою любовь к тебе! Жарить котлеты, Джнм?

И Джнм вышел из оцепеиеиня. Ои заключнл свою Деллу в объятия. Будем скромиы и иа несколько секунд займемся рассмотрением какого-ннбудь постороиието предмета. Что больше — восемь долларов в иеделю или мнллнои в год? Математик нлн мудрец дадут вам неправнльный ответ. Волхвы приеесли драгоцеиные дары, ио средн иих ие было одного. Впрочем, этн туманные намеки будут разъясиены далее.

Джнм достал из кармаиа пальто сверток н бросил его на стол.

— Не пойми меия ложио, Делл,— сказал ои.— Никакая прическа и стрижка ие могут заставнть меия разлюбить мою девочку. Но развернн этот сверток, и тогда ты поймешь, почему я в первую миуту иемиожко оторопел.

Белые проворные пальчикн рваиули бечевку н бумагу. Последовал крик восторга, тотчас же — увы! — чнсто по-жеиски смеиившийся потоком слез и стоиов, так что потребовалось немедлеиио прнмеиить все успокоительные средства, имевшнеся в распоряженнн хозяниа дома.

Ибо на столе лежали гребии, тот самый иабор гребией — одни задиий и два боковых,— которым Делла давио уже благоговейио любовалась в одиой внтрние Бродвея. Чудесиые гребии, иастоящие черепаховые, с вделаиными в края блестящими камешками, и как раз под цвет ее каштаиовых волос. Оии стоили дорого — Делла зиала это,— и сердце ее долго изиывало и томилось от несбыточиого желаиия обладать ими. И вот теперь оии прииадлежалн ей, но иет уже прекрасиых кос, которые украснл бы их вожделенный блеск.

Все же она прижала гребии к грудн и, когда, иакоиец, иашла в себе силы подиять голову и улыбиуться сквозь слезы, сказала:

— У меия очеиь быстро растут волосы, Джнм!

Тут оиа вдруг подскочила, как ошпаренный котеиок, и воскликиула:

— Ах, боже мой!

Ведь Джим еще ие видел ее замечательиого подарка. Оиа поспешио протяиула ему цепочку иа раскрытой ладоии. Матовый драгоцеииый металл, казалось, занграл в лучах ее буриой и нскренней радости.

— Разве ие прелесть, Джим? Я весь город обегала, покуда иашла это. Теперь можешь хоть сто раз в деиь смотреть, который час. Дай-ка мне часы. Я хочу посмотреть, как это будет выглядеть все вместе.

Но Джим, вместо того чтобы послушаться, лег иа кушетку, подложил обе руки под голову и улыбиулся.

— Делл,— сказал ои,— придется нам пока спрятать наши подаркн, пусть полежат иемножко. Оии для иас сейчас слишком хорошн. Часы я продал, чтобы купить тебе гребии. А теперь, пожалуй, самое время жарить котлеты.

Волхвы, те, что приеесли дары младеицу в яслях, былн, как известио, мудрые, удивительио мудрые людн. Оии-то и завели моду делать рождествеиские подаркн. И так как они былн мудры, то н дары их были мудры, может быть, даже с оговореииым правом обмеиа в случае непригодностн. А я тут рассказал вам инчем не прнмечательную нсторню про двух глупых детей нз восьмндолларовой квартиркн, которые самым иемудрым образом пожертвовали друг для друга своимн величайшими сокровнщами. Но да будет сказаио в иазидаине мудрецам иашнх дией, что из всех дарнтелей эти двое былн мудрейшими. Из всех, кто подиоснт и прииимает дары, истиино мудры лишь подобиые им. Везде и всюду. Оии и есть волхвы.

ИЗ ЛЮБВИ К ИСКУССТВУ

Когда любншь Искусство, иикакие жертвы не тяжелы.

Такова предпосылка. Наш рассказ явится выводом нз этой предпосылки и вместе с тем ее опровержеиием. Это будет оригииальио и иово с точкн зрення логнки, а как литературиый прнем — лншь немногим древиее, чем Великая китайская стеиа.

Джо Лэрреби рос среди вековых дубов и плоскнх равнин Средиего Запада, пылая страстью к изобразительиому искусству. В шесть лет ои запечатлел иа картоие городскую водокачку н одиого почтеииого обывателя, в большой спешке проходящего мимо. Этот плод творческих усилий был заключеи в раму и выставлеи в окие аптеки рядом с удивительиым початком кукурузы, в котором зериа составляли нечетиое количество рядов. Когда же Джо Лэрреби исполиилось двадцать лет, ои, свободио повязав галстук и потуже затянув пояс, отбыл нз родиого города в Нью-Йорк.

Дилия Кэрузер жила иа Юге, в окружеииом сосиами селеиии, и звуки, которые оиа умела извлекать из шестн октав фортепьяииой клавиатуры, порождалн столь большие иадежды в сердцах ее родствеиииков, что с помощью последиих в ее копилке собралось достаточио деиег для поездкн «иа Север» с целью «завершеиия музыкальиого образоваиия». Как имеиио она его завершит, ее родствеиинки предугадать не моглн... впрочем, об этом мы н поведем рассказ.

Джо и Дилия встретились в студнн, где молодые люди, изучающие живопись или музыку, собиралнсь, чтобы потолковать о светотеии, Вагиере, музыке, творениях Рембраидта,

картинах, обоях, Вальдтейфеле, Шопене и Улонге.

Джо и Дилия влюбились друг в друга или полюбили друг друга — как вам больше по вкусу — и, не теряя времени, вступили в брак, ибо (смотри выше), когда любишь Искусство, никакие жертвы не тяжелы.

Мистер и миссис Лэрреби сняли квартирку и стали вести хозяйство. Это была уединенная квартирка, затерявшаяся в каком-то закоулке, подобно самому нижнему ля диез фортепьянной клавиатуры. Супруги были счастливы. Они принадлежали друг другу, а Искусство принадлежало им. И вот мой совет тому, кто молод и богат: продай имение твое и раздай нищим... а еще лучше — отдай эти денежки привратнику, чтобы поселиться в такой же квартирке со своей Дилией и своим Искусством.

Обитатели квартирок, несомненно, подпишутся под моим заявлением, что они самые счастливые люди на свете. Дом, в котором царит счастье, не может быть слишком тесен. Пусть комод, упав ничком, заменит вам бильярд, каминная доска — трюмо, письменный стол — комнату для гостей, а умывальник — пианино! И если все четыре стены вздумают надвинуться на вас — не беда! Лишь бы вы со своей Дилией уместились между ними. Ну, а уж если нет в вашем доме доброго согласия, тогда пусть он будет велик и просторен, чтобы вы могли войти в него через Золотые ворота, повесить шляпу на мыс Гаттерас, платье — на мыс Горн и выйти через Лабрадор!

Джо обучался живописи у самого великого Маэстри. Вы, без сомнения, слышали это имя. Дерет он за свои уроки крепко, а обучает слегка, что, вероятно, и снискало ему громкую славу мастера эффектных контрастов. Дилия училась музыке у Розенштока — вы знаете, конечно, какой широкой известностью пользуется этот возмутитель покоя фортепьянных клавиш.

Джо и Дилия были очень счастливы, пока не прожили всех своих денег. Так оно всегда... но я не хочу показаться циником. Стоявшая перед ними цель была им совершенно ясна. Джо в самом непродолжительном времени должен был написать такие полотна, ради обладания которыми пожилые джентльмены с тощими бакенбардами и толстыми бумажниками будут лупить друг друга кистенем по голове у него в мастерской. Дилия же должна была познать все тайны Музыки, затем пресытиться ею и приобрести обыкновение при виде непроданных мест в партере или в ложах лечить внезапную мигрень омарами, уединившись в своих личных апартаментах и отказываясь выйти на эстраду.

Но прекраснее всего, на мой взгляд, была сама их жизнь в маленькой квартирке: горячие, увлекательные беседы по возвращении с уроков; уютные обеды вдвоем и легкие, необременительные завтраки; обмен честолюбивыми мечтами — причем каждый грезил не столько своими успехами, сколько успехами другого; взаимная готовность помочь и ободрить, и — да простят мне непритязательность моих вкусов — бутерброды с сыром и маслины перед отходом ко сну.

Однако дни шли, и высоко поднятое знамя Искусства бессильно повисло на своем древке. Так оно бывает порой, хотя знаменосец и не виноват. Все из дома и ничего в дом, как говорят грубые, одержимые практицизмом люди. Не стало денег, чтобы оплачивать ценные услуги мистера Маэстри и герра Розенштока. Но, когда любишь Искусство, никакие жертвы не тяжелы. И вот Дилия заявила однажды, что намерена давать уроки музыки, так как нужно свести концы с концами.

День за днем она уходила из дома вербовать учеников и, наконец, однажды вернулась домой к вечеру в очень приподнятом настроении.

— Джо, дорогой мой, я получила урок! — торжествующе объявила она. — И, знаешь, такие милые люди! Генерал... генерал А. Б. Пинкни с дочкой. У них свой дом на Семьдесят первой улице. Роскошный дом, Джо! Поглядел бы ты на их подъезд! Византийский стиль — так, кажется, ты это называешь. А комнаты! Ах, Джо, я никогда не видала ничего подобного!

Я буду давать уроки его дочке Клементине. И представь, я просто привязалась к ней с первого взгляда. Она такая нежная, деликатная и так просто держится. И вся в белом с головы до пят. Ей восемнадцать лет. Я буду заниматься с ней три раза в неделю. Ты только подумай, Джо, урок пять долларов! Это же чудно! Еще два-три таких урока, и я возобновлю занятия с герром Розенштоком. Ну, пожалуйста, родной, перестань хмуриться и давай устроим хороший ужин.

— Тебе легко говорить, Дили, — возразил Джо, вооружаясь столовым ножом и топориком и бросаясь в атаку на банку консервированного горошка. — А мне каково? Ты, значит, будешь бегать по урокам и зарабатывать на жизнь, а я — беззаботно витать в сферах высокого Искусства? Ну уж нет, клянусь останками Бенвенуто Челлини! Я, вероятно, тоже могу продавать газеты или мостить улицы и приносить в дом доллар-другой.

Дилия подошла и повисла у него на шее.

— Джо, любимый мой, ну какой ты глупый! Ты не должен бросать живопись. Ты пойми — ведь если бы я оставила музыку и занялась чем-то посторонним... а я сама учусь, когда даю уроки. Я же не расстаюсь с моей музыкой. А на пятнадцать долларов в неделю мы будем жить, как миллионеры. И думать не смей бросать мистера Маэстри.

— Ладно, — сказал Джо, доставая с полки голубой фарфоровый салатник в форме раковины. — Все же мне очень горько, что ты должна бегать по урокам. Нет, это не Искусство. Но ты, конечно, настоящее сокровище и молодчина.

— Когда любишь Искусство, никакие жертвы не тяжелы, — изрекла Дилия.

— Маэстри похвалил небо на том пейзаже, что я писал в парке, — сообщил Джо. —

А Тинкл разрешил мне выставить две вещи у него в витрине. Может, кто и купит одну из них, если они попадутся на глаза какому-нибудь подходящему идиоту с деньгами.

— Непременно купят,— нежно проворковала Дилия.— А сейчас возблагодарим судьбу за генерала Пинкни и эту телячью грудинку.

Всю следующую неделю чета Лэррби рано садилась завтракать. Джо был необычайно увлечен эффектами утреннего освещения в Центральном парке, где он делал зарисовки, и в семь часов Дилия провожала его, насытив завтраком, нежными заботами, поцелуями и поощрениями.

Искусство — требовательная возлюбленная. Джо теперь редко возвращался домой раньше семи часов вечера.

В субботу Дилия, немного бледная и утомленная, но исполненная милой горделивости, торжественно выложила три пятидолларовые бумажки на маленький (восемь на десять дюймов) столик в маленькой (восемь на десять футов) гостиной.

— Клементина удручает меня порой,— сказала она чуть-чуть устало.— Боюсь, что она недостаточно прилежна. Приходится повторять ей одно и то же по нескольку раз. И эти ее белые одеяния стали уже нагонять тоску. Но генерал Пинкни — вот чудесный старик! Жаль, что ты не знаком с ним, Джо. Он иногда заходит к нам во время урока — он ведь одинокий, вдовец — и стоит, теребя свою белую козлиную бородку. «Ну, как шестнадцатые и тридцать вторые?— спрашивает он всегда.— Идут на лад?»

Ах, Джо, если бы ты видел, какие у них панели в гостиной. А какие мягкие шерстяные портьеры! Клементина немножко покашливает. Надеюсь, что она крепче, чем кажется с виду. Ты знаешь, я в самом деле очень привязалась к ней — она такая ласковая и кроткая и так хорошо воспитана. Брат генерала Пинкни был одно время посланником в Боливии.

Но тут Джо, словно какой-нибудь граф Монте-Кристо, извлек из кармана сначала десять долларов, потом пять, потом еще два и еще один — четыре самые что ни на есть настоящие банкноты — и положил их рядом с заработком своей жены.

— Продал акварель с обелиском одному субъекту из Пеории,— преподнес он ошеломляющее известие.

— Ты шутишь, Джо,— сказала Дилия.— Не может быть, чтобы из Пеории!

— Да вот, представь себе. Жаль, что ты не видела его, Дилия. Толстый, в шерстяном кашне и с гусиной зубочисткой. Он заметил мой этюд в витрине у Тинкла и принял его сначала за изображение ветряной мельницы. Но он славный малый и купил вместо мельницы обелиск и даже заказал мне еще одну картину — маслом, вид на Лэкуонскую товарную станцию. Повезет ее с собой. Ох, уж эти мне уроки музыки! Ну ладно, ладно, они, конечно, неотделимы от Искусства.

— Я так рада, что ты занимаешься своим делом,— горячо сказала Дилия.— Тебя ждет успех, дорогой. Тридцать три доллара! Мы никогда не жили так богато. У нас будут сегодня устрицы на ужин.

— И филе миньон с шампиньонами,— добавил Джо.— А ты не знаешь, где вилка для маслин?

В следующую субботу Джо вернулся домой первым. Он положил восемнадцать долларов на столик в гостиной и поспешно смыл с рук что-то черное — по-видимому, толстый слой масляной краски.

А через полчаса появилась и Дилия. Кисть ее правой руки, вся обмотанная бинтами, была похожа на какой-то бесформенный узел.

— Что случилось, Дилия?— спросил Джо, целуя жену. Дилия рассмеялась, но как-то не очень весело.

— Клементине пришла фантазия угостить меня после урока гренками по-валлийски,— сказала она.— Вообще это девушка со странностями. В пять часов вечера — гренки по-валлийски!

Генерал был дома, и посмотрел бы ты, как он ринулся за сковородкой, можно подумать, что у них нет прислуги. У Клементины, конечно, что-то неладно со здоровьем — она такая нервная. Плеснула мне на руку растопленным сыром, когда поливала им гренки. Ужас как больно было! Бедняжка расстроилась до слез. А генерал Пинкни... ты знаешь, старик просто чуть с ума не сошел. Сам помчался вниз в подвал и послал кого-то — кажется, истопника — в аптеку за мазью и бинтами. Сейчас уж не так больно.

— А это что у тебя тут?— спросил Джо, нежно приподымая ее забинтованную руку и осторожно потягивая за кончики каких-то белых лохмотьев, торчащих из-под бинта.

— Эта такая мягкая штука, на которую кладут мазь,— сказала Дилия.— Господи, Джо, неужели ты продал еще один этюд?— Она только сейчас заметила на маленьком столике деньги.

— Продал ли я этюд?! Спроси об этом нашего друга из Пеории. Он забрал сегодня свою товарную станцию и, кажется, склонен заказать мне еще пейзаж в парке и вид на Гудзон. В котором часу стряслось с тобой это несчастье, Дили?

— Часов в пять, должно быть,— жалобно сказала Дилия.— Утюг... то есть сыр сняли с плиты примерно в это время. Ты бы посмотрел на генерала Пинкни, Джо, когда он...

— Поди-ка сюда, Дили,— сказал Джо. Он опустился на кушетку, притянул к себе жену и обнял ее за плечи.

— Чем это ты занималась последние две недели?— спросил он.

Дилия храбро посмотрела мужу в глаза — взглядом, исполненным любви и упрямства,— и забормотала что-то насчет генерала Пинкни потом опустила голову, и правда вылилась наружу в бурном потоке слез.

— Я не могла найти уроков,— призналась Дилия.— И не могла допустить, чтобы ты бросил живопись. Тогда я поступила в эту большую

прачечную — зиаешь, на Двадцать четвертой улице — гладнть рубашки. А правда, я здорово прндумала все это — насчет генерала Пиикнн н Клементины,— как ты счнтаешь, Джо? И сегодня, когда одна девушка в прачечной обожгла мне руку утюгом, я всю дорогу домой сочнняла эту нсторню с гренкамн. Ты не сердншься, Джо? Ведь еслн бы я не устронлась на работу, ты бы, может быть, не продал своих этюдов этому господину нз Пеорнн.

— Он, между прочнм, не из Пеории,— с расстановкой проговорил Джо.

— Ну, это уже не важно, откуда он. Ты такой молодчнна, Джо, н скажн, пожалуйста... нет, поцелуй меня сначала... скажн, пожалуйста, как это ты догадался, что я не даю уроков?

— Я н не догадывался... до последней минуты,— сказал Джо.— И теперь бы не догадался, но сегодня я послал нз котельной наверх, в прачечную, лнгннн и мазь для какой-то девушкн, которой обожглн руку утюгом. Я уже две неделн как топлю котел в этой прачечной.

— Так, значнт, ты ие...

— Мой покупатель нз Пеорнн — так же, как н твой генерал Пннкнн,— всего лншь пронзведенне нскусства, которое, кстатн, не имеет ничего общего нн с жнвопнсью, ни с музыкой.

Оба рассмеялнсь, н Джо начал:

— Когда любншь Искусство, никакие жертвы...

Но Дилия, не дала мужу договорить, зажав ему рот рукой.

— Нет,— сказала она.— Просто: когда любншь...

ФАРАОН И ХОРАЛ

Сопн заерзал на своей скамейке в Мэдисонсквере. Когда стаи диких гусей тянутся по ночам высоко в небе, когда женщнны, не нмеющне котнковых манто, становятся ласковыми к своим мужьям, когда Сопн начннает ерзать на своей скамейке в парке, это значнт, что знма на носу.

Желтый лнст упал на коленн Сопи. То была внзнтная карточка Деда Мороза; этот старнк добр к постояниым обнтателям Мэднсон-сквера н честно предупреждает нх о своем блнзком прнходе. На перекрестке четырех улиц он вручает свон карточкн Северному ветру, швейцару гостиннцы «Под открытым небом», чтобы постояльцы ее прнготовнлнсь.

Сопн понял, что для него настал час учредить в собственном лнце комнтет для нзыскания средств н путей к защнте своей особы от надвигавшегося холода. Поэтому он заерзал на своей скамейке.

Знмине плаиы Сопн не былн особенно честолюбнвы. Он не мечтал нн о небе юга, нн о поездке на яхте по Средиземиому морю со стоянкой в Неаполнтанском залнве. Трех месяцев заключення на Острове — вот чего жаждала его душа. Трн месяца верного крова н обеспеченной еды, в прнятной компаннн, вдалн от посягательств Борея н фараонов — для Сопн это был понстине предел желаннй.

Уже несколько лет гостепрннмиая тюрьма на Острове служнла ему знмней квартнрой. Как его более счастлнвые сограждане покупали себе бнлеты во Флорнду нлн на Ривьеру, так н Сопн делал несложные прнготовлення к ежегодному паломничеству на Остров. И теперь время для этого наступнло.

Прошлой ночью трн воскресных газеты, которые он умело распределил — одну под пиджак, другой обернул ноги, третьей закутал колеии,— не защнтнлн его от холода: он провел на своей скамейке у фоитаиа очеиь беспокойную иочь, так что Остров рнсовался ему желанным н вполне своевременным прнютом. Сопн презнрал заботы, расточаемые городской бедноте во нмя мнлосердия. По его мнеиию, закои был мнлостнвее, чем филантропия. В городе нмелась тьма общественных н частных благотворнтельных заведеннй, где он мог бы получнть кров н пищу, соответствовавшне его скромным запросам. Но для гордого духа Сопн дары благотворительностн былн тягостны. За всякое благодеяние, полученное нз рук фнлантропов, иадо было платнть еслн не деньгамн, то уннжением. Как у Цезаря был Брут, так н здесь каждая благотворнтельная койка была сопряжеиа с обязательной ванной, а каждый ломоть хлеба отравлен бесцеремонным залезанием в душу. Не лучше лн быть постояльцем тюрьмы? Там, конечно, все делается по строго установленным правилам, но зато ннкто не суется в личные дела джеитльмена.

Решнв, такнм образом, отбыть иа знмннй сезон на Остров, Сопн немедленно прнступнл к осуществлению своего плана. В тюрьму вело много легкнх путей. Самая прнятная дорога туда пролегала через ресторан. Вы заказываете себе в хорошем ресторане роскошный обед, иаедаетесь до отвала н затем объявляете себя неплатежеспособным. Вас без всякого скандала передают в руки полнсмена. Сговорчнвый судья довершает доброе дело.

Сопи встал н, выйдя нз парка, пошел по асфальтовому морю, которое образует слиянне Бродвея н Пятой авеню. Здесь он остановнлся у залитого огнямн кафе, где по вечерам сосредоточивается все лучшее, что может дать виноградная лоза, шелковнчный червь н протоплазма.

Сопн вернл в себя — от нижней пуговнцы жнлета н выше. Ои был чнсто выбрнт, пиджак на нем был прнлнчный, а краснвый черный галстук бабочкой ему подарнла в День Благодарення дама-мнссионерша. Еслн бы ему удалось незаметно добраться до столнка, успех был бы обеспечен. Та часть его существа, которая будет возвышаться над столом, не вызовет у офнцнанта ннкакнх подозреиий. Жареная утка, думал Сопн, н к ней бутылка шабли. Затем сыр, чашечка черного кофе н сигара. Сигара за доллар будет в самый раз. Счет будет не так

велик, чтобы побудить администрацию кафе к особо жестоким актам мщения, а он, закусив таким манером, с приятностью начнет путешествие в свое зимнее убежище.

Но как только Сопи переступил порог ресторана, наметанный глаз метрдотеля сразу же приметил его потертые штаны и стоптанные ботинки. Сильные, ловкие руки быстро повернули его и бесшумно выставили на тротуар, избавив, таким образом, утку от уготованной ей печальной судьбы.

Сопи свернул с Бродвея. По-видимому, его путь на Остров не будет усеян розами. Что делать! Надо придумать другой способ проникнуть в рай.

На углу Шестой авеню внимание прохожих привлекали яркие огни витрины с искусно разложенными товарами. Сопи схватил булыжник и бросил его в стекло. Из-за угла начал сбегаться народ, впереди всех мчался полисмен. Сопи стоял, заложив руки в карманы, и улыбался навстречу блестящим медным пуговицам.

— Кто это сделал?— живо осведомился полисмен.

— А вы не думаете, что тут замешан я?— спросил Сопи не без сарказма, но дружелюбно, как человек, приветствующий великую удачу.

Полисмен не пожелал принять Сопи даже как гипотезу. Люди, разбивающие камнями витрины магазинов, не ведут переговоров с представителями закона. Они берут ноги в руки. Полисмен увидел за полквартала человека, бежавшего вдогонку за трамваем. Он поднял свою дубинку и помчался за ним. Сопи с омерзением в душе побрел дальше... Вторая неудача.

На противоположной стороне улицы находился ресторан без особых претензий. Он был рассчитан на большие аппетиты и тощие кошельки. Посуда и воздух в нем были тяжелые, скатерти и супы — жиденькие. В этот храм желудка Сопи беспрепятственно провел свои предосудительные сапоги и красноречивые брюки. Он сел за столик и проглотил бифштекс, порцию оладий, несколько пончиков и кусок пирога. А затем поведал ресторанному слуге, что он, Сопи, и самая мелкая никелевая монета не имеют между собой ничего общего.

— Ну а теперь,— сказал Сопи,— живее! Позовите фараона. Будьте любезны, пошевеливайтесь: не заставляйте джентльмена ждать.

— Обойдешься без фараонов!— сказал официант голосом мягким, как сдобная булочка, и весело сверкнул глазами, похожими на вишенки в коктейле.— Эй, Кон, подсоби!

Два официанта аккуратно уложили Сопи левым ухом на бесчувственный тротуар. Он поднялся, сустав за суставом, как складная плотничья линейка, и счистил пыль с платья. Арест стал казаться ему радужной мечтой. Остров — далеким миражем. Полисмен, стоявший за два дома, у аптеки, засмеялся и пошел дальше.

Пять кварталов миновал Сопи, прежде чем набрался мужества, чтобы снова попытать счастья. На сей раз ему представился случай прямо-таки великолепный. Молодая женщина, скромно и мило одетая, стояла перед окном магазина и с живым интересом рассматривала тазики для бритья и чернильницы, а в двух шагах от нее, опершись о пожарный кран, красовался здоровенный, сурового вида полисмен.

Сопи решил сыграть роль презренного и всеми ненавидимого уличного ловеласа. Приличная внешность намеченной жертвы и близость внушительного фараона давали ему твердое основание надеяться, что скоро он ощутит увесистую руку полиции на своем плече и зима на уютном островке будет ему обеспечена.

Сопи поправил галстук — подарок дамы-миссионерши, вытащил на свет божий свои непослушные манжеты, лихо сдвинул шляпу набекрень и направился прямо к молодой женщине. Он игриво подмигнул ей, крякнул, улыбнулся, откашлялся,— словом нагло пустил в ход все классические приемы уличного приставалы. Уголком глаза Сопи видел, что полисмен пристально наблюдает за ним. Молодая женщина отошла на несколько шагов и опять предалась созерцанию тазиков для бритья. Сопи пошел за ней следом, нахально стал рядом с ней, приподнял шляпу и сказал:

— Ах, какая вы милашечка! Прогуляемся?

Полисмен продолжал наблюдать. Стоило оскорбленной молодой особе поднять пальчик, и Сопи был бы уже на пути к тихой пристани. Ему уже казалось, что он ощущает тепло и уют полицейского участка. Молодая женщина повернулась к Сопи и, протянув руку, схватила его за рукав.

— С удовольствием, Майк!— сказала она весело.— Пивком угостишь? Я бы и раньше с тобой заговорила, да фараон подсматривает.

Молодая женщина обвилась вокруг Сопи, как плющ вокруг дуба, и под руку с ней он мрачно проследовал мимо блюстителя порядка. Положительно, Сопи был осужден наслаждаться свободой.

На ближайшей улице он стряхнул свою спутницу и пустился наутек. Он остановился в квартале, залитом огнями реклам, в квартале, где одинаково легки сердца, победы и музыка. Женщины в мехах и мужчины в теплых пальто весело переговаривались на холодном ветру. Внезапный страх охватил Сопи. Может, какие-то злые чары сделали его неуязвимым для полиции? Он чуть было не впал в панику и, дойдя до полисмена, величественно стоявшего перед освещенным подъездом театра, решил ухватиться за соломинку «хулиганства в публичном месте».

Во всю мочь своего охрипшего голоса Сопи заорал какую-то пьяную песню. Он пустился в пляс на тротуаре, вопил, кривлялся — всячески способами возмущал спокойствие.

Полисмен покрутил свою дубинку, повернулся к скандалисту спиной и заметил прохожему:

— Это йельский студент. Они сегодня празднуют свою победу над футбольной командой

2—2594

Хартфордского колледжа. Шумят, конечно, но это не опасно. Нам дали инструкцию не трогать их.

Безутешный Сопи прекратил свой никчемный фейерверк. Неужели ни один полисмен так и не схватит его за шиворот? Тюрьма на Острове стала казаться ему недоступной Аркадией. Он плотнее застегнул свой легкий пиджачок: ветер пронизывал его насквозь.

В табачной лавке он увидел господина, закуривавшего сигару от газового рожка. Свой шелковый зонтик он оставил у входа. Сопи перешагнул порог, схватил зонтик и медленно двинулся прочь. Человек с сигарой быстро последовал за ним.

— Это мой зонтик,— сказал он строго.

— Неужели? — нагло ухмыльнулся Сопи, прибавив к мелкой краже оскорбление.— Почему же вы не позовете полисмена? Да, я взял ваш зонтик. Так позовите фараона! Вот он стоит на углу.

Хозяин зонтика замедлил шаг. Сопи тоже. Он уже предчувствовал, что судьба опять сыграет с ним скверную шутку. Полисмен смотрел на них с любопытством.

— Разумеется,— сказал человек с сигарой,— конечно... вы... словом, бывают такие ошибки... я... если это ваш зонтик... надеюсь, вы извините меня... я захватил его сегодня утром в ресторане... если вы признали его за свой... что же... я надеюсь, вы...

— Конечно, это мой зонтик,— сердито сказал Сопи.

Бывший владелец зонтика отступил. А полисмен бросился на помощь высокой блондинке в пышном манто: нужно было перевести ее через улицу, потому что за два квартала показался трамвай.

Сопи свернул на восток по улице, изуродованной ремонтом. Он со злобой швырнул зонтик в яму, осыпая проклятиями людей в шлемах и с дубинками. Он так хотел попасться к ним в лапы, а они смотрят на него, как на непогрешимого папу римского.

Наконец Сопи добрался до одной из отдаленных авеню, куда суета и шум почти не долетали, и взял курс на Мэдисон-сквер. Ибо инстинкт, влекущий человека к родному дому, не умирает даже тогда, когда этим домом является скамейка в парке.

Но на одном особенно тихом углу Сопи вдруг остановился. Здесь стояла старая церковь с остроконечной крышей. Сквозь фиолетовые стекла одного из ее окон струился мягкий свет. Очевидно, органист остался у своего инструмента, чтобы проиграть воскресный хорал, ибо до ушей Сопи донеслись сладкие звуки музыки, и он застыл, прижавшись к завиткам чугунной решетки.

Взошла луна, безмятежная, светлая; экипажей и прохожих было немного; под карнизами сонно чирикали воробьи — можно было подумать, что вы на сельском кладбище. И хорал, который играл органист, приковал Сопи к чугунной решетке, потому что он много раз слышал его раньше — в те дни, когда в его жизни были такие вещи, как матери, розы, смелые планы, друзья и чистые мысли, и чистые воротнички.

Под влиянием музыки, лившейся из старой церкви, в душе Сопи произошла внезапная и чудесная перемена. Он с ужасом увидел бездну, в которую упал, увидел позорные дни, недостойные желания, умершие надежды, загубленные способности и низменные побуждения, из которых слагалась его жизнь.

И сердце его забилось в унисон с этим новым настроением. Он внезапно ощутил в себе силы для борьбы со злодейкой-судьбой. Он выкарабкается из грязи, он опять станет человеком, он победит зло, которое сделало его своим пленником. Время еще не ушло, он сравнительно молод. Он воскресит в себе прежние честолюбивые мечты и энергично возьмется за их осуществление. Торжественные, но сладостные звуки органа произвели в нем переворот. Завтра утром он отправится в деловую часть города и найдет себе работу. Один меховщик предлагал ему как-то место возчика. Он завтра же разыщет его и попросит у него эту службу. Он хочет быть человеком. Он...

Сопи почувствовал, как чья-то рука опустилась на его плечо. Он быстро оглянулся и увидел перед собой широкое лицо полисмена.

— Что вы тут делаете? — спросил полисмен.

— Ничего,— ответил Сопи.

— Тогда пойдем,— сказал полисмен.

— На Остров, три месяца,— постановил на следующее утро судья.

НЕОКОНЧЕННЫЙ РАССКАЗ

Мы теперь не стонем и не посыпаем главу пеплом при упоминании о геенне огненной. Ведь даже проповедники начинают внушать нам, что бог — это радий, эфир или какая-то смесь с научным названием и что самое худшее, чему мы, грешные, можем подвергнуться на том свете,— это некая химическая реакция. Такая гипотеза приятна, но в нас еще осталось кое-что и от старого религиозного страха.

Существуют только две темы, на которые можно говорить, дав волю своей фантазии и не боясь опровержений. Вы можете рассказывать о том, что видели во сне, и передавать то, что слышали от попугая. Ни Морфея, ни попугая суд не допустил бы к даче свидетельских показаний, а слушатели не рискнут придраться к вашему рассказу. Итак, сюжетом моего рассказа будет сновидение, за что приношу свои искренние извинения попугаям, кругозор которых уж очень ограничен.

Я видел сон, столь далекий от скептических настроений наших дней, что в нем фигурировала старинная, почтенная, безвременно погибшая теория Страшного суда.

Гавриил протрубил в трубу, и те из нас, кто не сразу откликнулся на его призыв, были притянуты к допросу. В стороне я заметил группу профессиональных поручителей в черных одеяниях с воротничками, застегивающимися сзади; но, по-видимому, что-то с их имущественным цензом оказалось неладно, и непохоже было, чтобы нас выдали им на поруки.

Крылатый ангел-полисмен подлетел ко мне и взял меня за левое крыло. Совсем близко стояло несколько очень состоятельного вида духов, вызванных в суд.

— Вы из этой шайки?— спросил меня полисмен.

— А кто они?— ответил я вопросом.

— Ну, как же,— сказал он,— это люди, которые...

Но все это не относится к делу и только занимает место, предназначенное для рассказа.

Дэлси служила в универсальном магазине. Она продавала ленты, а может быть, фаршированный перец, или автомобили, или еще какие-нибудь безделушки, которыми торгуют в универсальных магазинах. Из своего заработка она получала на руки шесть долларов в неделю. Остальное записывалось ей в кредит и кому-то в дебет в главной книге, которую ведет господь бог... то есть, виноват, ваше преподобие, Первичная Энергия, так, кажется? Ну, значит в главной книге Первичной Энергии.

Весь первый год, что Дэлси работала в магазине, ей платили пять долларов в неделю. Поучительно было бы узнать, как она жила на эту сумму. Вам это не интересно? Очень хорошо, вас, вероятно, интересуют более крупные суммы. Шесть долларов более крупная сумма. Я расскажу вам, как она жила на шесть долларов в неделю.

Однажды, в шесть часов вечера, прикалывая шляпку так, что булавка прошла в одной восьмой дюйма от мозжечка, Дэлси сказала своей сослуживице Сэди — той, что всегда поворачивается к покупателю левым профилем:

— Знаешь, Сэди, я сегодня сговорилась пойти обедать со Свинкой.

— Не может быть!— воскликнула Сэди с восхищением.— Вот счастливица-то! Свинка страшно шикарный, он всегда водит девушек в самые шикарные места. Один раз он водил Бланш к Гофману, а там всегда такая шикарная музыка и пропасть шикарной публики. Ты шикарно проведешь время, Дэлси.

Дэлси спешила домой. Глаза ее блестели. На щеках горел румянец, возвещавший близкий расцвет жизни, настоящей жизни. Была пятница; из недельной получки у Дэлси оставалось пятьдесят центов.

Улицы, как всегда в этот час, были залиты потоками людей. Электрические огни на Бродвее сияли, привлекая из темноты ночных бабочек; они прилетали сюда за десятки, за сотни миль, чтобы научиться обжигать себе крылья. Хорошо одетые мужчины — лица их напоминали те, что старые матросы так искусно вырезают из вишневых косточек,— оборачивались и глядели на Дэлси, которая спешила вперед, не удостаивая их вниманием. Манхэттен, ночной кактус, начинал раскрывать свои мертвенно-белые, с тяжелым запахом лепестки.

Дэлси вошла в дешевый магазин и купила на свои пятьдесят центов воротничок из машинных кружев. Эти деньги были, собственно говоря, предназначены на другое: пятнадцать центов на ужин, десять — на завтрак и десять — на обед. Еще десять центов Дэлси хотела добавить к своим скромным сбережениям, а пять — промотать на лакричные леденцы, от которых, когда засунешь их за щеку, кажется, что у тебя флюс, и которые тянутся, когда их сосешь, так же долго, как флюс. Леденцы были, конечно, роскошью, почти оргией, но стоит ли жить, если жизнь лишена удовольствий!

Дэлси жила в меблированных комнатах. Между меблированными комнатами и пансионом есть разница: в меблированных комнатах ваши соседи не знают, когда вы голодаете.

Дэлси поднялась в свою комнату — третий этаж, окна во двор, в мрачном каменном доме. Она зажгла газ. Ученые говорят нам, что самое твердое из всех тел — алмаз. Они ошибаются. Квартирные хозяйки знают такой состав, перед которым алмаз покажется глиной. Они смазывают им крышки газовых горелок, и вы можете залезть на стул и раскапывать этот состав, пока не обломаете себе ногти, и все напрасно. Даже шпилькой его не всегда удается проковырять, так что условимся называть его стойким.

Итак, Дэлси зажгла газ. При его свете силою в четверть свечи мы осмотрим комнату.

Кровать, стол, комод, умывальник, стул — в этом была повинна хозяйка. Остальное все принадлежало Дэлси. На комоде помещались ее сокровища: фарфоровая с золотом вазочка, подаренная ей Сэди, календарь — реклама консервного завода, сонник, рисовая пудра в стеклянном блюдечке и пучок искусственных вишен, перевязанный розовой ленточкой.

Прислоненные к кривому зеркалу стояли портреты генерала Китченера, Уильяма Мэлдуна, герцогини Мальборо и Бенвенуто Челлини. На стене висел гипсовый барельеф какого-то ирландца в римском шлеме, а рядом с ним — ярчайшая олеография, на которой мальчик лимонного цвета гонялся за огненно-красной бабочкой. Дальше этого художественный вкус Дэлси не шел; впрочем, он никогда и не был поколеблен. Никогда шушуканья о плагиатах не нарушали ее покоя; ни один критик не щурился презрительно на ее малолетнего энтомолога.

Свинка должен был зайти за нею в семь. Пока она быстро приводит себя в порядок, мы скромно отвернемся и немного посплетничаем.

За комиату Дэлси платит два доллара в иеделю. В будии завтрак стоит ей десять цеитов; оиа делает себе кофе и варит яйцо иа газовой горелке, пока одевается. По воскресеиьям она пирует — ест телячьи котлеты и оладьи с аиаиасами в ресторане Билли; это стоит двадцать пять цеитов, и десять оиа дает иа чай. Нью-Йорк так располагает к расточительиости. Дием Дэлси завтракает иа работе за шестьдесят цеитов в иеделю и обедает за одии доллар и пять цеитов. Вечерияя газета — покажите мие жителя Нью-Йорка, который обходился бы без газеты! — стоит шесть цеитов в иеделю и две воскресиые газеты — одна ради брачиых объявлеиий, другая для чтеиия — десять цеитов. Итого — четыре доллара семьдесят шесть цеитов. А ведь иужио еще одеваться, и...

Нет, я отказываюсь. Я слышал об удивительио дешевых распродажах мануфактуры и о чудесах, совершаемых при помощи иитки и иголки; ио я что-то сомиеваюсь. Мое перо повисает в воздухе при мысли о том, что в жизнь Дэлси следовало бы еще включить радости, какие полагаются жеищиие в силу всех иеписаиых, священиых, естествеииых, бездействующих закоиов высшей справедливости. Два раза оиа была иа Коии-Айлеиде и каталась иа карусели. Скучио, когда удовольствия отпускаются вам ие чаще раза в год.

О Свииke иужио сказать всего иесколько слов. Когда девушки дали ему это прозвище, иа почтеииое семейство свиией легло иезаслужеииое клеймо позора. Можио и дальше использовать для его описаиия животиый мир: у Свиики была душа крысы, повадки летучей мыши и великодушие кошки. Ои одевался щеголем и был зиатоком по части иедоедаиия. Взгляиув иа продавщицу из магазииа, ои мог сказать вам с точиостью до одиого часа, сколько времеии прошло с тех пор, как оиа ела что-иибудь более питательиое, чем чай с пастилой. Ои вечио рыскал по большим магазииам и приглашал девушек обедать. Мужчииы, выводящие иа прогулку собак, и те смотрят иа иего с презреиием. Это — определеииый тип: хватит о ием; мое перо ие годится для описаиия ему подобиых: я ие плотиик.

Без десяти семь Дэлси была готова. Оиа посмотрелась в кривое зеркало и осталась довольиа. Темио-сииее платье, сидевшее иа ией без едииой морщиики, шляпа с кокетливым чериым пером, почти совсем свежие перчатки — все эти свидетельства отречеиия (даже от обеда) были ей очеиь к лицу.

На мииуту Дэлси забыла все, кроме того, что оиа красива и что жизнь готова приподиять для иее краешек таииствеииой завесы и показать ей свои чудеса. Никогда еще ии одии мужчииа ие приглашал ее в ресторан. Сегодия ей предстояло иа краткий миг заглянуть в иовый, сверкающий красками мир.

Девушки говорили, что Свиика — «мот». Зиачит, предстоит роскошиый обед и музыка, и можио будет поглядеть иа разодетых жеищии и отведать таких блюд, от которых у девушек скулы сводит, когда оии пытаются описать их подругам. Без сомиеиия, ои и еще когда-иибудь пригласит ее.

В окие одиого магазииа оиа видела голубое платье из китайского шелка. Если откладывать каждую иеделю ие по десять, а по двадцать цеитов... постойте, постойте... иет, иа это уйдет иесколько лет. Но иа Седьмой авеиию есть магазии подержаииых вещей, и там...

Кто-то постучал в дверь. Дэлси открыла. В дверях стояла квартириая хозяйка с притворной улыбкой иа губах и старалась уловить иосом, ие пахнет ли стряпией иа украдеииом газе.

— Вас там виизу спрашивает какой-то джеитльмеи,— сказала оиа.— Фамилия Уиггиис.

Под таким иазваиием Свиика был известен тем иесчастиым, которые прииимали его всерьез.

Дэлси повериулась к комоду, чтобы достать иосовой платок, и вдруг замерла иа месте и крепко закусила иижиюю губу. Пока оиа смотрела в зеркало, оиа видела сказочиую страиу и себя — приицессу, только что просиувшуюся от долгого сиа. Оиа забыла того, кто ие спускал с иее печальиых, красивых, строгих глаз, едииствеииого, кто мог одобрить или осудить ее поведеиие. Прямой, высокий и стройиый, с выражеиием грустиого упрека иа прекрасиом мелаихолическом лице, геиерал Кичеиер глядел иа иее из золочеиой рамки своими удивительиыми глазами.

Как заводиая кукла, Дэлси повериулась к хозяйке.

— Скажите ему, что я ие пойду,— проговорила она тупо.— Скажите, что я больиа или еще что-иибудь. Скажите, что я ие выхожу.

Проводив хозяйку и заперев дверь, Дэлси бросилась иичком иа постель, так что чериое перо совсем смялось, и проплакала десять мииут. Геиерал Кичеиер был ее едииствеииый друг. В ее глазах ои был идеалом рыцаря. На лице его читалось какое-то тайиое горе, а усы его были, как мечта, и оиа иемиого боялась его строгого, ио иежиого взгляда. Оиа привыкла тешить себя иевииной фаитазией, что когда-иибудь ои придет в этот дом и спросит ее, и его шпага будет постукивать о ботфорты. Одиажды, когда какой-то мальчик стучал цепочкой по фоиариому столбу, оиа открыла окио и выгляиула иа улицу. Но иет! Оиа зиала, что геиерал Кичеиер далеко, в Япоиии, ведет свою армию против диких турок. Никогда ои ие выйдет к ией из своей золочеиой рамки. А между тем в этот вечер одии взгляд его победил Свиику. Да, иа этот вечер.

Поплакав, Дэлси встала, сияла свое иарядиое платье и иадела стареиький голубой халатик. Обедать ей ие хотелось. Оиа пропела два куплета из «Самми». Потом серьезио заиялась красиым пятиышком иа своем иосу. А потом придвииула стул к расшатаииому столу и стала гадать иа картах.

— Вот гадость, вот иаглость!— сказала

оиа вслух.— Я иикогда ии словом, ни взглядом не давала ему повода так думать.

В десять часов Дэлси достала из суидучка жестянку с сухарямн н горшочек с малнновым вареньем н устронла пир. Она предложнла сухарнк с вареньем геиералу Киченеру, но он только посмотрел на нее так, как посмотрел бы сфинкс на бабочку, если только в пустыие есть бабочки.

— Ну и не ешьте, если ие хотите,— сказала Дэлсн,— и не важннчайте так, н не укоряйте глазами. Навряд лн вы были бы такой гордый, еслн бы вам пришлось жнть на шесть долларов в неделю.

Дэлсн нагрубила генералу Кичеиеру, это не предвещало ннчего хорошего. А потом она сердито повернула Бенвеиуто Челлнни лнцом к стене. Впрочем, это было простительно, потому что она всегда прииимала его за Геириха VIII, поведеиия которого не одобряла.

В половине десятого Дэлси бросила последннй взгляд иа портреты, погаснла свет н юркнула в постель. Это очень страшно — ложиться спать, обменявшнсь на прощанье взглядом с генералом Кнченером, Уильямом Мэлдуном, герцогнней Мальборо и Беивенуто Челлини.

Рассказ собственно так н остался без коица. Допнсаи он будет когда-ннбудь позже, когда Свинка опять пригласит Дэлсн в ресторан, н она будет чувствовать себя особеиио одниокой, и генералу Кнченеру случится отвериуться: н тогда...

Как я уже сказал, мне снилось, что я стою недалеко от кучкн ангелов зажнточиого внда, н полисмеи взял меня за крыло н спросил, ие нз их лн я компаннн.

— А кто онн?— спроснл я.

— Ну, как же,— сказал он,— это людн, которые нанимали иа работу девушек и платили нм пять или шесть долларов в иеделю. Вы из нх шайкн?

— Нет, ваше бессмертство,— ответил я.— Я всего-навсего поджег прнют для сирот и убил слепого, чтобы воспользоваться его медяками.

РОМАН БИРЖЕВОГО МАКЛЕРА

Питчер, доверенный клерк в конторе бнржевого маклера Гарви Максуэла, позволнл своему обычно иепроиицаемому лицу на секуиду выразить иекоторый ннтерес и удивлеиие, когда в половиие десятого утра Максуэл быстрыми шагами вошел в контору в сопровождеиии молодой стеиографистки. Отрывисто бросив «здравствуйте, Питчер», ои устремнлся к своему столу, словио собирался перепрыгиуть через иего, и иемедлеиио окунулся в море ожидавших его писем и телеграмм.

Молодая стеиографистка служнла у Максуэла уже год. В ее красоте не было решнтельио ничего от стенографнн. Оиа презрела пышность прически помпадур. Она не иоснла ии цепочек, ни браслетов, нн медальонов. У нее не было такого внда, словио она в любую мииуту готова прннять приглашеиие в ресторан. Платье иа ней было простое, серое, нзящное и скромио облегавшее ее фнгуру. Ее строгую чериую шляпку-тюрбан украшало зелеиое перо попугая. В это утро она вся светнлась какнм-то мягким, застенчнвым светом. Глаза ее мечтательно поблескнвалн, щекн напомннали перснк в цвету, по счастливому лнцу скользнли воспомннання.

Питчер, наблюдавшнй за нею все с тем же сдержаниым интересом, заметнл, что в это утро она вела себя не совсем обычно. Вместо того чтобы прямо пройти в соседнюю комнату, где стоял ее стол, она, словно ожидая чего-то, замешкалась в конторе.Раз она даже подошла к столу Максуэла — достаточно близко, чтобы ои мог ее заметнть.

Человек, сндевшнй за столом, уже перестал быть человеком. Это был занятый по горло нью-йоркский маклер — машнна, прнводимая в двнженне колесиками н пружннами.

— Да. Ну? В чем дело?— резко спроснл Максуэл. Вскрытая почта лежала на его столе, как сугроб бутафорского снега. Его острые серые глаза, безличные и грубые, сверкнули на иее почти что раздраженно.

— Ничего,— ответила стеиографистка н отошла с легкой улыбкой.

— Мистер Питчер,— сказала она доверенному клерку,— мнстер Максуэл говорнл вам вчера о прнглашении новой стенографнсткн?

— Говорнл,— ответил Пнтчер,— он велел мие найтн новую стенографнстку. Я вчера дал зиать в бюро, чтобы онн нам прислали несколько образчиков на пробу. Сейчас десять сорок пять, но еще ии одна модиая шляпка и ни одиа палочка жевательной резиники не явилась.

— Тогда я буду работать, как всегда,— сказала молодая жеищниа,— пока кто-ннбудь не заменнт меия.

И она сейчас же прошла к своему столу н повесила чериый тюрбан с золотнсто-зеленым пером попугая иа обычиое место.

Кто не вндел занятого нью-йоркского маклера в часы бнржевой лихорадкн, тот не может считать себя знатоком в антропологии. Поэт говорит о «полном часе славной жнзнн». У бнржевого маклера час не только полон, но миIнуты и секунды в нем держатся за ремни н висят на буферах н подножках.

А сегодня у Гарвн Максуэла был горячнй деиь. Телеграфиый аппарат стал рывками разматывать свою леиту, телефои на столе страдал хроиическим жужжаиием. Людн толпами валили в коитору и заговаривалн с ннм через барьер — кто весело, кто сердито, кто резко, кто возбужденно. Вбегалн н выбегалн посыльные с телеграммамн. Клерки носнлись и прыгали, как матросы во время шторма. Даже физиономия Питчера изобразнла нечто вроде оживлеиия.

На бирже в этот день были ураганы, обвалы и метели, землетрясения и извержения вулканов, и все эти стихийные неурядицы отражались в миниатюре в конторе маклера. Максуэл отставил свой стул к стене и заключал сделки, танцуя на пуантах. Он прыгал от телеграфа к телефону и от стола к двери с профессиональной ловкостью арлекина.

Среди этого нарастающего напряжения маклер вдруг заметил перед собой золотистую челку под кивающим балдахином из бархата и страусовых перьев, сак из кошки «под котик» и ожерелье из крупных, как орехи, бус, кончающееся где-то у самого пола серебряным сердечком. С этими аксессуарами была связана самоуверенного вида молодая особа. Тут же стоял Питчер, готовый истолковать это явление.

— Из стенографического бюро, насчет места,— сказал Питчер.

Максуэл сделал полуоборот; руки его были полны бумаг и телеграфной ленты.

— Какого места?— спросил он, нахмурившись.

— Места стенографистки,— сказал Питчер.— Вы мне сказали вчера, чтобы я вызвал на сегодня новую стенографистку.

— Вы сходите с ума, Питчер,— сказал Максуэл.— Как я мог дать вам такое распоряжение? Мисс Лесли весь год отлично справлялась со своими обязанностями. Место за ней, пока она сама не захочет уйти. У нас нет никаких вакансий, сударыня. Дайте знать в бюро, Питчер, чтобы больше не присылали, и никого больше ко мне не водите.

Серебряное сердечко в негодовании покинуло контору, раскачиваясь и небрежно задевая за конторскую мебель. Питчер, улучив момент, сообщил бухгалтеру, что «старик» с каждым днем делается рассеяннее и забывчивее.

Рабочий день бушевал все яростнее. На бирже топтали и раздирали на части с полдюжины акций разных наименований, в которые клиенты Максуэла вложили крупные деньги. Приказы на продажу и покупку летали взад и вперед как ласточки. Опасности подвергалась часть собственного портфеля Максуэла, и он работал полным ходом, как некая сложная, тонкая и сильная машина; слова, решения, поступки следовали друг за дружкой с быстротой и четкостью часового механизма. Акции и обязательства, займы и фонды, закладные и ссуды — это был мир финансов, и в нем не было места ни для мира человека, ни для мира природы.

Когда приблизился час завтрака, в работе наступило небольшое затишье.

Максуэл стоял возле своего стола с полными руками записей и телеграмм; за правым ухом у него торчала вечная ручка, растрепанные волосы прядями падали ему на лоб. Окно было открыто, потому что милая швейцариха-весна повернула радиатор, и по трубам центрального отопления земли разлилось немножко тепла.

И через окно в комнату забрел, может быть по ошибке, тонкий, сладкий аромат сирени и на секунду приковал маклера к месту. Ибо этот аромат принадлежал мисс Лесли. Это был ее аромат, и только ее.

Этот аромат принес ее и поставил перед ним — видимую, почти осязаемую. Мир финансов мгновенно съежился в крошечное пятнышко. А она была в соседней комнате, в двадцати шагах.

— Клянусь честью, я это сделаю,— сказал маклер вполголоса.— Спрошу ее сейчас же. Удивляюсь, как я давно этого не сделал.

Он бросился в комнату стенографистки с поспешностью биржевого игрока, который хочет «донести», пока его не экзекутировали. Он ринулся к ее столу.

Стенографистка посмотрела на него и улыбнулась. Легкий румянец залил ее щеки, и взгляд у нее был ласковый и открытый. Максуэл облокотился на ее стол. Он все еще держал обеими руками пачку бумаг, и за ухом у него торчало перо.

— Мисс Лесли,— начал он торопливо,— у меня ровно минута времени. Я должен вам кое-что сказать. Будьте моей женой. Мне некогда было ухаживать за вами, как полагается, но я, право же, люблю вас. Отвечайте скорее, пожалуйста,— эти понижатели вышибают последний дух из «Тихоокеанских».

— Что вы говорите!— воскликнула стенографистка. Она встала и смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Вы меня не поняли?— досадливо спросил Максуэл.— Я хочу, чтобы вы стали моей женой. Я люблю вас, мисс Лесли. Я давно хотел вам сказать и вот улучил минутку, когда там, в конторе, маленькая передышка. Ну вот, меня опять зовут к телефону. Скажите, чтобы подождали, Питчер. Так как же, мисс Лесли?

Стенографистка повела себя очень странно. Сначала она как будто изумилась, потом из ее удивленных глаз хлынули слезы, а потом она солнечно улыбнулась сквозь слезы и одной рукой нежно обняла маклера за шею.

— Я поняла,— сказала она мягко.— Это биржа вытеснила у тебя из головы все остальное. А сначала я испугалась. Неужели ты забыл, Гарви? Мы ведь обвенчались вчера в восемь часов вечера в Маленькой церкви за углом.

ДЕБЮТ ТИЛЬДИ

Если вы не знаете «Закусочной и семейного ресторана» Богля, вы много потеряли. Потому что если вы — один из тех счастливцев, которым по карману дорогие обеды, вам должно быть интересно узнать, как уничтожает съестные припасы другая половина человечества. Если же вы принадлежите к той половине, для которой счет, поданный лакеем,— событие, вы должны узнать Богля, ибо там вы получите за свои деньги то, что вам полагается (по крайней мере по количеству).

Ресторан Богля расположен в самом центре буржуазного квартала, на бульваре Брауна-Джонса-Робинсона — на Восьмой авеню. В зале два ряда столиков, по шести в каждом ряду. На каждом столике стоит судок с приправами. Из перечницы вы можете вытрясти облачко чего-то меланхолического и безвкусного, как вулканическая пыль. Из солонки не сыплется ничего. Даже человек, способный выдавить красный сок из белой репы, потерпел бы поражение, вздумай он добыть хоть крошку соли из боглевской солонки. Кроме того, на каждом столе имеется баночка подделки под сверхострый соус, изготовляемый «по рецепту одного индийского раджи».

За кассой сидит Богль, холодный, суровый, медлительный, грозный, и принимает от вас деньги. Выглядывая из-за горы зубочисток, он дает вам сдачу, накалывает ваш счет, отрывисто, как жаба, бросает вам замечание насчет погоды. Но мой вам совет — ограничьтесь подтверждением его метеорологических пророчеств. Ведь вы — не знакомый Богля; вы случайный, кормящийся у него посетитель; вы можете больше не встретиться с ним до того дня, когда труба Гавриила призовет вас на последний обед. Поэтому берите вашу сдачу и катитесь куда хотите, хоть к черту. Такова теория Богля.

Посетителей Богля обслуживали две официантки и Голос. Одну из девушек звали Эйлин. Она была высокого роста, красивая, живая, приветливая и мастерица позубоскалить. Ее фамилия? Фамилии у Богля считались такой же излишней роскошью, как полоскательница для рук.

Вторую официантку звали Тильди. Почему обязательно Матильда? Слушайте внимательно: Тильди, Тильди. Тильди была маленькая, толстенькая, некрасивая и прилагала слишком много усилий, чтобы всем угодить, чтобы всем угодить. Перечитайте последнюю фразу три раза, и вы увидите, что в ней есть смысл.

Голос был невидимкой. Он исходил из кухни и не блистал оригинальностью. Это был непросвещенный Голос, который довольствовался простым повторением кулинарных восклицаний, издаваемых официантками.

Вы позволите мне еще раз повторить, что Эйлин была красива? Если бы она надела двухсотдолларовое платье, и прошлась бы в нем на пасхальной выставке нарядов, и вы увидели бы ее, вы сами поторопились бы сказать это.

Клиенты Богля были ее рабами. Она умела обслуживать сразу шесть столов. Торопившиеся сдерживали свое нетерпение, радуясь случаю полюбоваться ее быстрой походкой и грациозной фигурой. Насытившиеся заказывали еще что-нибудь, чтобы подольше побыть в сиянии ее улыбки. Каждый мужчина,— а женщины заглядывали к Боглю редко,— старался произвести на нее впечатление.

Эйлин умела перебрасываться шутками с десятью клиентами одновременно. Каждая ее улыбка, как дробинки из дробовика, попадала сразу в несколько сердец. И в это же самое время она умудрялась проявлять чудеса ловкости и проворства, доставляя на столы свинину с фасолью, рагу, яичницы, колбасу с пшеничным соусом и всякие прочие яства в сотейниках и на сковородках, в стоячем и лежачем положении. Все эти пиршества, флирт и блеск остроумия превращали ресторан Богля в своего рода салон, в котором Эйлин играла роль мадам Рекамье.

Если даже случайные посетители бывали очарованы восхитительной Эйлин, то что же делалось с завсегдатаями Богля? Они обожали ее. Они соперничали между собою. Эйлин могла бы весело проводить время хоть каждый вечер. По крайней мере два раза в неделю кто-нибудь водил ее в театр или на танцы. Один толстый джентльмен, которого они с Тильди прозвали между собой «боровом», подарил ей колечко с бирюзой. Другой, получивший кличку «нахал» и служивший в ремонтной мастерской, хотел подарить ей пуделя, как только его брат-возчик получит подряд на Девятой улице. А тот, который всегда заказывал свиную грудинку со шпинатом и говорил, что он биржевой маклер, пригласил ее на «Парсифаля».

— Я не знаю, где этот «Парсифаль» и сколько туда езды,— заметила Эйлин, рассказывая об этом Тильди,— но я не сделаю ни стежка на моем дорожном костюме до тех пор, пока обручальное кольцо не будет у меня на пальце. Права я или нет?

А Тильди...

В пропитанном парами, болтовней и запахом капусты заведении Богля разыгрывалась настоящая трагедия. За кубышкой Тильди, с ее носом-пуговкой, волосами цвета соломы и веснушчатым лицом, никогда никто не ухаживал. Ни один мужчина не провожал ее глазами, когда она бегала по ресторану,— разве что голод заставит их жадно высматривать заказанное блюдо. Никто не заигрывал с нею, не вызывал ее на веселый турнир остроумия. Никто не подтрунивал над ней по утрам, как над Эйлин, не говорил ей, скрывая под насмешкой зависть к неведомому счастливцу, что она, видно, поздненько пришла вчера домой, что так медленно подает сегодня. Никто никогда не дарил ей колец с бирюзой и не приглашал ее на таинственный, далекий «Парсифаль».

Тильди была хорошей работницей, и мужчины терпели ее. Те, что сидели за ее столиками, изъяснялись с ней короткими цитатами из меню, а затем уже другим, медовым голосом заговаривали с красавицей Эйлин. Они ерзали на стульях и старались из-за приближающейся фигуры Тильди увидеть Эйлин, чтобы красота ее превратила их яичницу с ветчиной в амброзию.

И Тильди довольствовалась своей ролью серенькой труженицы, лишь бы на долю Эйлин доставались поклонение и комплименты. Нос пуговкой питал верноподданнические чувства к короткому греческому носику. Она была другом Эйлин, и она радовалась, видя, как Эйлин власт-

вует над сердцами и отвлекает внимание мужчин от дымящегося пирога и лимонных пирожных. Но глубоко под веснушчатой кожей и соломенными волосами у самых некрасивых из нас таится мечта о принце или принцессе, которые придут только для нас одних.

Однажды утром Эйлин пришла на работу с подбитым глазом, и Тильди излила на нее потоки сочувствия, способные вылечить даже трахому.

— Нахал какой-то,— объяснила Эйлин.— Вчера вечером, когда я возвращалась домой. Пристал ко мне на Двадцать третьей. Лезет, да и только. Ну, я его отшила, и он отстал. Но оказалось, что он все время шел за мной. На Восемнадцатой он опять начал приставать. Я как размахнулась да как ахну его по щеке! Тут он мне этот фонарь и наставил. Правда, Тиль, у меня ужасный вид? Мне так неприятно, что мистер Никольсон увидит, когда придет в десять часов пить чай с гренками.

Тильди слушала, и сердце у нее замирало от восторга. Ни один мужчина никогда не пытался приставать к ней. Она была в безопасности на улице в любой час дня и ночи. Какое это, должно быть, блаженство, когда мужчина преследует тебя и из любви ставит тебе фонарь под глазом!

Среди посетителей Богля был молодой человек по имени Сидерс, работавший в прачечной. Мистер Сидерс был худ и белобрыс, и казалось, что его только что хорошенько высушили и накрахмалили. Он был слишком застенчив, чтобы добиваться внимания Эйлин; поэтому он обычно садился за один из столиков Тильди и обрекал себя на молчание и вареную рыбу.

Однажды, когда мистер Сидерс пришел обедать, от него пахло пивом. В ресторане было только два-три посетителя. Покончив с вареной рыбой, мистер Сидерс встал, обнял Тильди за талию, громко и бесцеремонно поцеловал ее, вышел на улицу, показал кукиш своей прачечной и отправился в пассаж опускать монетки в щели автоматов.

Несколько секунд Тильди стояла окаменев. Потом до сознания ее дошло, что Эйлин грозит ей пальцем и говорит:

— Ай да Тиль, ай да хитрюга! На что это похоже! Этак ты отобьешь у меня всех моих поклонников. Придется мне следить за тобой, моя милая.

И еще одна мысль забрезжила в сознании Тильди. В мгновенье ока из безнадежной, смиренной поклонницы она превратилась в такую же дочь Евы, сестру всемогущей Эйлин. Она сама стала теперь Цирцеей, целью для стрел Купидона, сабинянкой, которая должна остерегаться, когда римляне пируют. Мужчина нашел ее талию привлекательной и ее губы желанными. Этот стремительный, опаленный любовью Сидерс, казалось, совершил над ней то чудо, которое совершается в прачечной за особую плату. Сняв грубую дерюгу ее непривлекательности, он в один миг выстирал ее, просушил, накрахмалил, выгладил и вернул ей в виде тончайшего батиста — облачения, достойного самой Венеры.

Веснушки Тильди потонули в огне румянца, Цирцея и Психея вместе выглянули из ее загоревшихся глаз. Ведь даже Эйлин никто не обнимал и не целовал в ресторане у всех на глазах.

Тильди была не в силах хранить эту восхитительную тайну. Воспользовавшись коротким затишьем, она как бы случайно остановилась возле конторки Богля. Глаза ее сияли; она очень старалась, чтобы в словах ее не прозвучала гордость и похвальба.

— Один джентльмен оскорбил меня сегодня,— сказала она.— Он обхватил меня за талию и поцеловал.

— Вот как,— сказал Богль, приподняв забрало своей деловитости.— С будущей недели вы будете получать на доллар больше.

Во время обеда Тильди, подавая знакомым посетителям, объявляла каждому из них со скромностью человека, достоинства которого не нуждаются в преувеличении:

— Один джентльмен оскорбил меня сегодня в ресторане. Он обнял меня за талию и поцеловал.

Обедающие принимали эту новость различно — одни выражали недоверие; другие поздравляли ее; третьи забросали ее шуточками, которые до сих пор предназначались только для Эйлин. И сердце Тильди ширилось от счастья — наконец-то на краю однообразной серой равнины, по которой она так долго блуждала, показались башни романтики.

Два дня мистер Сидерс не появлялся. За это время Тильди прочно укрепилась на позиции интересной женщины. Она накупила лент, сделала себе такую же прическу, как у Эйлин, и затянула талию на два дюйма туже. Ей становилось и страшно и сладко от мысли, что мистер Сидерс может ворваться в ресторан и застрелить ее из пистолета. Вероятно, он любит ее безумно, а эти страстные влюбленные всегда бешено ревнивы. Даже в Эйлин не стреляли из пистолета. И Тильди решила, что лучше ему не стрелять; она ведь всегда была верным другом Эйлин и не хотела затмить ее славу.

На третий день в четыре часа мистер Сидерс пришел. За столиками не было ни души. В глубине ресторана Тильди накладывала в баночки горчицу, а Эйлин резала пирог. Мистер Сидерс подошел к девушкам.

Тильди подняла глаза и увидела его. У нее захватило дыхание, и она прижала к груди ложку, которой накладывала горчицу. В волосах у нее был красный бант; на шее — эмблема Венеры с Восьмой авеню — ожерелье из голубых бус с символическим серебряным сердечком.

Мистер Сидерс был красен и смущен. Он опустил одну руку в карман брюк, а другую — в свежий пирог с тыквой.

— Мисс Тильди,— сказал он,— я должен извиниться за то, что позволил себе в тот вечер. Правду сказать, я тогда здорово выпил,

а то никогда не сделал бы этого. Я бы никогда ни с одиой женщииой ие поступил так, если бы был трезвый. Я иадеюсь, мисс Тильди, что вы примете мое извииеиие и поверите, что я ие сделал бы этого, если бы поиимал, что делаю, и ие был бы пьяи.

Выразив столь деликатно свое раскаяиие, мистер Сидерс дал задиий ход и вышел из ресторана, чувствуя, что вииа его заглажеиа.

Но за спасительиой ширмой Тильди упала головой иа стол, среди кусочков масла и кофейиых чашек, и плакала навзрыд — плакала и возвращалась иа одиообразную серую равиииу, по которой блуждают такие, как оиа,— с носом-пуговкой и волосами цвета соломы. Оиа сорвала свой красный бант и бросила его иа пол. Сидерса оиа глубоко презирала; оиа приияла его поцелуй за поцелуй приица, который иашел дорогу в заколдоваииое царство сиа, и привел в движение усиувшие часы, и заставил суетиться соииых пажей. Но поцелуй был пьяиый и иеумышлеиный; соиное царство ие шелохиулось, услышав ложиую тревогу; ей суждеио иавеки остаться спящей красавицей.

Одиако ие все было потеряио. Рука Эйлии обияла ее, и красная рука Тильди шарила по столу среди объедков, пока ие почувствовала теплого пожатия друга.

— Не огорчайся, Тиль,— сказала Эйлии, ие вполие поиявшая, в чем дело.— Не стоит того этот Сидерс. Не джентльмеи, а белобрысая защипка для белья, вот он что такое. Будь ои джеитльмеиом, разве ои стал бы просить извииеиия?

ГОРЯЩИЙ СВЕТИЛЬНИК

Коиечио, у этой проблемы есть две стороиы. Рассмотрим вторую. Нередко приходится слышать о «продавщицах». Но их ие существует. Есть девушки, которые работают в магазииах. Это профессия. Одиако с какой стати иазвание профессии превращать в определеиие человека? Будем справедливы. Ведь мы ие имеиуем «иевестами» всех девушек, живущих на Пятой авеию.

Лу и Нэиси были подругами. Оии приехали в Нью-Йорк искать работы, потому что родители ие могли их прокормить. Нэиси было девятнадцать лет. Лу — двадцать. Это были хорошеиькие трудолюбивые девушки из провиniции, ие мечтавшие о сцеиической карьере.

Ангел-храиитель привел их в дешевый и приличный паисион. Обе иашли место и начали самостоятельную жизнь. Они остались подругами. Разрешите теперь, по прошествии шести месяцев, познакомить вас: Назойливый Читатель — мои добрые друзья мисс Нэиси и мисс Лу. Раскланиваясь, обратите виимаиие — только иезаметио,— как оии одеты. Но только иезаметио! Оии так же ие любят, чтобы иа иих глазели, как дама в ложе иа скачках.

Лу работает сдельио гладильщицей в ручиой прачечиой. Пурпуриое платье плохо сидит иа ией, перо иа шляпе иа четыре дюйма длиииее, чем следует, но ее гориостаевая муфта и горжетка стоят двадцать пять долларов, а к коицу сезоиа собратья этих гориостаев будут красоваться в витринах, сиабжеииых ярлыками «7 долларов 98 цеитов». У иее розовые щеки и блестящие голубые глаза. По всему видио, что оиа вполие довольиа жизиью.

Нэиси вы назовете продавщицей — по привычке. Такого типа ие существует. Но поскольку пресыщенное поколение повсюду ищет тип, ее можно назвать «типичиой продавщицей». У иее высокая прическа помпадур и корректиейшая английская блузка. Юбка ее безупречиого покроя, хотя и из дешевой материи. Нэиси не кутается в меха от резкого весеииего ветра, ио свой короткий суконный жакет она иосит с таким шиком, как будто это каракулевое маито. Ее лицо, ее глаза, о безжалостиый охотник за типами, храият выражение, типичное для продавщицы: безмолвиое, презрительиое иегодование попраиной женственности, горькое обещаиие грядущей мести. Это выражение ие исчезает, даже когда оиа весело смеется. То же выражеиие можио увидеть в глазах русских крестьяи, и те из иас, кто доживет, узрят его иа лице архаигела Гавриила, когда он затрубит последний сбор. Это выражение должно было бы смутить и уничтожить мужчииу, однако он чаще ухмыляется и преподиосит букет... за которым тяиется веревочка.

А теперь приподиимите шляпу и уходите, получив иа прощаиие веселое «до скорого!» от Лу и насмешливую, иежную улыбку от Нэнси, улыбку, которую вам почему-то ие удается поймать, и оиа, как белая иочиая бабочка, трепеща, подиимается над крышами домов к звездам.

На углу улицы девушки ждали Дэна. Дэи был верный поклонник Лу. Предаииый? Ои был бы при ией и тогда, когда Мэри пришлось бы разыскивать свою овечку при помощи иаемиых сыщиков.

— Тебе ие холодио, Нэиси?— заметила Лу.— Ну и дура ты! Торчишь в этой лавчоике за восемь долларов в иеделю! На прошлой иеделе я заработала восемиадцать пятьдесят. Коиечио, гладить ие так шикарио, как продавать кружева за прилавком, зато плата хорошая. Никто из иаших гладильщиц меньше десяти долларов ие получает. И эта работа иичем не униэительиее твоей.

— Ну, и бери ее себе,— сказала Нэнси, вздериув иос,— а мие хватит моих восьми долларов и одиой комиаты. Я люблю, чтобы вокруг были красивые вещи и шикариая публика. И потом, какие там возможиости! У нас в отделе перчаток одиа вышла за литейщика или, как там его,— кузиеца, из Питтсбурга. Ои миллиоиер! И я могу подцепить ие хуже. Я вовсе не хочу хвастать своей иаружиостью, ио я по мелочам ие играю. Ну, а в прачечиой какие у девушки возможиости?

— Там я познакомилась с Дэном!— победоносно заявила Лу.— Он зашел за своей воскресной рубашкой и воротничками, а я гладила на первой доске. У нас все хотят работать за первой доской. В этот день Элла Меджиннис заболела, и я заняла ее место. Он говорит, что сперва заметил мои руки — такие белые и круглые. У меня были закатаны рукава. В прачечные заходят очень приличные люди. Их сразу видно: они белье приносят в чемоданчике и в дверях не болтаются.

— Как ты можешь носить такую блузку, Лу?— спросила Нэнси, бросив из-под тяжелых век томно-насмешливый взгляд на пестрый туалет подруги.— Ну и вкус же у тебя!

— А что?— вознегодовала Лу.— За эту блузку я шестнадцать долларов заплатила, а стоит она двадцать пять. Какая-то женщина сдала ее в стирку, да так и не забрала. Хозяин продал ее мне. Она вся в ручной вышивке! Ты лучше скажи, что это на тебе за серое безобразие?

— Это серое безобразие,— холодно сказала Нэнси,— точная копия того безобразия, которое носит миссис ван Олстин Фишер. Девушки говорят, что в прошлом году у нее в нашем магазине счет был двенадцать тысяч долларов. Свое платье я сшила сама. Оно обошлось мне в полтора доллара. За пять шагов ты их не различишь.

— Ладно уж!— добродушно сказала Лу.— Если хочешь голодать и важничать — дело твое. А мне годится и моя работа, только бы платили хорошо; зато уж после работы я хочу носить самое нарядное, что мне по карману.

Тут появился Дэн, монтер (с заработком тридцать долларов в неделю), серьезный юноша в дешевом галстуке, избежавший печати развязности, которую город накладывает на молодежь. Он взирал на Лу печальными глазами Ромео, и ее вышитая блузка казалась ему паутиной, запутаться в которой сочтет за счастье любая муха.

— Мой друг мистер Оуэнс,— представила Лу.— А это мисс Дэнфорс, познакомьтесь.

— Очень рад, мисс Дэнфорс,— сказал Дэн, протягивая руку.— Лу много говорила о вас.

— Благодарю,— сказала Нэнси и дотронулась до его ладони кончиками холодных пальцев.— Она упоминала о вас... изредка.

Лу хихикнула.

— Это рукопожатие ты подцепила у миссис ван Олстин Фишер?— спросила она.

— Тем более можешь быть уверена, что ему стоит научиться,— сказала Нэнси.

— А мне оно ни к чему. Очень уж тонно. Придумано, чтобы щеголять брильянтовыми кольцами. Вот когда они у меня будут, я попробую.

— Сначала научись,— благоразумно заметила Нэнси,— тогда и кольца скорее появятся.

— Ну, чтобы покончить с этим спором,— вмешался Дэн, как всегда весело улыбаясь,— позвольте мне внести предложение. Поскольку я не могу пригласить вас обеих в ювелирный магазин, может быть, отправимся в оперетку? У меня есть билеты. Давайте поглядим на театральные брильянты, раз уж настоящие камешки не про нас.

Верный рыцарь занял свое место у края тротуара, рядом шла Лу в пышном павлиньем наряде, а затем Нэнси, стройная, скромная, как воробышек, но с манерами подлинной миссис ван Олстин Фишер,— так они отправились на поиски своих нехитрых развлечений.

Немногие, я думаю, сочли бы большой универсальный магазин учебным заведением. Но для Нэнси ее магазин был самой настоящей школой. Ее окружали красивые вещи, дышавшие утонченным вкусом. Если вокруг вас роскошь, она принадлежит вам, кто бы за нее ни платил — вы или другие.

Большинство ее покупателей были женщины с высоким положением в обществе, законодательницы мод и манер. И с них Нэнси начала взимать дань — то, что ей больше нравилось в каждой.

У одной она копировала жест, у другой — красноречивое движение бровей, у третьей — походку, манеру держать сумочку, улыбаться, здороваться с друзьями, обращаться к «низшим». А у своей излюбленной модели, миссис ван Олстин Фишер, она заимствовала нечто поистине замечательное — негромкий нежный голос, чистый, как серебро, музыкальный, как пение дрозда. Это пребывание в атмосфере высшей утонченности и хороших манер неизбежно должно было оказать на нее и более глубокое влияние. Говорят, что хорошие привычки лучше хороших принципов. Возможно, хорошие манеры лучше хороших привычек. Родительские поучения могут и не спасти от гибели вашу пуританскую совесть; но если вы выпрямитесь на стуле, не касаясь спинки, и сорок раз повторите слова «призмы», «пилигримы», сатана отыдет от вас. И когда Нэнси прибегала к ванолстинфишеровской интонации, ее охватывал гордый трепет noblesse oblige[1].

В этой универсальной школе были и другие источники познания. Когда вам доведется увидеть, что несколько продавщиц собрались в тесный кружок и позвякивают дутыми браслетами в такт словно бы легкомысленной болтовне, не думайте, что они обсуждают челку модницы Этель. Может быть, этому сборищу не хватает спокойного достоинства мужского законодательного собрания, но по значению своему оно не уступает первому совещанию Евы и ее старшей дочери о том, как поставить Адама на место. Это — Женская Конференция Взаимопомощи и Обмена Стратегическими Теориями Нападения на и Защиты от Мира, Который есть Сцена, и от Зрителя-Мужчины, упорно Бросающего Букеты на Таковую. Женщина самое беспомощное из земных созданий, грациозная, как лань, но без ее быстроты, прекрасная, как птица, но без крыльев, полная сладости,

[1]Положение обязывает *(фр.)*.

как медоиосиая пчела, ио без ее... Лучше бросим метафору — среди иас могут оказаться ужалеииые.

На этом воеииом совете обмеииваются оружием и делятся опытом, иакоплеииым в жизиеииых стычках.

— А я ему говорю: «Нахал!» — говорит Сэди.— «Да как вы смеете говорить мие такие вещи? За кого вы меня прииимаете?» А ои мие отвечает...

Головы — чериые, каштаиовые, рыжие, белокурые и золотистые — сближаются. Сообщается ответ, и совместио решается, как в дальиейшем парировать подобиый выпад иа дуэли с общим врагом — мужчииой.

Так Нэиси училась искусству защиты, а для жеищииы успешиая защита озиачает победу.

Учебиая программа уииверсальиого магазииа весьма обшириа. И, пожалуй, ии одии колледж ие подготовил бы Нэиси так хорошо для осуществлеиия ее заветиого желаиия — выиграть в брачиой лотерее.

Ее прилавок был расположеи очеиь удачио. Рядом иаходился музыкальиый отдел, и оиа позиакомилась с произведеииями крупиейших композиторов, по крайией мере иастолько, иасколько это требовалось, чтобы сойти за тоикую цеиительиицу в том иеведомом «высшем свете», куда оиа робко иадеялась проиикиуть. Оиа впитывала возвышающую атмосферу художествеииых безделушек, красивых дорогих материй и ювелириых изделий, которые для жеищииы почти замеияют культуру.

Честолюбивые стремлеиия Нэиси иедолго оставались тайиой для ее подруг. «Смотри, вои твой миллиоиер, Нэиси!» — раздавалось кругом, когда к ее прилавку приближался покупатель подходящей виешиости. Постепеиио у мужчии, слоиявшихся без дела по магазииу, пока их дамы заиимались покупками, вошло в привычку остаиавливаться у прилавка с иосовыми платками и ие спеша перебирать батистовые квадратики. Их привлекали подделыиый светский тои Нэиси и ее иеподдельиая изящиая красота. Желающих полюбезиичать с ией было миого. Некоторые из иих, возможио, были миллиоиерами, остальиые прилагали все усилия, чтобы сойти за таковых. Нэиси иаучилась их различать. Сбоку от ее прилавка было окио; за иим были видиы ряды машии, ожидавших виизу покупателей. И Нэиси узиала, что автомобили, как и их владельцы, имеют свое лицо.

Одиажды обворожительиый джеитльмеи, ухаживая за ией с видом царя Кофетуа, купил четыре дюжииы иосовых платков. Когда ои ушел, одиа из продавщиц спросила:

— В чем дело, Нэи? Почему ты его спровадила? По-моему, товар что иадо.

— Ои-то? — сказала Нэиси с самой холодиой, самой любезиой, самой безразличиой улыбкой из арсеиала миссис ваи Олстии Фишер.— Не для меия. Я видела, как ои подъехал. Машииа в двеиадцать лошадииых сил и шофер — ирлаидец. А ты заметила, какие платки ои купил — шелковые! И у иего кольцо с печаткой. Нет, мие подделок ие иадо.

У двух самых «утоичеииых» дам магазииа — заведующей отделом и кассирши — были «шикариые» кавалеры, которые иногда приглашали их в рестораи. Как-то оии предложили Нэиси пойти с иими. Обед происходил в одном из тех модиых кафе, где заказы иа столики к Новому году прииимаются за год вперед. «Шикариых» кавалеров было двое: одии бы лыс (его волосы развеял вихрь удовольствий — это иам достоверио известио), другой — молодой человек, который чрезвычайио убедительио доказывал свою зиачительиость и пресыщеииость жизиью,— во-первых, он клялся, что виио иикуда ие годится, а во-вторых, иосил брильяитовые запоики. Этот юиоша узрел в Нэиси массу иеотразимых достоииств. Ои вообще был иеравиодушеи к продавщицам, а в этой безыскусствеииая простота ее класса соедииялась с маиерами его круга. И вот иа следующий деиь ои явился в магазии и по всем правилам сделал ей предложеиие руки и сердца иад коробкой платочков из белеиого ирлаидского полотиа. Нэиси отказала. В течеиие всей их беседы каштаиовая прическа помпадур по соседству иапрягала зреиие и слух. Когда отвергиутый влюблеииый удалился, иа голову Нэиси полились ядовитые потоки упреков и иегодоваиия.

— Идиотка! Это же миллиоиер — племяиик самого ваи Скиттлза. И ведь ои говорил всерьез. Нет, ты окоичательио рехиулась, Нэи!

— Ты думаешь? — сказала Нэиси.— Ах, зиачит, иадо было согласиться? Прежде всего, ои ие такой уж миллиоиер. Семья дает ему всего двадцать тысяч в год иа расходы, лысый вчера иад иим смеялся.

Каштаиовая прическа придвиилась и прищурила глаза.

— Что ты воображаешь? — вопросила она хриплым голосом (от волиеиия оиа забыла суиуть в рот жевательиую резииу).— Тебе что, мало? Может, ты в мормоиы хочешь, чтобы повеичаться зараз с Рокфеллером, Гладстоиом Дауи, королем испаиским и прочей компаиией? Тебе двадцати тысяч в год мало?

Нэиси слегка покрасиела под упориым взглядом глупых чериых глаз.

— Тут дело ие только в деиьгах, Кэрри,— объясиила оиа.— Его приятель вчера поймал его иа враиье. Что-то о девушке, с которой ои будто бы не ходил в театр. А я лжецов ие выиошу. Одиим словом, он мие ие иравится — вот и все. Меия дешево ие купишь. Это правда — я хочу подцепить богача. Но мие иужио, чтобы это был человек, а ие просто громыхающая копилка.

— Тебе место в психометрической больиице,— сказал каштаиовый помпадур, отворачиваясь.

И Нэиси продолжала питать такие возвышеииые идеи, чтобы ие сказать — идеалы, иа свои восемь долларов в иеделю. Оиа шла по следу великой иеведомой «добычи», поддерживая свои силы черствым хлебом и все туже

затягивая пояс. На ее лице играла легкая, томиая, мрачиая, боевая улыбка прирождеиной охотиицы за мужчииами. Магазин был ее лесом; часто, когда дичь казалась крупной и красивой, оиа подимала ружье, прицеливаясь, ио каждый раз какой-то глубокий безошибочиый инстикт — охотиицы или, может быть, жеищииы — удерживал ее от выстрела, и оиа шла по иовому следу.

А Лу процветала все в той же прачечиой. Из своих восемиадцати долларов пятидесяти цеитов в иеделю оиа платила шесть долларов за комнату и стол. Остальиое тратилось иа одежду. По сравнению с Нэиси у иее было мало возможиостей улучшить свой вкус и маиеры. Весь день оиа гладила в душиой прачечной, гладила и мечтала о том, как приятио проведет вечер. Под ее утюгом перебывало миого дорогих пышиых платьев, и, может быть, все растущий иитерес к иарядам передавался ей по этому металлическому проводнику.

Когда оиа коичала работу, иа улице уже дожидался Дэи, ее вериая теиь при любом освещеиии.

Иногда при взгляде иа туалеты Лу, которые стаиовились все более пестрыми и безвкусиыми, в его честиых глазах появлялось беспокойство. Но ои ие осуждал ее — ему просто ие иравилось, что оиа привлекает к себе виимаиие прохожих.

Лу была по-прежиему вериа своей подруге. По нерушимому правилу Нэиси сопровождала их, куда бы оии ии отправлялись, и Дэи весело и безропотио иес добавочные расходы. Этому трио искателей развлечений Лу, так сказать, придавала яркость, Нэиси — тои, а Дэн — вес. На этого молодого человека в приличном стаидартиом костюме, в стандартиом галстуке, всегда с добродушной стаидартиой шуткой иаготове, можио было положиться. Ои приiадлежал к тем хорошим людям, о которых легко забываешь, когда онн рядом, но которых часто вспомииаешь, когда их иет.

Для взыскательной Нэнси в этих стаидартиых развлечениях был иногда горьковатый привкус. Но оиа была молода, а молодость жадна н за неимением лучшего заменяет качество колнчеством.

— Дэи все иастаивает, чтобы мы поженились,— однажды призналась Лу.— А к чему мие это? Я сама себе хозяйка и трачу свои деньги, как хочу. А он ии за что ие позволит мие работать. Послушай, Нэн, что ты торчишь в своей лавчонке? Нн поесть, ии одеться как следует. Скажн только слово, и я устрою тебя в прачечиую. Ты бы сбавила форсу, зато у иас можио заработать.

— Тут дело не в форсе, Лу,—сказала Нэиси.— Я предпочту остаться там даже иа половииком пайке. Привычка, наверное. Мие иужеи шаис. Я ведь ие собираюсь провести за прилавком всю жнзнь. Каждый деиь я узиаю что-иибудь новое. Я все время имею дело с богатыми н воспитанными людьми,— хоть я их только обслуживаю,— и можешь быть увереиа, что я иичего ие пропускаю.

— Изловила своего миллиоищика?— иасмешливо фыркиула Лу.

— Пока еще иет,— ответила Нэнси.— Выбираю.

— Боже ты мой, выбирает! Смотри, Нэи, ие упусти, если подвернется хоть одии даже с иеполиым миллиоиом. Да ты шутишь — миллиоиеры и ие думают о работиицах вроде иас с тобой.

— Тем хуже для иих,— сказала Нэиси рассудительио,— кое-кто из иас иаучил бы их обращаться с деньгами.

— Если какой-нибудь со миой заговорит,— хохотала Лу,— я просто в обморок хлопиусь!

— Это потому, что ты с иими ие встречаешься. Разиица только в том, что с этими щеголями иадо держать ухо востро. Лу, а тебе ие кажется, что подкладка из красиого шелка чуть-чуть ярковата для такого пальто?

Лу оглядела простенький оливково-серый жакет подруги.

— По-моему, иет — разве что рядом с твоей лииялой тряпкой.

— Этот жакет,— удовлетвореиио сказала Нэиси,— точио того же покроя, как у миссис ваи Олстии Фишер. Материал обошелся мие в три девяиосто восемь — долларов иа сто дешевле, чем ей.

— Не зиаю,— легкомыслеиио рассмеялась Лу,— клюнет ли миллионер на такую примаику. Чего доброго, я раньше тебя изловлю золотую рыбку.

Поистиие, только философ мог бы решить, кто из подруг был прав. Лу, лишеииая той гордости и щепетильиости, которая заставляет десятки тысяч девушек трудиться за гроши в магазииах и коиторах, весело громыхала утюгом в шумиой и душиой прачечиой. Заработка хватало ей с нзбытком, пышиость ее туалетов все возрастала, н Лу уже начииала бросать косые взгляды на приличный, ио такой иеэлегаитиый костюм Дэна — Дэиа стойкого, постояииого, иеизмеииого.

А Нэиси принадлежала к десяткам тысяч. Шелка и драгоцеииости, кружева н безделушки, духи и музыка, весь этот мнр изыскаииого вкуса создаи для жеищины, это ее закониый удел. Если этот мир нужен ей, если он для иее — жизнь, то пусть она живет в нем. И оиа ие предает, как Исав, права, даииые ей рождеиием. Похлебка же ее иередко скудиа.

Такова была Нэиси. Ей легко дышалось в атмосфере магазииа, и оиа со спокойиой увереииостью съедала скромный ужии и обдумывала дешевые платья. Женщииу она уже узиала и теперь нзучала свою дичь — мужчииу, его обычаи и достоииства. Настанет деиь, когда оиа подстрелит желаииую добычу: самую большую, самую лучшую — обещала оиа себе.

Ее заправлеииый светильиик ие угасал, и оиа готова была приият жеииха, когда бы ои ии пришел.

Но — может быть, бессозиательио — оиа узиала еще кое-что. Мерка, с которой оиа под-

ходила к жизни, незаметно менялась. Порою знак доллара тускнел перед ее виутреиинм взором н вместо него возннкалн слова: «искреиость», «честь», а ииогда н просто «доброта». Прибегнем к сравиеиню. Бывает, что охотник за лосем в дремучем лесу вдруг выйдет на цветущую поляиу, где ручей журчнт в покое н отдыхе. В такие мннуты сам Ннмрод опускает копье.

Иногда Нэнсн думала — так ли уж нужеи каракуль сердцам, которые он покрывает?

Как-то в четверг вечером Нэнсн вышла нз магазнна и, перейдя Шестую авеню, направилась к прачечной. Лу н Дэн неделю назад пригласнлн ее на музыкальную комедню.

Когда она подходнла к прачечной, оттуда вышел Дэн. Протнв обыкиовення, лнцо его было хмуро.

— Я зашел спроснть, ие слышали ли они чего-нибудь о ией,— сказал он.

— О ком?— спроснла Нэиси.— Разве Лу не здесь?

— Я думал, вы знаете,— сказал Дэи.— С понедельннка она не была нн тут, ии у себя. Оиа забрала вещн. Одной нз здешиих девушек она сказала, что собнрается в Европу.

— И иикто ее с тех пор ие вндел?— спроснла Нэнсн.

Дэи жестко посмотрел на нее. Его рот был угрюмо сжат, а серые глаза холодиы, как сталь.

— В прачечной говорят,— непрнязиенио сказал ои,— что ее вндели вчера — в автомобнле. Наверное, с одним нз этнх мнллиоиеров, которымн вы с Лу вечио забивалн себе голову.

В первый раз в жизии Нэнсн растерялась перед мужчнной. Оиа положила дрогиувшую руку иа рукав Дэиа.

— Вы говорите так, как будто это моя внна, Дэн.

— Я ие это нмел в вндy,— сказал Дэн, смягчаясь.

Он порылся в жилетном кармане.

— У меня бнлеты на сегодня,— начал он со стоической веселостью,— н еслн вы...

Нэисн умела ценить мужество.

— Я пойду с вамн, Дэи,— сказала оиа.

Прошло трн месяца, прежде чем Нэнсн снова встретнлась с Лу.

Одиажды вечером продавщнца тороплнво шла домой. У ограды тнхого сквера ее оклнкнулн, и, повернувшнсь, она очутнлась в объятнях Лу.

После первых поцелуев онн чуть отпряиулн иазад, как делают змеи, готовясь ужалнть или зачаровать добычу, а на кончиках их языков дрожалн тысячн вопросов. И тут Нэнсн увидела, что иа Лу снизошло богатство, воплощениое в шедеврах портновского искусства, в дорогих мехах н сверкающнх драгоцениостях.

— Ах ты, дурочка!— с шумиой нежностью вскричала Лу.— Все еще работаешь в этом магазиие, как я погляжу, н все такая же замухрышка. А как твоя знаменнтая добыча? Еще не нзловнла?

И тут Лу заметила, что на ее подругу снизошло нечто лучшее, чем богатство. Глаза Нэнси сверкалн ярче драгоценных камней, на щеках цвели розы, и губы с трудом удерживали радостные прнзнання.

— Да, я все еще в магазиие,— сказала Нэнси,— до будущей иеделн. И я поймала — лучшую добычу в мире. Тебе ведь теперь все равио, Лу, правда? Я выхожу замуж за Дэна — за Дэна! Он теперь мой, Дэн! Что ты, Лу? Лу!..

Из-за угла сквера показался однн нз тех молодых подтяиутых блюстнтелей порядка нового набора, которые делают полнцню более сносной — по крайне мере на вид. Он увидел, что у железной решеткн сквера горько рыдает женщнна в дорогнх мехах, с брнльяитовыми кольцамн на пальцах, а худенькая, просто одетая девушка обнимает ее, пытаясь утешнть. Но будучн гнбсоновскнм фараоном иового толка, он прошел мнмо, прнтворяясь, что иичего не заметил. У него хватнло ума понять, что полиция здесь бессильна помочь, даже еслн он будет стучать по решетке сквера до тех пор, пока стук его дубиики не донесется до самых отдаленных звезд.

МАЯТНИК

— Восемьдесят первая улнца... Кому выходнть?— прокрнчал пастух в сннем мундnре.

Стадо бараиов-обывателей выбралось нз вагона, другое стадо взобралось на его место. Дннг-динг! Телячьн вагоны Манхэттенской надземной дорогн с грохотом двииулнсь дальше, а Джон Перкинс спустнлся по лестннце на улицу вместе со всем выпущенным на волю стадом.

Джон медленно шел к своей квартнре. Медлеиио, потому что в лекснконе его повседневной жнзни ие было слов «а вдруг?». Никакие сюрпрнзы ие ожидают человека, который два года как женат н жнвет в дешевой квартнре. По дороге Джон Перкинс с мрачным, унылым цннизмом рисовал себе иензбежный конец скучного дня.

Кэти встретнт его у дверей поцелуем, пахнущим кольдкремом н тянучкамн. Он сннмет пальто, сядет на жесткую, как асфальт, кушетку н прочтет в вечерней газете о русскнх н японцах, убнтых смертоносным линотипом. На обед будет тушеное мясо, салат, прнправленный сапожным лаком, от которого (гараитня!) кожа не трескается н ие портнтся, пареный ревень и клубннчиое желе, покрасневшее, когда к нему прилепнлн этикетку: «Хнмнческн чистое». После обеда Кэти покажет ему новый квадратнк иа своем лоскутном одеяле, который разносчнк льда отрезал для нее от своего галстука. В половине восьмого оии расстелят на днваие и креслах газеты, чтобы достойно встретнть кускн штукатуркн, которые посыпятся с потолка, когда толстяк из квартиры над ннмн начнет заниматься гнмиастикой. Ровио в восемь Хайкн н Муни — мюзик-холлная парочка (без ангаже-

мента) в квартнре напротнв — поддадутся нежному влиянню Delirium Tremens[1] и начнут опрокидывать стулья, в уверенности, что антрепренер Гаммерштейн гонится за ннмн с контрактом на пятьсот долларов в неделю. Потом жнлец нз дома по ту сторону двора-колодца усядется у окна со своей флейтой; газ начнет весело утекать в неизвестном направленнн; кухонный лифт сойдет с рельсов; швейцар еще раз оттеснит за реку Ялу пятерых детей мнссис Зеновицкой; дама в бледно-зеленых туфлях спустнтся вниз в сопровождении шотландского терьера н укрепнт над своим звонком н почтовым ящиком карточку с фамнлней, которую она носнт по четвергам,— и вечерний порядок доходного дома Фрогмора вступнт в свон права.

Джон Перкннс знал, что все будет нменно так. И еще он знал, что в четверть девятого он соберется с духом н потянется за шляпой, а жена его пронзнесет раздраженным тоном следующие слова:

— Куда это вы, Джон Перкннс, хотела бы я знать?

— Думаю заглянуть к Мак-Клоскн,— ответнт он,— сыграть пульку-другую с прнятелямн.

За последнее время это вошло у него в прнвычку. В десять нлн в однннадцать он возвращался домой. Иногда Кэтн уже спала, ниогда поджндала его, готовая растопнть в тигеле своего гнева еще немного позолоты со стальных цепей брака. За эти дела Купндону прндется ответить, когда он предстанет перед Страшным судом со своими жертвами из доходного дома Фрогмора.

В этот вечер Джон Перкнис, войдя к себе, обнаружил поразительное нарушение повседневной рутины. Кэти не встретила его в прнхожей свонм сердечным аптечным поцелуем. В квартнре царнл зловещнй беспорядок. Вещн Кэтн были раскнданы повсюду. Туфлн валялись посредн комнаты, щнпцы для завнвкн, банты, халат, коробка с пудрой были брошены как попало на комоде и на стульях. Это было совсем не свойственно Кэти. У Джона упало сердце, когда он увидел гребенку с кудрявым облачком ее каштановых волос в зубьях. Кэти, очевидно, спешила и страшно волновалась — обычно она старательно прятала эти волосы в голубую вазочку на камине, чтобы когда-нибудь создать из них мечту каждой женщины — накладку.

На вндном месте, прнвязанная веревочкой к газовому рожку, внсела сложенная бумажка. Джон схватнл ее. Это была записка от Кэтн:

«Дорогой Джон, только что получнла телеграмму, что мама очень больна. Еду поездом четыре трндцать. Мой брат Сэм встретит меня на станции. В леднике есть холодная бараннна. Надеюсь, что это у нее не ангнна. Заплати молочнику 50 центов. Прошлой весной у нее тоже был тяжелый прнступ. Не забудь написать в Газовую компанию про счетчнк, твои хорошне носкн в верхнем ящике. Завтра напишу. Тороплюсь.

Кэти».

За два года супружеской жизни они еще не провели врозь нн одной ночн. Джон с озадаченным вндом перечнтал запнску. Неизменный порядок его жизни был нарушен, н это ошеломнло его.

На спинке стула висел, наводя грусть своей пустотой и бесформенностью, красный с черными крапинками фартук, который Кэти всегда надевала, когда подавала обед. Ее будничные платья были разбросаны впопыхах где попало. Бумажный пакетнк с ее любимымн тянучками лежал еще не развязанный. Газета валялась на полу, зияя четырехугольным отверстием в том месте, где нз нее вырезалн распнсанне поездов. Все в комнате говорнло об утрате, о том, что жизнь и душа отлетели от нее. Джон Перкннс стоял средн мертвых развалнн, н странное, тоскливое чувство наполняло его сердце.

Он начал, как умел, наводнть порядок в квартнре. Когда он дотронулся до платьев Кэти, его охватил страх. Он никогда не задумывался о том, чем была бы его жизнь без Кэти. Она так растворнлась в его существованнн, что стала, как воздух, которым он дышал,— необходимой, но почтн незаметной. Теперь она внезапно ушла, скрылась, исчезла, будто ее никогда и не было. Конечно, это только на несколько дней, самое большее на неделю нлн две, но ему уже казалось, что сама смерть протянула перст к его прочному н спокойному убежищу.

Джон достал из ледника холодную баранину н в одиночестве уселся за еду, лнцом к лнцу с наглым свидетельством о хнмнческой чнстоте клубничного желе. В сияющем ореоле, средн утраченных благ, предсталн перед ннм прнзраки тушеного мяса и салата с сапожным лаком. Его очаг разрушен. Заболевшая теща повергла в прах его ларов и пенатов. Пообедав в одиночестве, Джон сел у окна.

Курить ему не хотелось. За окном шумел город, звал его включиться в хоровод бездумного веселья. Ночь принадлежала ему. Он может уйти, ни у кого не спрашнваясь, и окунуться в море удовольствнй, как любой свободный, веселый холостяк. Он может кутить хоть до зари; и гневная Кэти не будет поджидать его с чашей, содержащей осадок его радости. Он может, если захочет, играть на бильярде у Мак-Клоскн со своими шумными прнятелямн, пока Аврора не затмнт свонм светом электрические лампы. Цепн Гнменея, которые всегда сдерживали его, даже еслн доходный дом Фрогмора становился ему невмоготу, теперь ослаблн — Кэти уехала.

Джон Перкннс не привык аналнзнровать свои чувства. Но, сндя в покинутой Кэти гостиной (десять на двенадцать футов), он безошибочно угадал, почему ему так нехорошо. Он понял, что Кэтн необходима для его счастья. Его чувство к ней, убаюканное монотонным бытом, разом пробудилось от сознания, что ее нет. Разве не внушают нам беспрестанно прн помощн поговорок, проповедей н басен, что мы только тогда начинаем ценнть песню, когда

[1] Белая горячка *(лат.)*.

упорхиет сладкоголосая птичка, или ту же мысль в других, ие менее цветистых и правильиых формулировках?

«Ну и дубииа же я,— размышлял Джои Перкиис.— Как я обращаюсь с Кэти? Каждый вечер играю пульку и выпиваю с дружками, вместо того чтобы посидеть с ней дома. Бедиая девочка всегда одиа, без всяких развлечеиий, а я так себя веду! Джои Перкиис, ты последиий из негодяев. Но я постараюсь загладить свою виииу. Я буду водить мою девочку в театр, развлекать ее. И иемедлеиио покоичу с Мак-Клоски и всей этой шайкой».

За окиом город шумел, звал Джоиа Перкинса присоедииитьея к пляшущим в свите Момуса. А у Мак-Клоски приятели леииво катали шары, практикуясь перед вечериеи схваткой. Но ии веики и хороводы, ни звякаиье кия ие действовали иа покаяиную душу осиротевшего Перкииса. У него отияли его собствеииость, которой он не дорожил, которую даже скорее презирал, и теперь ему иедоставало ее. Охвачениый раскаяиием, Перкиис мог бы проследить свою родословиую до некоего человека по имени Адам, которого херувимы вышибли из фруктового сада.

Справа от Джоиа Перкинса стоял стул. На спинке его висела голубая блузка Кэти. Оиа еще сохраияла подобие ее очертаиий. На рукавах были тоикие, характерные морщинки — след движения ее рук, трудившихся для его удобства и удовольствия. Слабый, но настойчивый аромат колокольчиков исходил от нее. Джон взял ее за рукава и долго и серьезно смотрел иа неотзывчивый маркизет. Кэти ие была иеотзывчивой. Слезы — да, слезы — выступили на глазах у Джоиа Перкинса. Когда она вернется, все пойдет иначе. Он вознаградит ее за свое невнимание. Зачем жить, когда ее нет?

Дверь отворилась. Кэти вошла в комиату с малеиьким саквояжем в руке. Джон бессмысленно у..авился иа нее.

— Фу, как я рада, что вериулась,— сказала Кэти.— Мама, оказывается, не так уж больна. Сэм был на станции н сказал, что приступ был легкий н все прошло вскоре после того, как они послали телеграмму. Я и вернулась со следующнм поездом. До смерти хочется кофе.

Никто не слышал скрипа и скрежета зубчатых колес, когда механизм третьего этажа доходного дома Фрогмора повернул обратно на прежний ход. Починили пружиину, наладили передачу — леита двииулась, и колеса снова завертелись по-старому.

Джои Перкиис посмотрел иа часы. Было четверть девятого. Ои взял шляпу и пошел к двери.

— Куда это вы, Джон Перкиис, хотела бы я зиать?— спросила Кэти раздражеиным тоиом.

— Думаю заглянуть к Мак-Клоски,— ответил Джои,— сыграть пульку-другую с приятелями.

РУССКИЕ СОБОЛЯ

Когда синие, как иочь, глаза Молли МакКивер положили Малыша Брэди на обе лопатки, он выиуждеи был покииуть ряды баиды «Дымовая труба». Такова власть иежных укоров подружки и ее упрямого пристрастия к порядочиости. Если эти строки прочтет мужчииа, пожелаем ему испытать иа себе столь же благотвориое влияиие завтра, ие поздиее двух часов пополудии, а если оии попадутся иа глаза жеищиие, пусть ее любимый шпиц, явившись к ней с утреииим приветом, даст пощупать свой холодиый иос — залог собачьего здоровья и душевиого равиовесия хозяйки.

Банда «Дымовая труба» заимствовала свое название от иебольшого квартала, который представляет собой вытянутое в длину, как труба, естественное продолжение небезызвестного городского райоиа, имеиуемого Адовой кухией. Пролегая вдоль реки, параллельио Одиииадцатой и Двеиадцатой авеию, Дымовая труба огибает своим прокопчеииым коленом маленький, унылый, неприятиый Клиитон-парк. Вспомиив, что дымовая труба — предмет, без которого не обходится ни одна кухня, мы без труда уясиим себе обстановку. Мастеров заваривать кашу в Адовой кухие сыщется немало, но высоким званием шеф-повара облечены только члены банды «Дымовая труба».

Представители этого никем не утвержденного, но пользующегося широкой известностью братства, разодетые в пух и прах, цветут, словно ораижерейиые цветы, иа углах улиц, посвящая, по-видимому, все свое время уходу за ногтями с помощью пилочек и перочинных ножиков. Это безобидное занятие, являясь неоспоримой гараитией их благоиадежиости, позволяет им также, пользуясь скромиым лексикоиом в две сотни слов, вести между собой иепринуждениую беседу, которая покажется случайиому прохожему столь же иезиачительной и невииной, как те разговоры, какие можно услышать в любом респектабельном клубе несколькими кварталами ближе к востоку.

Однако деятели «Дымовой трубы» не просто украшают собой уличные перекрестки, предаваясь холе ногтей и культивированию небрежных поз. У них есть и другое, более серьезиое занятие — освобождать обывателей от кошельков и прочих ценностей. Достигается это, как правило, путем различных оригииальных и малоизучеииых приемов, без шума и кровопролития. Но в тех случаях, когда осчастливлеиный их виимаиием обыватель ие выражает готовиости облегчить себе карманы, ему предоставляется возможиость изливать свои жалобы в ближайшем полицейском участке или в приемиом покое больницы.

Полнцию банда «Дымовая труба» заставляет отиоситься к себе с уважеиием и быть всегда начеку. Подобно тому, как булькающие трели соловья доносятся к иам из иепроглядиого мрака ветвей, так произительный полицейский

свисток, призывающий фараонов на подмогу, прорезает глухой ночью тишину темных и узких закоулков Дымовой трубы. И люди в синих мундирах знают: если из Трубы потянуло дымком — значит, развели огонь в Адовой кухне.

Малыш Брэди обещал Молли стать паинькой. Малыш был самым сильным, самым изобретательным, самым франтоватым и самым удачливым из всех членов банды «Дымовая труба». Понятно, что ребятам жаль было его терять.

Но, следя за его погружением в пучину добродетели, они не выражали протеста. Ибо, когда парень следует советам своей подружки, в Адовой кухне про него не скажут, что он поступает недостойно или не по-мужски.

Можешь подставить ей фонарь под глазом, чтоб крепче любила,— это твое личное дело, но выполни то, о чем она просит.

— Закрой свой водоразборный кран,— сказал Малыш как-то вечером, когда Молли, заливаясь слезами, молила его покинуть стезю порока.— Я решил выйти из банды. Кроме тебя, Молли, мне ничего не нужно. Заживем с тобой тихо-скромно. Я устроюсь на работу, и через год мы с тобой поженимся. Я сделаю это для тебя. Снимем квартирку, заведем канарейку, купим швейную машинку и фикус в кадке и попробуем жить честно.

— Ах, Малыш!— воскликнула Молли, смахивая платочком пудру с его плеча.— За эти твои слова я готова отдать весь Нью-Йорк со всем, что в нем есть! Да много ли нам нужно, чтобы быть счастливыми.

Малыш не без грусти поглядел на свои безукоризненные манжеты и ослепительные лакированные туфли.

— Труднее всего придется по части барахла,— заявил он.— Я ведь всегда питал слабость к хорошим вещам. Ты знаешь, Молли, как я ненавижу дешевку. Этот костюм обошелся мне в шестьдесят пять долларов. Насчет одежды я разборчив — все должно быть первого сорта, иначе это не для меня. Если я начну работать — тогда прощай маленький человечек с большими ножницами!

— Пустяки, дорогой! Ты будешь мне мил в синем свитере ничуть не меньше, чем в красном автомобиле.

На заре своей юности Малыш, пока еще не вошел в силу настолько, чтобы одолеть своего папашу, обучался паяльному делу. К этой полезной и почтенной профессии он теперь и вернулся. Но ему пришлось стать помощником хозяина мастерской, а ведь это только хозяева мастерских — отнюдь не их помощники — носят бриллианты величиной с горошину и позволяют себе смотреть свысока на мраморную колоннаду, украшающую особняк сенатора Кларка.

Восемь месяцев пролетели быстро, как между двумя актами пьесы. Малыш в поте лица зарабатывал свой хлеб, не обнаруживая никаких опасных склонностей к рецидиву, а банда «Дымовая труба» по-прежнему бесчинствовала «на большой дороге», раскраивала черепа полицейским, задерживала запоздалых прохожих, изобретала новые способы мирного опустошения карманов, копировала покрой платья и тона галстуков Пятой авеню и жила по собственным законам, открыто попирая закон. Но Малыш крепко держался своего слова и своей Молли, хотя блеск и сошел с его давно не полированных ногтей и он теперь минут пятнадцать простаивал перед зеркалом, пытаясь повязать свой темно-красный шелковый галстук так, чтобы не видно было мест, где он протерся.

Однажды вечером он явился к Молли с каким-то таинственным свертком под мышкой.

— Ну-ка, Молли, разверни!— небрежно бросил он, широким жестом протягивая ей сверток.— Это тебе.

Нетерпеливые пальчики разодрали бумажную обертку. Молли громко вскрикнула, и в комнату ворвался целый выводок маленьких Мак-Киверов, а следом за ними — и мамаша Мак-Кивер; как истая дочь Евы, она не позволила себе ни единой лишней секунды задержаться у лоханки с грязной посудой.

Снова вскрикнула Молли, и что-то темное, длинное и волнистое мелькнуло в воздухе и обвило ее плечи, словно боа-констриктор.

— Русские соболя!— горделиво изрек Малыш, любуясь круглой девичьей щечкой, прильнувшей к податливому меху.— Первосортная вещица. Впрочем, перевороши хоть всю Россию — не найдешь ничего, что было бы слишком хорошо для моей Молли.

Молли сунула руки в муфту и бросилась к зеркалу, опрокинув по дороге двух-трех сосунков из рода Мак-Киверов. Вниманию редакторов отдела рекламы! Секрет красоты (сияющие глаза, разрумянившиеся щеки, пленительная улыбка): Один Гарнитур из Русских Соболей. Обращайтесь за справками.

Оставшись с Малышом наедине, Молли почувствовала, как в бурный поток ее радости проникла льдинка холодного рассудка.

— Ты настоящее золото, Малыш,— сказала она благодарно.— Никогда в жизни я еще не носила мехов. Но ведь русские соболя, кажется, безумно дорогая штука? Помнится, мне кто-то говорил.

— А разве ты замечала, Молли, чтобы я подсовывал тебе какую-нибудь дрянь с дешевой распродажи? — спокойно и с достоинством спросил Малыш.— Может, ты видела, что я торчу у прилавков с остатками или глазею на витрины «любой предмет за десять центов»? Допусти, что это боа стоит двести пятьдесят долларов и муфта — сто семьдесят пять. Тогда ты будешь иметь некоторое представление о стоимости русских соболей. Хорошие вещи — моя слабость. Черт побери, этот мех тебе к лицу, Молли!

Молли, сияя от восторга, прижала муфту к груди. Но мало-помалу улыбка сбежала с ее лица, и она пытливым и грустным взором посмотрела Малышу в глаза.

Малыш уже давио научился поимать каждый ее взгляд; ои рассмеялся, и, щеки его порозовелн.

— Выкиоь это из головы,— пробормотал он с грубоватой лаской.— Я ведь сказал тебе, что с прежним покончеио. Я купил этот мех и заплатил за иего из своего кармаиа.

— Из своего заработка, Малыш? Из семидесяти пяти долларов в месяц?

— Ну да. Я откладывал.

— Откладывал? Постой, как же это... Четыреста двадцать пять долларов за восемь месяцев...

— Ах, да перестаиь ты высчнтывать! — с излишней горячностью воскликиул Малыш.— У меня еще оставалось кое-что, когда я пошел работать. Ты думаешь, я сиова с иими связался? Но я же сказал тебе, что покончил с этим. Я честио купил этот мех, понятно? Надень его и пойдем прогуляемся.

Молли постаралась усыпить свои подозрения. Соболя хорошо убаюкивают. Горделиво, как королева, выступала она по улице под руку с Малышом. Здешиим жителям еще ннкогда ие доводилось видеть подлииных русских соболей. Весть о инх облетела квартал, и все окна и двери мгиовенно обросли гроздьями голов. Каждому любопытно было поглядеть на шикарный соболий мех, который Малыш Брэди преподнес свой милашке. По улицам разносились восторжеииые «ахи», н «охи», и баснословная сумма, уплаченная за соболя, передаваясь из уст в уста, иеуклонно росла. Малыш с видом владетельного приица шагал по правую руку Молли. Трудовая жизнь не излечила его от пристрастия к первосортным и дорогим вещам, и он все так же любил пустить пыль в глаза. На углу, предаваясь приятному безделью, торчала кучка молодых людей в безукоризиенных костюмах. Члены банды «Дымовая труба» приподняли шляпы, приветствуя подружку Малыша, и возобновили свою непринужденную беседу.

На иекотором расстоянии от вызывавшей сенсацию парочки появился сыщик Рэнсом из Главиого полицейского управлеиия. Рэнсом считался едииственным сыщиком, который мог безнаказаиио прогуливаться в райоие Дымовой трубы. Он был ие трус, старался поступать по совести и, посещая упомяиутые кварталы, исходил из предпосылки, что обитатели их такие же люди, как и все прочне. Многие относились к Рэнсому с симпатией н, случалось, подсказывали ему, куда ои должен иаправить свои стопы.

— Что это за волненне там на углу? — спросил Рэнсом бледного юнца в красном свнтере.

— Все вышли поглазеть на бизоньи шкуры, которые Малыш Брэдн повесил иа свою девчоику,— отвечал юиец.— Говорят, ои отвалил за них девятьсот долларов. Шикариая покрышка, иичего ие скажешь.

— Я слышал, что Брэди уже с год как занялся своим старым ремеслом,— сказал сыщик.— Он ведь больше не вожжается с бандой?

— Ну да, ои работает,— подтвердил красиый свитер.— Послушайте, приятель, а что, меха — это не по вашей части? Пожалуй, такнх зверей, как иацепила на себя его девчоика, ие поймаешь в паяльной мастерской.

Рэисом иагнал прогуливающуюся парочку иа пустыиной улице у реки. Ои тронул Малыша за локоть.

— На два слова, Брэди,— сказал ои спокойно. Взгляд его скользиул по длииному пушистому боа, элегантно спадающему с левого плеча Молли. При виде сыщика лицо Малыша потемиело от застарелой иеиависти к полиции. Оии отошли в сториону.

— Ты был вчера у миссис Хезкоут иа Западной Семьдесят второй? Чииил водопровод?

— Был,— сказал Малыш.— А что?

— Гарнитур из русских соболей, стоимостью в тысячу долларов, исчез оттуда одновремеино с тобой. По описанию он очень похож иа эти меха, которые украшают твою девушку.

— Поди ты... поди ты к черту, — запальчиво сказал Малыш. — Ты зиаешь, Рэисом, что я покоичил с этим. Я купил этот гарнитур вчера у...

Малыш внезапно умолк, не закончив фразы.

— Я зиаю, ты честно работал последиее время,— сказал Рэнсом.— Я готов сделать для тебя все, что могу. Если ты действнтельио купил этот мех, пойдем вместе в магазии, н я наведу справки. Твоя девушка может пойти с нами и не снимать пока что соболей. Мы сделаем все тихо, без свидетелей. Так будет правильно, Брэди.

— Пошли,— сердито сказал Малыш. Потом вдруг остаиовился и с какой-то страиной кривой улыбкой поглядел на расстроеииое, испуганное личико Молли.

— Ни к чему все это,— сказал он угрюмо.— Это старухииы соболя. Тебе придется вериуть их, Молли. Но если б даже цеиа их была миллион долларов, все равно они иедостаточио хороши для тебя.

Молли с искаженным от горя лнцом уцепилась за рукав Малыша.

— О Малыш, Малыш, ты разбил мое сердце!— простоиала оиа.— Я так гордилась тобой... А теперь оии упекут тебя — и конец нашему счастью!

— Ступай домой!— вие себя крикиул Малыш.— Идем, Рэнсом, забирай меха. Пошли, чего ты стоишь! Нет, постой, ей-богу, я... К черту, пусть меня лучше повесят... Беги домой, Моллн. Пошли, Рэисом.

Из-за угла дровяного склада появилась фигура полицейского Коуиа, иаправляющегося в обход речиого района. Сыщик поманил его к себе. Коун подошел, и Рэисом объяснил ему положение вещей.

— Да, да,— сказал Коуи.— Я слышал, что пропали соболя. Так ты их иашел?

Коун приподиял на ладоии конец собольего боа — бывшей собствеиности Молли Мак-Кнвер — и внимательно на иего поглядел.

— Когда-то я торговал мехами на Шестой авеню, — сказал он. — Да, конечно, это соболя. С Аляски. Боа стоит двенадцать долларов, а муфта...

Бац! Малыш своей крепкой пятерней запечатал полицейскому рот. Коуи покачнулся, но сохранил равновесие. Молли взвизгнула. Сыщик бросился на Малыша и с помощью Коуна надел на него наручники.

— Это боа стоит двенадцать долларов, а муфта — девять,— упорствовал полицейский.— Что вы тут толкуете про русские соболя?

Малыш опустился на груду бревен, и лицо его медленно залилось краской.

— Правильно, Всезнайка!— сказал он, с ненавистью глядя на полицейского.— Я заплатил двадцать один доллар пятьдесят центов за весь гарнитур. Я, Малыш, шикарный парень, презирающий дешевку! Мне легче было бы отсидеть шесть месяцев в тюрьме, чем признаться в этом. Да, Молли, я просто-напросто хвастун — на мой заработок не купишь русских соболей.

Молли кинулась ему на шею.

— Не нужно мне никаких денег и никаких соболей!— воскликнула она.— Ничего мне на свете не нужно, кроме моего Малыша! Ах ты, глупый, глупый, тупой, как индюк, сумасшедший задавала!

— Сними с него наручники,— сказал Коуи сыщику.— На участок уже звонили, что эта особа нашла свои соболя — они висели у нее в шкафу. Молодой человек, на этот раз я прощаю вам непочтительное обращение с моей физиономией.

Рэнсом протянул Молли ее меха. Не сводя сияющего взора с Малыша, она грациозным жестом, достойным герцогини, набросила на плечи боа, перекинув один конец за спину.

— Пара молодых идиотов,— сказал Коуи сыщику.— Пойдем отсюда.

ПУРПУРНОЕ ПЛАТЬЕ

Давайте поговорим о цвете, который известен как пурпурный. Этот цвет по справедливости получил признание среди сыновей и дочерей рода человеческого. Императоры утверждают, что он создан исключительно для них. Повсюду любители повеселиться стараются довести цвет своих носов до этого чудного оттенка, который получается, если подмешать в красную краску синей. Говорят, что принцы рождены для пурпура; и это, разумеется, верно, потому что при коликах в животе лица у наследных принцев наливаются царственным пурпуром точно так же, как и курносые физиономии наследников дровосека. Все женщины любят этот цвет — когда он в моде.

А теперь как раз носят пурпурный цвет. Сплошь и рядом видишь его на улице. Конечно, в моде и другие цвета — вот только на днях я видел премиленькую особу в шерстяном платье оливкового цвета: на юбке отделка из нашитых квадратиков и внизу в три ряда воланы, под драпированной кружевной косынкой видна вставка вся в сборочках, рукава с двойными буфами, перетянутые внизу кружевной лентой, из-под которой выглядывают две плиссированные рюшки,— но все-таки и пурпурного цвета носят очень много. Не согласны? А вы попробуйте-ка в любой день пройтись по Двадцать третьей улице.

Вот почему Мэйда — девушка с большими карими глазами и волосами цвета корицы, продавщица из галантерейного магазина «Улей» — обратилась к Грэйс — девушке с брошкой из искусственных бриллиантов и с ароматом мятных конфет в голосе — с такими словами:

— У меня будет пурпурное платье ко Дню Благодарения — шью у портного.

— Да что ты!— сказала Грэйс, укладывая несколько пар перчаток размера семь с половиной в коробку с размером шесть три четверти.— А я хочу красное. На Пятой авеню все-таки больше красного, чем пурпурного. И все мужчины от него без ума.

— Мне больше нравится пурпурный,— сказала Мэйда, — старый Шлегель обещал сшить за восемь долларов. Это будет прелесть что такое. Юбка в складку, лиф отделан серебряным галуном, белый воротник и в два ряда...

— Промахнешься!— с видом знатока прищурилась Грэйс.

—...и по белой парчовой вставке в два ряда тесьма, и баска в складку, и...

— Промахнешься, промахнешься!— повторила Грэйс.

—...и пышные рукава в складку, и бархотка на манжетах с отворотами. Что ты хочешь этим сказать?

— Ты думаешь, что пурпурный цвет нравится мистеру Рэмси. А я вчера слышала, он говорил, что самый роскошный цвет — красный.

— Ну и пусть,— сказала Мэйда.— Я предпочитаю пурпурный, а кому не нравится, может перейти на другую сторону улицы.

Все это приводит к мысли, что в конце концов даже поклонники пурпурного цвета могут слегка заблуждаться. Крайне опасно, когда девица думает, что она может носить пурпур независимо от цвета лица и от мнения окружающих, и когда императоры думают, что их пурпурные одеяния вечны.

За восемь месяцев экономии Мэйда скопила восемнадцать долларов. Этих денег ей хватило, чтобы купить все необходимое для платья и дать Шлегелю четыре доллара вперед за шитье. Накануне Дня Благодарения у нее наберется как раз достаточно, чтобы заплатить ему остальные четыре доллара. И тогда в праздник надеть новое платье — что на свете может быть чудеснее!

Ежегодно в День Благодарения хозяин галантерейного магазина «Улей», старый Бахман,

давал своим служащим обед. Во все остальиые триста шестьдесят четыре дия, если ие брать в расчёт воскресеиий, ои каждый деиь иапомииал о прелестях последиего баикета и об удовольствиях предстоящего, тем самым призывая их проявить еще больше рвеиия в работе. Посредиие магазииа иакрывался длииный стол. Витриыы завешивались оберточиой бумагой, и через чериый ход виосились иидейки и другие вкусиые вещи, закуплеиные в угловом ресторанчике. Вы, коиечио, поиимаете, что «Улей» вовсе ие был фешеиебельиым уииверсальиым магазииом со миожеством отделов, лифтов и маиекеиов. Ои был иастолько мал, что мог иазываться просто большим магазииом; туда вы могли спокойио войти, купить все, что иадо, и благополучио выйти. И за обедом в Деиь Благодареиия мистер Рэмси всегда...

Ох ты, черт возьми! Мие бы следовало прежде всего рассказать о мистере Рэмси. Ои гораздо важиее, чем пурпуриый цвет, или оливковый, или даже чем красиый клюквеиный соус. Мистер Рэмси был управляющим магазииом, и я о ием самого высокого миеиия. Когда в темиых закоулках ему попадались молоденькие продавщицы, он иикогда ие пытался их ущипиуть, а когда иаступали мииуты затишья в работе и ои им рассказывал разиые истории и девушки хихикали и фыркали, то это вовсе ие зиачило, что ои угощал их иепристойиыми аиекдотами. Мистер Рэмси ие только был иастоящим джеитльмеиом, ио отличался еще и иесколькими страииостями. Ои был помешаи иа здоровье и полагал, что ии в коем случае иельзя питаться тем, что считают полезиым. Ои решительио протестовал, если кто-иибудь удобио устраивался в кресле, или искал приюта от сиежиой бури, или иосил галоши, или приинимал лекарства, или еще как-иибудь лелеял собствеиную персоиу. Каждая из десяти молодеиьких продавщиц каждый вечер, прежде чем засиуть, сладко грезила о том, как оиа, став миссис Рэмси, будет жарить ему свиные котлеты с луком. Потому что старый Бахмаи собирался иа следующий год сделать его своим компаиьоиом, и каждая из иих зиала, что уж если оиа подцепит мистера Рэмси, то выбьет из иего все его дурацкие идеи иасчет здоровья еще прежде, чем перестаиет болеть живот от свадебиого пирога.

Мистер Рэмси был главиым устроителем праздиичиого обеда. Неизмеиио приглашались два итальяица — скрипач и арфист,— и после обеда все иемиого таицевали.

И вот, представьте, задумаиы два платья, которые должиы покорить мистера Рэмси, одио — пурпуриое, другое — красиое. Коиечио, в платьях будут и остальиые девушки, но оии в счет ие идут. Скорее всего иадеиут какую-иибудь блузку с чериой юбкой, а это иичто по сравиеиию с великолепием пурпура или красиого цвета.

Грэйс тоже иакопила деиег. Оиа хотела купить готовое платье. Какой смысл возиться с шитьем? Если у вас хорошая фигура, иичего ие стоит подобрать что-иибудь подходящее, только в талии приходится ушивать — готовые платья почему-то всегда широки в талии.

Подошел вечер иакаиуие Дня Благодареиия. Мэйда торопилась домой, предвкушая счастливое завтра. Оиа мечтала о своем темиом пурпуре, ио мечты ее были светлые — светлое, восторжеииое стремлеиие юиого существа к радостям жизии, без которых юиость так быстро увядает. Мэйда была уверена, что ей пойдет пурпуриый цвет, и — уже в тысячный раз — оиа пыталась себя уверить, что мистеру Рэмси иравится имеиио пурпуриый, а ие красиый. Оиа решила зайти домой, достать из комода со диа иижиего ящика четыре доллара, завериутые в папиросиую бумагу, и потом заплатить Шлегелю и забрать у иего платье.

Грэйс жила в том же доме. Ее комиата была как раз иад комиатой Мэйды.

Дома Мэйда застала шум и переполох. Во всех закоулках было слышио, как язык хозяйки раздражеиио трещал и тарахтел, будто сбивал масло в маслобойке. Через иесколько миiут Грэйс спустилась к Мэйде вся в слезах, с глазами красиее, чем любое платье.

— Оиа требует, чтобы я съехала,— сказала Грэйс.— Старая карга. Потому что я должиа ей четыре доллара. Оиа выставила мой чемодан в передиюю и заперла комиату. Мие иекуда идти. У меия иет ии цеита.

— Вчера у тебя были деиьги,— сказала Мэйда.

— Я купила платье,— сказала Грэйс.— Я думала, оиа подождет с платой до будущей иедели.

Оиа всхлипиула, потянула носом, вздохиула, опять всхлипиула.

Миг — и Мэйда протяиула ей свои четыре доллара,— могло ли быть ииаче?

— Прелесть ты моя, душечка!— вскричала Грэйс, сияя, как радуга после дождя.— Сейчас отдам деиьги этой старой скряге и пойду примерю платье. Это что-то божествеииое. Зайди посмотреть. Я верну тебе деиьги по доллару в иеделю обязательно!

Деиь Благодареиия.

Обед был иазиачеи на полдеиь. Без четверти двеиадцать Грэйс впорхиула к Мэйде. Да, оиа и впрямь была очаровательна. Оиа была рождеиа для красного цвета. Мэйда, сидя у окиа в старой шевиотовой юбке и сиией блузке, штопала чу... О, занималась изящиым рукоделием.

— Господи, боже мой! Ты еще не одета!— ахиуло красиое платье.— Не морщит иа спиие? Эти вот бархатные иашивки очеиь пикаитиы, правда? Почему ты ие одета, Мэйда?

— Мое платье не готово,— сказала Мэйда,— я ие пойду

— Вот иесчастье-то! Право же, Мэйда, ужасио жалко. Надеиь что-иибудь и пойдем,— будут только свои из магазииа, ты же зиаешь, иикто ие обратит виимания.

— Я так иастроилась, что будет пурпуриое,— сказала Мэйда,— раз его иет, лучше я совсем ие пойду. Не беспокойся обо мие. Беги, а то опоздаешь. Тебе очеиь к лицу красиое.

И все долгое время, пока там шел обед, Мэйда просидела у окна. Она представляла себе, как девушкн вскрикнвают, стараясь разорвать куриную дужку, как старый Бахман хохочет во все горло собственным, понятным только ему одному, шуткам, как блестят брнльянты толстой мнссис Бахман, появлявшейся в магазине лишь в День Благодарения, как прохаживается мистер Рэмси, оживленный, добрый, следя за тем, чтобы всем было хорошо.

В четыре часа дня она с бесстрастным лицом н отсутствующим взором медленно направилась в лавку к Шлегелю и сообщила ему, что не может заплатить за платье оставшиеся четыре доллара.

— Боже!— сердито закричал Шлегель.— Почему вы такой печальный? Берите его. Оно готово. Платите когда-нибудь. Разве не вы каждый день ходит мимо моя лавка уже два года? Если я шью платья, то разве я не знаю людей? Вы платите мне, когда можете. Берите его. Оно удачно сшито, н если вы будет хорошенькая в нем — очень хорошо. Вот. Платите, когда можете.

Пролепетав миллионную долю огромной благодарности, которая переполняла ее сердце, Мэйда схватила платье н побежала домой. При выходе нз лавки легкий дождик брызнул ей в лицо. Она улыбнулась и не заметила этого.

Дамы, разъезжающие по магазинам в экипажах, вам этого не понять. Девицы, чьи гардеробы пополняются на отцовские денежки,— вам не понять, вам никогда не постигнуть, почему Мэйда не почувствовала холодных капель дождя в День Благодарения.

В пять часов она вышла на улицу в своем пурпурном платье. Дождь полил сильнее, порывы ветра обдавали ее целыми потоками воды. Люди пробегали мимо, торопясь домой или к трамваям, низко опуская зонтики и плотно застегнув плащи. Многие из них изумленно оглядывались на красивую девушку со счастливыми глазами, которая безмятежно шагала сквозь бурю, словно прогуливалась по саду в безоблачный летний день.

Я повторяю, вам этого не понять, дамы с туго набитым кошельком и кучей нарядов. Вы не представляете себе, что это такое — жить с вечной мечтой о красивых вещах, голодать восемь месяцев подряд, чтобы иметь пурпурное платье к празднику. И не все ли равно, что идет дождь, град, снег, ревет ветер и бушует циклон?

У Мэйды не было зонтика, не было галош. У нее было пурпурное платье, и в нем она вышла на улицу. Пусть развоевалась стихия! Изголодавшееся сердце должно иметь крупицу счастья хоть раз в год. Дождь все лил и стекал с ее пальцев.

Кто-то вышел из-за угла и загородил ей дорогу. Она подняла голову — это был мистер Рэмси, и глаза его горели восхищением и интересом.

— Мисс Мэйда,— сказал он,— да вы просто великолепны в новом платье. Я очень сожалею, что вас не было на обеде. Из всех моих знакомых девушек вы самая здравомыслящая и разумная. Ничто так не укрепляет здоровье, как прогулка в ненастье. Можно мне пройтись с вами?

И Мэйда зарделась и чихнула.

ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ

В небольшом квартале к западу от Вашингтон-сквера улицы перепутались и переломались в короткие полоски, именуемые проездами. Эти проезды образуют странные углы и кривые линии. Одна улица там даже пересекает самое себя раза два. Некоему художнику удалось открыть весьма ценное свойство этой улицы. Предположим, сборщик из магазина со счетом за краски, бумагу и холст повстречает там самого себя, идущего восвояси, не получив ни единого цента по счету!

И вот в поисках окон, выходящих на север, кровель XVIII столетия, голландских мансард и дешевой квартирной платы люди искусства набрели на своеобразный квартал Гринич-Виллидж. Затем они перевезли туда с Шестой авеню несколько оловянных кружек и одну-две жаровни и основали «колонию».

Студия Сью и Джонси помещалась наверху трехэтажного кирпичного дома. Джонси — уменьшительное от Джоанны. Одна приехала из штата Мэн, другая — из Калифорнии. Они познакомились за табльдотом одного ресторанчика на Восьмой улице и нашли, что их взгляды на искусство, цикорный салат и модные рукава вполне совпадают. В результате н возникла общая студия.

Это было в мае. В ноябре неприветливый чужак, которого доктора именуют Пневмонией, незримо разгуливал по колонии, касаясь то одного, то другого своими ледяными пальцами. По Ист-Сайду этот душегуб шагал смело, поражая десятки жертв, но здесь, в лабиринте узких, поросших мохом переулков, он плелся нога за ногу.

Господина Пневмонию никак нельзя было назвать галантным старым джентльменом. Миниатюрная девушка, малокровная от калифорнийских зефиров, едва ли могла считаться достойным противником для дюжего старого тупицы с красными кулачищами и одышкой. Однако он свалил ее с ног, и Джонси лежала неподвижно на крашеной железной кровати, глядя сквозь мелкий переплет голландского окна на глухую стену соседнего кирпичного дома.

Однажды утром озабоченный доктор одним движением косматых седых бровей вызвал Сью в коридор.

— У нее один шанс... ну, скажем, против десяти,— сказал он, встряхивая ртуть в термометре. — И то, если она сама захочет жить. Вся наша фармакопея теряет смысл, когда люди начинают действовать в интересах

гробовщика. Ваша маленькая барышия решила, что ей уже не поправиться. О чем оиа думает?

— Ей... ей хотелось написать красками Неаполитанский залив.

— Красками? Чепуха! Нет ли у нее иа душе чего-инбудь такого, о чем действительно стоило бы думать,— например, мужчины?

— Мужчины?— переспросила Сью, и ее голос зазвучал резко, как губиая гармоиика.— Неужели мужчииа стоит... Да иет, доктор, ничего подобиого иет.

— Ну, тогда она просто ослабла,— решил доктор.— Я сделаю все, что буду в силах сделать как представитель иауки. Но когда мой пациент начиииает считать кареты в своей похоронной процессии, я скидываю пятьдесят процеитов с целебной силы лекарств. Если вы сумеете добиться, чтобы оиа хоть один раз спросила, какого фасоиа рукава будут иосить этой зимой, я вам ручаюсь, что у нее будет один шаис из пяти вместо одиого из десяти.

После того, как доктор ушел, Сью выбежала в мастерскую и плакала в японскую бумажиую салфеточку до тех пор, пока та не размокла окончательно. Потом оиа храбро вошла в комиату Джоиси с чертежиой доской, иасвистывая рэгтайм.

Джоиси лежала, повернувшись лицом к окиу, едва заметная под одеялом. Сью перестала иасвистывать, думая, что Джоиси усиула.

Оиа пристроила доску и начала рисуиок тушью к журнальному рассказу. Для молодых художников путь в Искусство бывает вымощен иллюстрациями к журиальным рассказам, которымн молодые авторы мостят себе путь в Литературу.

Набрасывая для рассказа фигуру ковбоя из Айдахо в элегантных бриджах и с моноклем в глазу, Сью услышала тихий шепот, повторившийся несколько раз. Она торопливо подошла к кровати. Глаза Джоиси были широко открыты. Оиа смотрела в окно и считала — считала в обратном порядке.

— Двенадцать,— произнесла она и немиого погодя:—...одиииадцать,— а потом:—...десять и девять,— а потом: —...восемь и семь — почти одновремеиио.

Сью посмотрела в окно. Что там было считать? Был виден только пустой, уиылый двор и глухая стена кирпичиого дома в двадцати шагах. Старый-старый плющ с узловатым, подгнившим у корней стволом заплел до половины кирпичную стену. Холодное дыхание осени сорвало листья с лозы, и оголенные скелеты ветвей цеплялись за осыпающиеся кирпичи.

— Что там такое, милая?— спросила Сью.

— Шесть,— едва слышно ответила Джонси.— Теперь они облетают быстрее. Три дия назад их было почти сто. Голова кружилась считать. А теперь это легко. Вот и еще один полетел. Теперь осталось только пять.

— Чего пять, милая? Скажи своей Сьюди.

— Листьев. На плюще. Когда упадет последний лист, я умру. Я это зиаю уже три дия. Разве доктор не сказал тебе?

— Первый раз слышу такую глупость! — с великолепиым презрением отпарировала Сью.— Какое отиошение могут иметь листья иа старом плюще к тому, что ты поправишься? А ты еще так любила этот плющ, гадкая девочка! Не будь глупышкой. Да ведь еще сегодия утром доктор говорил мие, что ты скоро выздоровеешь... позволь, как же это он сказал?.. что у тебя десять шансов против одиого. А ведь это ие меньше, чем у каждого из нас здесь, в Нью-Йорке, когда едешь в трамвае или идешь мимо нового дома. Попробуй съесть немножко бульона и дай твоей Сьюди закончить рисунок, чтобы оиа могла сбыть его редактору и купить вина для своей больной девочки и свиных котлет для себя.

— Вина тебе покупать больше ие иадо,— отвечала Джонси, пристально глядя в окно.— Вот и еще один полетел. Нет, бульона я не хочу. Значит, остается всего четыре. Я хочу видеть, как упадет последний лист. Тогда умру и я.

— Джонси, милая, — сказала Сью, иаклоияясь иад ией, — обещаешь ты мие ие открывать глаз и ие глядеть в окно, пока я не кончу работать? Я должна сдать эти иллюстрации завтра. Мне нужен свет, а то я спустила бы штору.

— Разве ты не можешь рисовать в другой комиате?— холодно спросила Джоиси.

— Мне бы хотелось посидеть с тобой,— сказала Сью.— А кроме того, я не желаю, чтобы ты глядела на эти дурацкие листья.

— Скажи мне, когда кончишь,— закрывая глаза, произнесла Джонси, бледная и неподвижная, как поверженная статуя,— потому что мне хочется видеть, как упадет последний лист. Я устала ждать. Я устала думать. Мне хочется освободиться от всего, что меня держит, — лететь, лететь все ниже и ниже, как один из этих бедных, усталых листьев.

— Постарайся усиуть,— сказала Сью.— Мне иадо позвать Бермана, я хочу писать с него золотоискателя-отшельника. Я самое большее иа минутку. Смотри же, не шевелись, пока я не приду.

Старик Берман был художник, который жил в нижнем этаже, под их студией. Ему было уже за шестьдесят, и борода, вся в завитках, как у «Моисея» Микеланджело, спускалась у него с головы сатира на тело гнома. В искусстве Берман был неудачником. Он все собирался написать шедевр, но даже и не начал его. Уже несколько лет он не писал ничего, кроме вывесок, реклам и тому подобной мазни ради куска хлеба. Он зарабатывал кое-что, позируя молодым художникам, которым профессионалы натурщики оказывались не по карману. Он пил запоем, но все еще говорил о своем будущем шедевре. А в остальном это был злющий старикашка, который издевался над всякой сентиментальностью и смотрел на себя как на сторожевого пса, специально приставленного для охраны двух молодых художниц.

Сью застала Бермана, сильно пахнущего можжевеловыми ягодами, в его полутемной

каморке нижнего этажа. В одном углу уже двадцать пять лет стояло на мольберте нетронутое полотно, готовое принять первые штрихи шедевра. Сью рассказала старику про фантазию Джонси и про свои опасения насчет того, как бы она, легкая и хрупкая, как лист, не улетела от них, когда ослабнет ее непрочная связь с миром. Старик Берман, чьи красные глаза очень заметно слезились, раскричался, насмехаясь над такими идиотскими фантазиями.

— Что!— кричал он.— Возможна ли такая глупость — умирать оттого, что листья падают с проклятого плюща! Первый раз слышу. Нет, не желаю позировать для вашего идиота-отшельника. Как вы позволяете ей забивать себе голову такой чепухой? Ах, бедная маленькая мисс Джонси!

— Она очень больна и слаба,— сказала Сью,— и от лихорадки ей приходят в голову разные болезненные фантазии. Очень хорошо, мистер Берман,— если вы не хотите мне позировать, то и не надо. А я все-таки думаю, что вы противный старик... противный старый болтунишка.

— Вот настоящая женщина!— закричал Берман.— Кто сказал, что я не хочу позировать? Идем. Я иду с вами. Полчаса я говорю, что хочу позировать. Боже мой! Здесь совсем не место болеть такой хорошей девушке, как мисс Джонси. Когда-нибудь я напишу шедевр, и мы все уедем отсюда. Да, да!

Джонси дремала, когда они поднялись наверх. Сью спустила штору до самого подоконника и сделала Берману знак пройти в другую комнату. Там они подошли к окну и со страхом посмотрели на старый плющ. Потом переглянулись, не говоря ни слова. Шел холодный, упорный дождь пополам со снегом. Берман в старой синей рубашке уселся в позе золотоискателя-отшельника на перевернутый чайник вместо скалы.

На другое утро Сью, проснувшись после короткого сна, увидела, что Джонси не сводит тусклых, широко раскрытых глаз со спущенной зеленой шторы.

— Подними ее, я хочу посмотреть,— шепотом скомандовала Джонси.

Сью устало повиновалась.

И что же? После проливного дождя и резких порывов ветра, не унимавшегося всю ночь, на кирпичной стене еще виднелся один лист плюща — последний! Все еще темно-зеленый у стебелька, но тронутый по зубчатым краям желтизной тления и распада, он храбро держался на ветке в двадцати футах над землей.

— Это последний,— сказала Джонси.— Я думала, что он непременно упадет ночью. Я слышала ветер. Он упадет сегодня, тогда умру и я.

— Да бог с тобой!— сказала Сью, склоняясь усталой головой к подушке.— Подумай хоть обо мне, если не хочешь думать о себе! Что будет со мной?

Но Джонси не отвечала. Душа, готовясь отправиться в таинственный, далекий путь, становится чуждой всему земному. Болезненная фантазия завладевала Джонси все сильнее, по мере того как одна за другой рвались все нити, связывавшие ее с жизнью и людьми.

День прошел, и даже в сумерки они видели, что одинокий лист плюща держится на своем стебельке на фоне кирпичной стены. А потом, с наступлением темноты, опять поднялся северный ветер, и дождь беспрерывно стучал в окна, скатываясь с низко нависшей голландской кровли.

Как только рассвело, беспощадная Джонси велела снова поднять штору.

Лист плюща все еще оставался на месте.

Джонси долго лежала, глядя на него. Потом позвала Сью, которая разогревала для нее куриный бульон на газовой горелке.

— Я была скверной девчонкой, Сьюди,— сказала Джонси.— Должно быть, этот последний лист остался на ветке для того, чтобы показать мне, какая я была гадкая. Грешно желать себе смерти. Теперь ты можешь дать мне немножко бульона, а потом молока с портвейном... Хотя нет: принеси мне сначала зеркальце, а потом обложи меня подушками, и я буду сидеть и смотреть, как ты стряпаешь.

Часом позже она сказала:

— Сьюди, я надеюсь когда-нибудь написать красками Неаполитанский залив.

Днем пришел доктор, и Сью под каким-то предлогом вышла за ним в прихожую.

— Шансы равные,— сказал доктор, пожимая худенькую, дрожащую руку Сью.— При хорошем уходе вы одержите победу. А теперь я должен навестить еще одного больного, внизу. Его фамилия Берман. Кажется, он художник. Тоже воспаление легких. Он уже старик и очень слаб, а форма болезни тяжелая. Надежды нет никакой, но сегодня его отправят в больницу, там ему будет покойнее.

На другой день доктор сказал Сью:

— Она вне опасности. Вы победили. Теперь питание и уход — и больше ничего не нужно.

В тот же день к вечеру Сью подошла к кровати, где лежала Джонси, с удовольствием довязывая ярко-синий, совершенно бесполезный шарф, и обняла ее одной рукой — вместе с подушкой.

— Мне надо кое-что сказать тебе, белая мышка,— начала она.— Мистер Берман умер сегодня в больнице от воспаления легких. Он болел всего только два дня. Утром первого дня швейцар нашел бедного старика на полу в его комнате. Он был без сознания. Башмаки и вся его одежда промокли насквозь и были холодны как лед. Никто не мог понять, куда он выходил в такую ужасную ночь. Потом нашли фонарь, который еще горел, лестницу, сдвинутую с места, несколько брошенных кистей и палитру с желтой и зеленой красками. Посмотри в окно, дорогая, на последний лист плюща. Тебя не удивляло, что он не дрожит и не шевелится от ветра? Да, милая, это и есть шедевр Бермана — он написал его в ту ночь, когда слетел последний лист.

СЕРДЦЕ И КРЕСТ

Бэлди Вудз потянулся за бутылкой и достал ее. За чем бы ни тянулся Бэлди, он обычно... но здесь речь не о Бэлди. Он налил себе в третий раз, на палец выше, чем в первый и во второй. Бэлди выступал консультантом, а консультанта стоит оплатить.

— На твоем месте я бы был королем,— сказал Бэлди так уверенно, что кобура его скрипнула и шпоры зазвенели.

Уэб Игер сдвинул на затылок свой широкополый стетсон и растрепал светлые волосы. Но парикмахерский прием ему не помог, и он последовал примеру более изобретательного Бэлди.

— Когда человек женится на королеве, это не значит, что он должен стать двойкой,— объявил Уэб, подытоживая свои горести.

— Ну, разумеется,— сказал Бэлди, полный сочувствия, все еще томимый жаждой и искренно увлеченный проблемой сравнительного достоинства игральных карт.— По праву ты король. На твоем месте я потребовал бы пересдачи. Тебе всучили не те карты... Я скажу тебе, кто ты такой, Уэб Игер.

— Кто?— спросил Уэб, и в его бледно-голубых глазах блеснула надежда.

— Ты принц-консорт.

— Полегче,— сказал Уэб,— я тебя никогда не ругал.

— Это титул,— объяснил Бэлди,— который в ходу среди карточных чинов; но он не берет взяток. Пойми, Уэб, это клеймо, которым в Европе отмечают некоторых животных. Представь, что ты, или я, или какой-нибудь голландский герцог женится на персоне королевской фамилии. Ну, со временем наши жены становятся королевами. А мы — королями? Черта с два! На коронации наше место где-то между первым конюхом малых королевских конюшен и девятым великим хранителем королевской опочивальни. От нас только и пользы, что мы снимаемся на фотографиях и несем ответственность за появление наследника. Это игра с подвохом. Да, Уэб, ты принц-консорт. И будь я на твоем месте, я бы устроил междуцарствие, или habeas corpus[1], или что-нибудь в этом роде. Я стал бы королем, если бы даже мне пришлось смешать к черту все карты.

И Бэлди опорожнил стакан в подтверждение своих слов, достойных Варвика, делателя королей.

— Бэлди,— сказал Уэб торжественно,— мы много лет пасли коров в одном лагере. Еще мальчишками мы бегали по одному и тому же пастбищу и топтали одни и те же тропинки. Только тебя я посвящаю в свои семейные дела. Ты был просто объездчиком на ранчо Нопалито, когда я женился на Санте Мак-Аллистер. Тогда я был старшим; а что я теперь? Я значу меньше, чем пряжка на уздечке.

[1]Неприкосновенность личности *(лат.)*.

— Когда старик Мак-Аллистер был королем скота в Западном Техасе,— подхватил Бэлди с сатанинской вкрадчивостью,— и ты был козырем. Ты был на ранчо таким же хозяином.

— Так было,— согласился Уэб,— пока он не догадался, что я пытаюсь заарканить Санту. Тогда он отправил меня на пастбище, как можно дальше от дома. Когда старик умер, Санту стали звать «королевой скота». А я только заведую скотом. Она присматривает за всем делом; она распоряжается всеми деньгами. А я не могу продать даже бычка на обед туристам. Санта — «королева», а я — мистер «Никто».

— На твоем месте я был бы королем,— повторил закоренелый монархист Бэлди Вудз.— Когда человек женится на королеве, он должен идти с ней по одной цене в любом виде — соленом и вяленом, и повсюду — от пастбища до прилавка. Многие, Уэб, считают странным, что не тебе принадлежит решающее слово на Нопалито. Я не хочу сказать ничего худого про миссис Игер — она самая замечательная дамочка между Рио-Гранде и будущим Рождеством,— но мужчина должен быть хозяином в своем доме.

Бритое смуглое лицо Игера вытянулось в маску уязвленной меланхолии. Выражение его лица, растрепанные желтые волосы и простодушные голубые глаза — все это напоминало школьника, у которого место коновода перехватил кто-то посильнее. Но его энергичная мускулистая семидесятидвухдюймовая фигура и револьверы у пояса не допускали такого сравнения.

— Как это ты меня назвал, Бэлди?— спросил он.— Что это за концерт такой?

— «Консорт»,— поправил Бэлди,—«принц-консорт». Это псевдоним для неважной карты. Ты по достоинству где-то между козырным валетом и тройкой.

Уэб Игер вздохнул и поднял с пола ремень от чехла своего винчестера.

— Я возвращаюсь сегодня на ранчо,— сказал он безучастно.— Утром мне надо отправить гурт быков в Сан-Антонио.

— До Сухого озера я тебе попутчик,— сообщил Бэлди.— В моем лагере в Сан-Маркос сгоняли скот и отбирают двухлеток.

Оба compañeros[1] сели на лошадей и зарысили прочь от маленького железнодорожного поселка, где в это утро утоляли жажду.

У Сухого озера, где их пути расходились, они остановили лошадей, чтобы выкурить по прощальной сигарете. Много миль они проехали молча, и тишину нарушали лишь дробь копыт о примятую мескитовую траву и потрескивание кустарника, задевавшего за деревянные стремена. Но в Техасе разговоры редко бывают связными. Между двумя фразами можно проехать милю, пообедать, совершить убийство, и все это без ущерба для развиваемого тезиса. Поэтому Уэб без всяких предисловий добавил

[1]Приятели *(исп.)*.

кое-что к разговору, который завязался десять миль назад.

— Ты сам помнишь, Бэлдн, что Санта не всегда была такая самостоятельиая. Ты помиишь дии, когда старик Мак-Аллнстер держал нас на расстояннн н как она давала мие знать, что хочет видеть меия. Старнк Мак-Аллистер обещал сделать из меия дуршлаг, еслн я подойду к ферме на ружейный выстрел. Ты помннишь знак, который, бывало, оиа посылала мне... сердце и в нем крест.

— Я-то?— вскричал Бэлдн с хмельиой обидчивостью.— Ах ты, старый койот! Помию лн? Да зиаешь ли ты, проклятая длнннорогая горлнца, что все ребята в лагере зиалн эти вашн иероглнфы? «Желудок с костямн крест-накрест»— вот как мы иазывали нх. Мы всегда прнмечали нх на поклаже, которую иам привозилн с ранчо. Оин были выведены углем на мешках с мукой и карандашом на газетах. А как-то я видел такую штуку, иарисованную мелом на спине нового повара, которого прислал с ранчо старик Мак-Аллистер. Честное слово!

— Отец Санты,— кротко объяснил Уэб,— взял с нее обещанне, что оиа ие будет писать мне и передавать поручённй. Вот оиа и придумала этот зиак «сердце и крест». Когда ей ие терпелось меня увидеть, она ухитрялась отмечать этим знаком что придется, лншь бы попалось мие на глаза. И не было случая, чтобы, приметив этот знак, я не мчался в ту же ночь на ранчо. Я встречался с нею в той рощнце, что позади маленького конского корраля.

— Мы зиали это,— протянул Бэлдн,— только виду ие подавалн. Все мы были за вас. Мы зналн, почему ты в лагере держишь коня всегда наготове. И когда мы виделн «желудок с костямн», расписанные на повозке, мы знали, что старнку Пинто придется в эту иочь глотать мили вместо травы. Ты помиишь Скэрри... этого ученого объездчика? Ну, парня нз колледжа, который приехал на пастбище лечнться от пьянства. Как завидит Скэрри на чемнибудь это клеймо «приезжай к своей мнлке», махнет, бывало рукой вот таким манером и скажет: «Ну, нынче ночью наш приятель Леандр опять поплывет через Геллиспункт».

— В последний раз, — сказал Уэб, — Санта послала мне знак, когда была больна. Я заметил его сразу, как только вернулся в лагерь, н в ту ночь сорок миль прогнал Пнnто галопом. В рощице ее не было. Я пошел к дому, н в дверях меня встретил старнк Мак-Аллистер.

— Ты приехал, чтобы быть убнтым?— говорнл он.— Сегодня не выйдет. Я только что послал за тобой мекснканца. Санта хочет тебя видеть. Ступай в эту комнату и поговорн с ней. А потом выходи и поговоришь со мной.

Санта лежала в постели снльно больная. Но оиа вроде как улыбнулась, и иаши руки сцепились, и я сел возле кровати как был — грязный, при шпорах, в кожаных штанах и тому подобном.

— Несколько часов мне чуднлся топот копыт твоей лошади, Уэб,— говорнт она.— Я была уверена, что ты прискачешь. Ты увндел знак?— шепчет она.

— Как только вернулся в лагерь,— говорю я.— Ои был иарисован на мешке с картошкой н луком.

— Они всегда вместе,— говорнт она нежно,— всегда вместе в жизни.

— Вместе онн замечательиы,— говорю я,— с тушеиым мясом.

— Я нмею в виду сердце и крест,— говорнт она.— Наш знак. Любовь и страдаиие — вот что он обозначает.

Тут же был старый Док Мэсгров, забавлявшийся виски и веером из пальмового листа. Ну, вскоре Санта засыпает. Док трогает ее лоб и говорнт мне: «Вы не плохое жаропонижающее. Но сейчас вам лучше уйтн, потому что, согласно диагнозу, вы ие требуетесь в больших дозах. Девица будет в полном порядке, когда проснется».

Я вышел и встретил старнка Мак-Аллнстера.

— Она спнт, — сказал я. — Теперь вы можете делать нз меня дуршлаг. Пользуйтесь случаем; я оставил свое ружье на седле.

Старик смеется н говорит мие:

— Какой мне расчет накачать свиицом лучшего управляющего в Западиом Техасе? Где я найду такого? Я почему говорю, что ты хорошая мишеиь? Потому что ты хочешь стать моим зятем. В члены семейства ты, Уэб, мие ие годишься. Но использовать тебя на Нопалито я могу, если ты не будешь совать нос в усадьбу. Отправляйся-ка наверх и ложись на койку, а когда выспишься, мы с тобой это обсудим.

Бэлдн Вудз надвннул шляпу н скинул иогу с седельной луки. Уэб иатяиул поводья, и его застоявшаяся лошадь заплясала. Церемонно, как прнинято на Западе, мужчииы пожалн друг другу руки.

— Adios, Бэлди,— сказал Уэб,— очеиь рад, что повидал тебя н побеседовал.

Лошади рванулн с такнм шумом, будто вспорхиула стая перепелов, и всаднпки понеслнсь к разным точкам горизонта. Отъехав ярдов сто, Бэлди остановил лошадь на вершине голого холмнка н испустнл вопль. Он качался в седле. Иди он пешком, земля бы завертелась под ннм н свалила его. Но в седле ои всегда сохранял равиовесие, смеялся над вискн и презирал центр тяжести.

Услышав сигнал, Уэб повернулся в седле.

— На твоем месте, — донесся с произнтельной издевкой голос Бэлди, — я был бы королем.

На следующее утро, в восемь часов, Бэд Тэрнер скатился с седла перед домом в Нопалито и зашагал, звякая шпорами, к галерее. Бэд должен был в это утро гнать гурт рогатого скота в Сан-Антоиио. Мнссис Игер была иа галерее и поливала цветок гиацинта в красиом глиияиом горшке.

«Король» Мак-Аллистер завещал своей дочери много положнтельных качеств: свою решнтельность, свое веселое мужество, свою упрямую самоуверенность, свою гордость царствующего монарха копыт и рогов. Темпом Мак-Аллнстера всегда было allegro, а манерой — fortissimo. Санта унаследовала нх, но в женском ключе. Во многом она напомннала свою мать, которую призвали на иные, беспредельные зеленые пастбнща задолго до того, как растущие стада коров прндали дому королевское велнчие. У нее была стройная крепкая фигура матери н ее степенная нежная красота, смягчавшая суровость властных глаз и королевски-незавнснмый внд Мак-Аллистера.

Уэб стоял в конце галереи с несколькими управляющими, которые приехали из различных лагерей за распоряжениями.

— Привет!— сказал Бэд кратко.— Кому в городе сдать скот? Барберу, как всегда?

Отвечать на такие вопросы было прерогативой королевы. Все бразды хозяйства — покупку, продажу и расчеты — она держала в своих ловких пальчиках. Управление скотом целиком было доверено ее мужу. В дни «короля» Мак-Аллистера Санта была его секретарем и помощнником. И она продолжала свою работу разумно и с выгодой. Но до того, как она успела ответить, прннц-консорт заговорил со спокойной решимостью:

— Сдай этот гурт в загоны Циммермана и Несбита. Я говорнл об этом недавно с Циммерманом.

Бэд повернулся на своих высоких каблуках.

— Подождите, — поспешно позвала его Санта. Она взглянула на мужа, удивленне было в ее упрямых серых глазах.

— Что это значит, Уэб?— спросила она, н небольшая морщинка появилась у нее между бровей.— Я не торгую с Циммерманом и Несбитом. Вот уже пять лет Барбер забирает весь скот, который идет от нас на продажу. Я не собираюсь отказываться от его услуг. — Она повернулась к Бэду Тэрнеру. — Сдайте этот скот Барберу, — заключила она решительно.

Бэд безучастно посмотрел на кувшин с водой, внсевшнй на галерее, переступил с ногн на ногу и пожевал лист мескнта.

— Я хочу, чтобы этот гурт был отправлен Циммерману и Несбиту,— сказал Уэб, и в его голубых глазах сверкнул холодный огонек.

— Глупости!— сказала нетерпеливо Санта.— Вам лучше отправляться сейчас, Бэд, чтобы отполдничать на водопое «Маленького вяза». Скажите Барберу, что через месяц у нас будет новая партня бракованных телят.

Бэд посмотрел украдкой на Уэба, и взгляды их встретились. Уэб заметил в глазах Бэда просьбу извинить его, но вообразил, что видит соболезнование.

— Сдай скот,— сказал он сурово,— фирме...

— Барбера,— резко докончила Санта.— И поставнм точку. Вы ждете еще чего-нибудь, Бэд?

— Нет, мэм,— сказал Бэд. Но прежде чем уйти, он замешкался ровно на столько временн, сколько нужно корове, чтобы трижды махнуть хвостом; ведь мужчина — всегда союзник мужчине; н даже филистимляне, должно быть, покраснели, овладев Самсоном так, как они это сделали.

— Слушайся своего хозяина!— сардонически крикнул Уэб. Он снял шляпу и так ннзко поклонился жене, что шляпа коснулась пола.

— Уэб,— сказала Санта с упреком,— ты сегодня ведешь себя страшно глупо.

— Придворный шут, ваше величество,— сказал Уэб медленно, изменившимся голосом.— Чего же еще и ждать? Позвольте высказаться. Я был мужчнной до того, как женился на «королеве скота». А что я теперь? Посмешище для всех лагерей. Но я стану снова мужчиной.

Санта пристально взглянула на него.

— Брось глупости, Уэб,— сказала она спокойно. — Я тебя ничем не обидела. Разве я вмешнваюсь в твое управление скотом? А коммерческую сторону дела я знаю лучше тебя. Я научилась у папы. Будь благоразумен.

— Короли и королевы,— сказал Уэб,— не по вкусу мне, если я сам не фигура. Я пасу скот, а ты носишь корону. Прекрасно! Я лучше буду лорд-канцлером коровьего лагеря, чем восьмеркой в чужой игре. Это твое ранчо, и скот получает Барбер.

Лошадь Уэба была привязана к коновязи. Он вошел в дом и вынес сверток одеял, которые брал только в дальние поездкн, и свой плащ, и свое самое длинное лассо, плетенное из сыромятной кожн. Все это он не спеша приторочнл к седлу. Санта с побледневшим лицом следила за ним.

Уэб вскочил в седло. Его серьезное бритое лицо было спокойно, лишь в глазах тлел упрямый огонек.

— Вблизи водопоя Хондо в долине Фрио,— сказал он, — пасется стадо коров н телят. Его надо отогнать подальше от леса. Волки задрали трех телят. Я забыл распорядиться. Скажи, пожалуйста, Симмсу, чтобы он позаботнлся.

Санта взялась за уздечку и посмотрела мужу в глаза.

— Ты хочешь бросить меня, Уэб?— спроснла она спокойно.

— Я хочу снова стать мужчиной,— ответил он.

— Желаю успеха в похвальном начинании,— сказала она с неожиданной холодностью. Потом повернулась и ушла в дом.

Уэб Игер поехал на юго-восток по прямой, насколько это позволяла топография Западного Техаса. А достигнув горизонта, он, видно, растворился в голубой дали, так как на ранчо Нопалито о нем с тех пор не было ни слуху ни

духу. Дни с воскресеньями во главе строились в недельные эскадроны, и недели под командою полнолуний вступали рядами в месячные полки, несущие на своих знаменах «Tempus fugit»[1], и месяцы маршировали в необъятный лагерь годов. Но Уэб Игер не являлся больше во владения своей королевы.

Однажды некий Бартоломью с низовьев Рио-Гранде, овчар, а посему человек незначительный, показался в виду ранчо Нопалито и почувствовал приступ голода. Ex consuetudine[2] его вскоре усадили за обеденный стол в этом гостеприимном королевстве. И он заговорил, будто из него извергалась вода, словно его стукнули аароновым жезлом... Таков бывает тихий овчар, когда слушатели, чьи уши не заросли шерстью, удостоят его внимания.

— Миссис Игер,— тараторил он,— на днях я видел человека на ранчо Сэко, в округе Гидальго, так его тоже звали Игер, Уэб Игер. Его как раз наняли туда в управляющие. Высокий такой, белобрысый и все молчит. Может, кто из вашей родни?

— Муж,— приветливо сказала Санта.— На Сэко хорошо сделали, что наняли его. Мистер Игер один из лучших скотоводов на Западе.

Исчезновение принца-консорта редко дезорганизует монархию. Королева Санта назначила старшим объездчиком надежного подданного по имени Рэмси, одного из верных вассалов ее отца. И на ранчо Нопалито все шло гладко и без волнений, только трава на обширных лугах волновалась от бриза, налетавшего с залива.

Уже несколько лет в Нопалито производились опыты с английской породой скота, который с аристократическим презрением смотрел на техасских длиннорогих. Опыты были признаны удовлетворительными, и для голубокровок отведено отдельное пастбище. Слава о них разнеслась по прерии, по всем оврагам и зарослям, куда только мог проникнуть верховой. На других ранчо проснулись, протерли глаза и с неудовольствием поглядели на длиннорогих.

И в результате однажды загорелый, ловкий, франтоватый юноша с шелковым платком на шее, украшенный револьверами и сопровождаемый тремя мексиканскими agueros[3], спешился на ранчо Нопалито и вручил «королеве» следующее деловое письмо:

«Миссис Игер.— Ранчо Нопалито.
Милостивая государыня!

Мне поручено владельцами ранчо Сэко закупить 100 голов телок,— двух- и трехлеток, сэссекской породы, имеющейся у Вас. Если Вы можете выполнить заказ, не откажите передать скот подателю сего. Чек будет выслан Вам немедленно.

С почтением *Уэбстер Игер,*
Управляющий ранчо Сэко».

[1]Время бежит *(лат.)*.
[2]По установленному обычаю *(лат.)*.
[3]Ковбой *(исп.)*.

Дело всегда дело, даже — я чуть-чуть не написал: «особенно» — в королевстве.

В этот вечер сто голов скота пригнали с пастбища и заперли в корраль возле дома, чтобы сдать его утром.

Когда спустилась ночь и дом затих, бросилась ли Санта Игер лицом в подушку, прижимая это деловое письмо к груди, рыдая и произнося то имя, которому гордость (ее или его) не позволяла сорваться с ее губ многие дни? Или же, со свойственной ей деловитостью, она подколола его к другим бумагам, сохраняя спокойствие и выдержку, достойные королевы скота? Догадывайтесь, если хотите, но королевское достоинство священно. И все сокрыто завесой. Однако кое-что вы все-таки узнаете.

В полночь Санта, накинув темное, простое платье, тихо выскользнула из дома. Она задержалась на минуту под дубами. Прерия была словно в тумане, и лунный свет, мерцающий сквозь неосязаемые частицы дрожащей дымки, казался бледно-оранжевым. Но дрозды-пересмешники свистели на каждом удобном суку, мили цветов насыщали ароматом воздух, а на полянке резвился целый детский сад — маленькие призрачные кролики. Санта повернулась лицом на юго-восток и послала три воздушных поцелуя в этом направлении. Все равно подглядывать было некому.

Затем она бесшумно направилась к кузнице, находившейся в пятидесяти ярдах. О том, что она там делала, можно только догадываться. Но горн накалился, и раздавалось легкое постукивание молотка, какое, верно, можно услышать, когда купидон оттачивает свои стрелы.

Вскоре она вышла, держа в одной руке какой-то странной формы предмет с рукояткой, а в другой — переносную жаровню, какие можно видеть в лагерях у клеймовщиков. Освещенная лунным светом, она быстро побежала к корралю, куда был загнан сэссекский скот.

Она отворила ворота и проскользнула в корраль. Сэссекский скот был большей частью темно-рыжий. Но в этом гурте была одна молочно-белая телка, заметная среди других.

И вот Санта стряхнула с плеч нечто, чего мы раньше не приметили,— лассо. Она взяла петлю в правую руку, а смотанный конец в левую и протиснулась в гущу скота.

Ее мишенью была белая телка. Она метнула лассо, оно задело за один рог и соскользнуло. Санта метнула еще раз — лассо обвило передние ноги телки, и она грузно упала. Санта кинулась к ней, как пантера, но телка поднялась, толкнула ее и свалила, как былинку.

Санта сделала новую попытку. Встревоженный скот плотной массой толкался у стен корраля. Бросок был удачен; белая телка снова припала к земле, и, прежде чем она смогла подняться, Санта быстро закрутила лассо вокруг столба, завязала его простым, но крепким уз-

лом и кинулась к телке с путами из сыромятной кожи.

В минуту (не такое уж рекордное время) ноги животного были спутаны, и Санта, усталая и запыхавшаяся, на такой же срок прислонилась к стене корраля.

Потом она быстро побежала к жаровне, оставленной у ворот, и притащила странной формы клеймо, раскаленное добела.

Рев оскорбленной белой телки, когда клеймо коснулось ее, должен был бы разбудить слуховые нервы и совесть находившихся поблизости подданных Нопалито, но этого не случилось. И среди глубочайшей ночной тишины Санта, как птица, полетела домой, упала на кровать и зарыдала... Зарыдала так, будто у королев такие же сердца, как и у жен обыкновенных ранчменов, и будто королевы охотно сделают принцев-консортов королями, если они прискачут из-за холмов, из голубой дали.

Поутру ловкий, украшенный револьверами юноша и его vaqueros погнали гурт сэссекского скота через прерии к ранчо Сэко. Впереди девяносто миль пути. Шесть дней с остановками для пастьбы и водопоя.

Скот прибыл на ранчо Сэко в сумерки и был принят и пересчитан старшим по ранчо.

На следующее утро, в восемь часов, какой-то всадник вынырнул из кустарника на усадьбе Нопалито. Он с трудом спешился и зашагал, звеня шпорами, к дому. Его взмыленная лошадь испустила тяжелый вздох и закачалась, понуря голову и закрыв глаза.

Но не расточайте своего сострадания на гнедого, в мелких пежинах, Бельсхазара. Сейчас на конских пастбищах Нопалито он процветает в любви и в холе, не седлаемый, лелеемый держатель рекорда на дальние дистанции.

Всадник, пошатываясь, вошел в дом. Две руки обвились вокруг его шеи, и кто-то крикнул голосом женщины и королевы: «Уэб... о Уэб!»

— Я был мерзавцем,— сказал Уэб Игер.

— Тс-с,— сказала Санта,— ты видел?

— Видел,— сказал Уэб.

Один бог знает, что они имели в виду. Впрочем, и вы узнаете, если внимательно прочли о предшествующих событиях.

— Будь королевой скота,— сказал Уэб,— и забудь обо всем, если можешь. Я был паршивым койотом.

— Тс-с!— снова сказала Санта, положив пальчик на его губы.— Здесь больше нет королевы. Ты знаешь, кто я? Я — Санта Игер, первая леди королевской опочивальни. Иди сюда.

Она потащила его с галереи в комнату направо. Здесь стояла колыбель, и в ней лежал инфант — красный, буйный, лепечущий, замечательный инфант, нахально плюющий на весь мир.

— На этом ранчо нет королевы,— повторила Санта.— Взгляни на короля. У него твои глаза, Уэб. На колени, и смотри на его высочество.

Но на галерее послышалось звяканье шпор, и опять появился Бэд Тэрнер с тем же самым вопросом, с каким приходил он без малого год назад.

— Привет! Скот уже на дороге. Гнать его к Барберу или...

Он увидел Уэба и замолк с открытым ртом.

— Ба-ба-ба-ба-ба-ба,— закричал король в своей люльке, колотя кулачками воздух.

— Слушайся своего хозяина, Бэд,— сказал Уэб Игер с широкой усмешкой, как сказал это год назад.

Вот и все. Остается упомянуть, что когда старик Куин, владелец ранчо Сэко, вышел осмотреть стадо сэссекского скота, который он купил на ранчо Нопалито, он спросил своего нового управляющего:

— Какое клеймо на ранчо Нопалито, Уилсон?

— Х — черта — У,— сказал Уилсон.

— И мне так казалось,— заметил Куин.— Но взгляни на эту белую телку. У ней другое клеймо: сердце и в нем — крест. Что это за клеймо?

ВЫКУП

Я и старикашка Мак Лонсберн, мы вышли из этой игры в прятки с маленькой золотоносной жилой, заработав по сорок тысяч долларов на брата. Я говорю: «старикашка» Мак, но он не был старым. Сорок один, не больше. Однако он всегда казался стариком.

— Энди,— говорит мне Мак,— я устал от суеты. Мы с тобой здорово поработали эти три года. Давай отдохнем малость и спустим лишние деньжонки.

— Предложение мне по вкусу,— говорю я.— Давай станем на время набобами и попробуем, что это за штука. Но что мы будем делать: проедемся к Ниагарскому водопаду или будем резаться в «фараон»?

— Много лет,— говорит Мак,— я мечтал, что, если у меня будут лишние деньги, я сниму где-нибудь хибарку из двух комнат, найму повара-китайца и буду себе сидеть в одних носках и читать «Историю цивилизации» Бокля.

— Ну что ж,— говорю я,— приятно, полезно и без вульгарной помпы. Пожалуй, лучшего помещения денег не придумаешь. Дай мне часы с кукушкой и «Самоучитель для игры на банджо» Сэпа Уиннера, и я тебе компаньон.

Через неделю мы с Маком попадаем в городок Пинья, милях в тридцати от Денвера, и находим элегантный домишко из двух комнат, как раз то, что нам нужно. Мы вложили в городской банк вагон денег и перезнакомились со всеми тремястами сорока жителями города. Китайца, часы с кукушкой, Бокля и «Самоучитель» мы привезли с собой из Денвера, и в нашей хибарке сразу стало уютно, как дома.

Не верьте, когда говорят, будто богатство не приносит счастья. Посмотрели бы вы, как старикашка Мак сидит в своей качалке, задрав ноги в голубых нитяных носках на подоконник, и сквозь очки поглощает снадобье Бокля,— это была картина довольства, которой позавидовал бы сам Рокфеллер. А я учился наигрывать на банджо «Старичина-молодчина Зип», и кукушка вовремя вставляла свои замечания, и А-Син насыщал атмосферу прекраснейшим ароматом яичницы с ветчиной, перед которым спасовал бы даже запах жимолости. Когда становилось слишком темно, чтобы разбирать чепуху Бокля и закорючки «Самоучителя», мы с Маком закуривали трубки и толковали о науке, о добывании жемчуга, об ишиасе, о Египте, об орфографии, о рыбах, о пассатах, о выделке кожи, о благодарности, об орлах и о всяких других предметах, относительно которых у нас прежде никогда не хватало времени высказывать свое мнение.

Как-то вечером Мак возьми да спроси меня, хорошо ли я разбираюсь в нравах и политике женского сословия.

— Кого ты спрашиваешь!— говорю я самонадеянным тоном.— Я знаю их от Альфреда до Омахи. Женскую природу и тому подобное,— говорю я,— я распознаю так же быстро, как зоркий орел — Скалистые горы. Я собаку съел на их увертках и вывертах...

— Понимаешь, Энди,— говорит Мак, вроде как вздохнув,— мне совсем не пришлось иметь дело с их предрасположением. Возможно, и во мне взыграла бы склонность обыграть их соседство, да времени не было. С четырнадцати лет я зарабатывал себе на жизнь, и мои размышления не были обогащены теми чувствами, какие, судя по описаниям, обычно вызывают создания этого пола. Иногда я жалею об этом,— говорит Мак.

— Женщины — неблагоприятный предмет для изучения,— говорю я,— и все это зависит от точки зрения. И хотя они отличаются друг от друга в существенном, но я часто замечал, что они как нельзя более несходны в мелочах.

— Кажется мне,— продолжает Мак,— что гораздо лучше проявлять к ним интерес и вдохновляться ими, когда молод и к этому предназначен. Я прозевал свой случай. И, пожалуй, я слишком стар, чтобы включить их в свою программу.

— Ну, не знаю,— говорю я ему,— может, ты отдаешь предпочтение бочонку с деньгами и полному освобождению от всяких забот и хлопот. Но я не жалею, что изучил их,— говорю я.— Тот не даст себя в обиду в этом мире, кто умеет разбираться в женских фокусах и увертках.

Мы продолжали жить в Пинье, нам нравилось это местечко. Некоторые люди предпочитают тратить свои деньги с шумом, треском и всякими передвижениями, но мне и Маку надоели суматоха и гостиничные полотенца. Народ в Пинье относился к нам хорошо. А-Син стряпал кормежку по нашему вкусу. Мак и Бокль были неразлучны, как два кладбищенских вора, а я почти в точности извлекал на банджо сердцещипательное «Девочки из Буффало, выходите вечерком».

Однажды мне вручили телеграмму от Спейта, из Нью-Мексико, где этот парень разрабатывал жилу, с которой я получал проценты. Пришлось туда выехать, и я проторчал там два месяца. Мне не терпелось вернуться в Пинью и опять зажить в свое удовольствие.

Подойдя к хибарке, я чуть не упал в обморок. Мак стоял в дверях, и если ангелы плачут, то, клянусь, в эту минуту они не стали бы улыбаться.

Это был не человек — зрелище! Честное слово! На него стоило посмотреть в лорнет, в бинокль, да что там, в подзорную трубу, в большой телескоп Ликской обсерватории!

На нем был сюртук, шикарные ботинки, и белый жилет, и цилиндр, и герань величиной с пучок шпината была приклепана на фасаде. И он ухмылялся и коробился, как торгаш в преисподней или мальчишка, у которого схватило живот.

— Алло, Энди,— говорит Мак, цедя сквозь зубы,— рад, что ты вернулся. Тут без тебя произошли кое-какие перемены.

— Вижу,— говорю я,— и, сознаюсь, это кощунственное явление. Не таким тебя создал всевышний, Мак Лонсберн. Зачем же ты надругался над его творением, явив собой столь дерзкое непотребство!

— Понимаешь, Энди,— говорит он,— меня выбрали мировым судьей.

Я внимательно посмотрел на Мака. Он был беспокоен и возбужден. Мировой судья должен быть скорбящим и кротким.

Как раз в этот момент по тротуару проходила какая-то девушка, и я заметил, что Мак словно бы захихикал и покраснел, а потом снял цилиндр, улыбнулся и поклонился, и она улыбнулась, поклонилась и пошла дальше.

— Ты пропал,— говорю я,— если в твои годы заболеваешь любовной корью. А я-то думал, что она к тебе не пристанет. И лакированные ботинки! И все это за какие-нибудь два месяца!

— Вечером у меня свадьба... вот эта самая юная девица,— говорит Мак явно с подъемом.

— Я забыл кое-что на почте,— сказал я и быстро зашагал прочь.

Я нагнал эту девушку ярдов через сто. Я снял шляпу и представился. Ей было этак лет девятнадцать, а выглядела она моложе своих лет. Она вспыхнула и посмотрела на меня холодно, словно я был метелью из «Двух сироток».

— Я слышал, что сегодня вечером у вас свадьба? — сказал я.

— Правильно,— говорит она,— вам это почему-нибудь не нравится?

— Послушай, сестренка,— начинаю я.

— Меня зовут мисс Ребоза Рид,— говорит она обиженно.

— Знаю,— говорю я,— так вот, Ребоза, я уже не молод, гожусь в должники твоему папаше, а эта старая, расфранченная, подремонтированная, страдающая морской болезнью развалина, которая носится, распустив хвост и кулдыкая, в своих лакированных ботинках, как наскипидаренный индюк, приходится мне лучшим другом. Ну на кой черт ты связалась с ним и втянула его в это брачное предприятие?

— Да ведь другого-то нету,— ответила мисс Ребоза.

— Глупости! — говорю я, бросив тошнотворный взгляд восхищения на цвет ее лица и общую композицию.— С твоей красотой ты подцепишь кого угодно. Послушай, Ребоза, старикашка Мак тебе не пара. Ему было двадцать два, когда ты стала урожденная Рид, как пишут в газетах. Этот расцвет у него долго не протянется. Он весь пропитан старостью, целомудрием и трухой. У него приступ бабьего лета — только и всего. Он прозевал свою получку, когда был молод, а теперь вымаливает у природы проценты по векселю, который ему достался от амура вместо наличных... Ребоза, тебе непременно нужно, чтобы этот брак состоялся?

— Ну ясно,— говорит она, покачивая анютины глазки на своей шляпке.— И думаю, что не мне одной.

— В котором часу должно это свершиться? — спрашиваю я.

— В шесть,— говорит она.

Я сразу решил, как поступить. Я должен сделать все, чтобы спасти Мака. Позволить такому хорошему, пожилому, не подходящему для супружества человеку погибнуть из-за девчонки, которая не отвыкла еще грызть карандаш и застегивать платьице на спине,— нет, это превышало меру моего равнодушия.

— Ребоза,— сказал я серьезно, пустив в ход весь свой запас знаний первопричин женских резонов,— неужели нет в Пинье молодого человека... приличного молодого человека, который бы тебе нравился?

— Есть,— говорит Ребоза, кивая своими анютиными глазками,— конечно, есть. Спрашивает тоже!

— Ты ему нравишься? — спрашиваю я.— Как он к тебе относится?

— С ума сходит,— отвечает Ребоза.— Маме приходится поливать крыльцо водою, чтобы он не сидел на нем целый день. Но завтра, думается мне, с этим будет покончено,— заключила она со вздохом.

— Ребоза,— говорю я,— ты ведь не питаешь к старичку Маку этого сильного обожания, которое называют любовью, не правда ли?

— Еще недоставало!— говорит девушка, покачивая головой.— По-моему, он весь иссох, как дырявый бочонок. Вот тоже выдумали!

— Кто этот молодой человек, Ребоза, который тебе нравится? — осведомился я.

— Эдди Бэйлз,— говорит она.— Он служит в колониальной лавочке у Кросби. Но он зарабатывает только тридцать пять долларов в месяц. Элла Ноукс была раньше от него без ума.

— Старикашка Мак сообщил мне,— говорю я,— что сегодня в шесть у вас свадьба.

— Совершенно верно,— говорит она,— в шесть часов, у нас в доме.

— Ребоза,— говорю я.— Выслушайте меня! Если бы Эдди Бэйлз имел тысячу долларов наличными... На тысячу долларов, имей в виду, он может приобрести собственную лавочку... Так вот, если бы вам с Эдди попалась такая разрешающая сомнения сумма, согласилась бы ты повенчаться с ним сегодня в пять вечера?

Девушка смотрит на меня с минуту, и я чувствую, как ее организм охватывают непередаваемые размышления, обычные для женщин при таких обстоятельствах.

— Тысячу долларов? — говорит она.— Конечно, согласилась бы.

— Пойдем,— говорю я.— Пойдем к Эдди!

Мы пошли в лавочку Кросби и вызвали Эдди на улицу. Вид у него был почтенный и веснушчатый, и его бросило в жар и в холод, когда я изложил ему свое предложение.

— В пять часов? — говорит он.— За тысячу долларов? Ой, не будите меня. Понял! Вы богатый дядюшка, наживший состояние на торговле пряностями в Индии. А я покупаю лавочку Кросби — и сам себе хозяин.

Мы вошли в лавочку, отозвали Кросби в сторону и объяснили все дело. Я выписал чек на тысячу долларов и отдал его старику. Он должен был передать его Эдди и Ребозе, если они повенчаются в пять.

А потом я благословил их и пошел побродить по лесу. Я уселся на пень и размышлял о жизни, о старости, о зодиаке, о женской логике и о том, сколько треволнений выпадает на долю человека.

Я поздравил себя с тем, что я, очевидно, спас моего старого приятеля Мака от приступа второй молодости. Я знал, что, когда он очнется и бросит свое сумасбродство и свои лакированные ботинки, он будет мне благодарен. «Удержать Мака от подобных рецидивов,— думал я,— на это не жалко и больше тысячи долларов». Но особенно я был рад тому, что я изучил женщин и что ни одна меня не обманет своими причудами и подвохами. Когда я вернулся домой, было, наверно, половина шестого. Я вошел и вижу — старикашка Мак сидит развалившись в качалке, в старом своем костюме, ноги в голубых носках задраны на подоконник, а на коленях — «История цивилизации».

— Не очень-то похоже, что ты к шести отправляешься на свадьбу,— говорю я с невинным видом.

— А-а,— говорит Мак и тянется за табаком,— ее передвинули на пять часов. Известили запиской, что переменили час. Все уже кончено. А ты чего пропадал так долго, Энди?

— Ты слышал о свадьбе? — спрашиваю я.

— Сам венчал,— говорит он.— Я же говорил тебе, что меня избрали мировым судьей. Священник где-то на Востоке гостит у родных, а я единственный в городе, кто имеет право совершать брачные церемонии. Месяц назад я пообещал Эдди и Ребозе, что обвенчаю их. Он парень толковый и как-нибудь обзаведется собственной лавочкой.

— Обзаведется,— говорю.

— Уйма женщин была на свадьбе,— говорит Мак,— но ничего нового я в них как-то не приметил. А хотелось бы знать структуру их вывертов так же хорошо, как ты... Ведь ты говорил...

— Говорил два месяца назад,— сказал я и потянулся за банджо.

ДРУГ ТЕЛЕМАК

Вернувшись с охоты, я поджидал в маленьком городке Лос-Пиньос, в Нью-Мексико, поезд, идущий на юг. Поезд запаздывал на час. Я сидел на крыльце ресторанчика «Вершина» и беседовал о смысле жизни с Телемаком Хиксом, его владельцем.

Заметив, что вопросы личного характера не исключаются, я спросил его, какое животное, очевидно давным-давно, скрутило и обезобразило его левое ухо. Как охотника меня интересовали злоключения, которые могут постигнуть человека, преследующего дичь.

— Это ухо,— сказал Хикс,— реликвия верной дружбы.

— Несчастный случай? — не унимался я.

— Никакая дружба не может быть несчастным случаем,— сказал Телемак, и я умолк.

— Я знаю один-единственный случай истинной дружбы,— продолжал мой хозяин,— это случай полюбовного соглашения между человеком из Коннектикута и обезьяной. Обезьяна взбиралась на пальмы в Барранквилле и сбрасывала человеку кокосовые орехи. Человек распиливал их пополам, делал из них чашки, продавал их по два реала за штуку и покупал ром. Обезьяна выпивала кокосовое молоко. Поскольку каждый был доволен своей долей в добыче, они жили, как братья. Но у человеческих существ дружба — занятие преходящее, побалуются ею и забросят.

Был у меня как-то друг, по имени Пейсли Фиш, и я воображал, что он привязан ко мне на веки вечные. Семь лет мы бок о бок добывали руду, разводили скот, продавали патентованные маслобойки, пасли овец, щелкали фотографии и все, что попадалось под руку, ставили проволочные изгороди и собирали сливы. И думалось мне, что ни человекоубийство, ни лесть, ни богатство, ни пьянство, никакие ухищрения не посеют раздора между мной и Пейсли Фишем. Вы и представить себе не можете, как мы были дружны. Мы были друзьями в деле, но наши дружеские чувства не оставляли нас в часы досуга и забав. Поистине у нас были дни Дамона и ночи Пифиаса.

Как-то летом мы с Пейсли, нарядившись как полагается, скачем в эти самые горы Сан-Андрес, чтобы на месяц окунуться в безделье и легкомыслие. Мы попадаем сюда, в Лос-Пиньос, в этот сад на крыше мира, где текут реки сгущенного молока и меда. В нем несколько улиц, и воздух, и куры, и ресторан. Чего еще человеку надо!

Приезжаем мы вечером, после ужина, и решаем обследовать, какие съестные припасы имеются в ресторане у железной дороги. Только мы уселись и отодрали ножами тарелки от красной клеенки, как вдруг влетает вдова Джессап с горячими пирожками и жареной печенкой.

Это была такая женщина, что даже пескаря ввела бы в грех. Она была не столько маленькая, сколько крупная, и, казалось, дух гостеприимства пронизывал все ее существо. Румянец ее лица говорил о кулинарных склонностях и пылком темпераменте, а от ее улыбки чертополох мог бы зацвести в декабре месяце. Вдова Джессап наболтала нам всякую всячину: о климате, об истории, о Теннисоне, о черносливе, о нехватке баранины и в конце концов пожелала узнать, откуда мы явились.

— Спринг-Вэлли,— говорю я.

— Биг-Спринг-Вэлли,— прожевывает Пейсли вместе с картошкой и ветчиной.

Это был первый замеченный мною признак того, что старая дружба fidus Diogenes[1] между мною и Пейсли окончилась навсегда. Он знал, что я терпеть не могу болтунов, и все-таки влез в разговор со своими вставками и синтаксическими добавлениями. На карте значилось Биг-Спринг-Вэлли, но я сам слышал, как Пейсли тысячу раз говорил просто Спринг-Вэлли.

Больше мы не сказали ни слова и, поужинав, вышли и уселись на рельсах. Мы слишком долго были знакомы, чтобы не знать, какие мысли бродили в голове у соседа.

— Надеюсь, ты понимаешь,— говорит Пейсли,— что я решил присовокупить эту вдову, как органическую часть, к моему наследству в его домашней, социальной, юридической и других формах отныне и навеки, пока смерть не разлучит нас.

— Все ясно, понятно,— отвечаю я.— Я прочел это между строк, хотя обмолвился только одной. Надеюсь, тебе также известно,— говорю я,— что я предпринял шаг к перемене фамилии вдовы на фамилию Хикс и советую тебе написать в газету, в отдел светской хроники, и запросить точную информацию, полагается ли шаферу камелия в петлицу и носки без шва.

— В твоей программе пройдут не все номера,— говорит Пейсли, пожевывая кусок желез-

[1] Верный Диоген (*лат.*).

нодорожной шпалы.— Будь это дело мирское, я уступил бы тебе в чем хочешь, но здесь — шалишь! Улыбки женщин,— продолжает Пейсли,— это водоворот Сциллы и Харибды, в пучину которого часто попадает, разбиваясь в щепки, крепкий корабль «Дружба». Как и прежде, я готов отбить тебя у медведя,— говорит Пейсли,— поручиться по твоему векселю или растирать тебе лопатки оподельдоком. Но на этом мое чувство этикета иссякает. В азартной игре на миссис Джессап мы играем порознь. Я честно предупредил тебя.

Тогда я совещаюсь сам с собой и предлагаю следующую резолюцию и поправки:

— Дружба между мужчинами,— говорю я,— есть древняя историческая добродетель, рожденная в те дни, когда люди должны были защищать друг друга от летающих черепах и ящериц с восьмидесятифутовыми хвостами. Люди сохраняют эту привычку по сей день и стоят друг за друга до тех пор, пока не приходит коридорный и не говорит, что все эти звери им только померещились. Я часто слышал,— говорю я,— что с появлением женщины исчезает дружба между мужчинами. Разве это необходимо? Видишь ли, Пейсли, первый взгляд и горячий пирожок миссис Джессап, очевидно, вызвали в наших сердцах вибрацию. Пусть она достается лучшему из нас. С тобой я буду играть в открытую, без всяких закулисных проделок. Я буду за ней ухаживать в твоем присутствии, так что у тебя будут равные возможности. При таком условии я не вижу оснований, почему наш пароход «Дружба» должен перевернуться в указанном тобой водовороте, кто бы из нас ни вышел победителем.

— Вот это друг!— говорит Пейсли, пожимая мне руку.— Я сделаю то же самое,— говорит он.— Мы будем за ней ухаживать, как близнецы, без всяких церемоний и кровопролитий, обычных в таких случаях. И победа или поражение — все равно мы будем друзьями.

У ресторана миссис Джессап стояла под деревьями скамейка, где вдова имела обыкновение посиживать в холодке, накормив и отправив поезд, идущий на юг. Там мы с Пейсли обычно и собирались после ужина и производили частичные выплаты дани уважения даме нашего сердца. И мы были так честны и щепетильны, что, если кто-нибудь приходил первым, он поджидал другого, не предпринимая никаких действий.

В первый вечер, когда миссис Джессап узнала о нашем условии, я пришел к скамейке раньше Пейсли. Ужин только что окончился, и миссис Джессап сидела там в свежем розовом платье, остывшая после кухни уже настолько, что ее можно было держать в руках.

Я сел с ней рядом и сделал несколько замечаний относительно одухотворенной внешности природы, расположенной в виде ландшафта и примыкающей к нему перспективы. Вечер, как говорят, настраивал. Луна занималась своим делом в отведенном ей участке небосвода, деревья расстилали по земле свои тени, согласуясь с наукой и природой, а в кустах шла громкая перекличка между козодоями, иволгами, кроликами и другими пернатыми насекомыми. А горный ветер распевал, как губная гармошка, в куче жестянок из-под томата, сложенной у железнодорожного полотна.

Я почувствовал в левом боку какое-то странное ощущение, будто тесто подымалось в квашне. Это миссис Джессап придвинулась ко мне ближе.

— Ах, мистер Хикс,— говорит она,— когда человек одинок, разве он не чувствует себя еще более одиноким в такой замечательный вечер?

Я моментально поднялся со скамейки.

— Извините меня, сударыня,— говорю я,— но, пока не придет Пейсли, я не могу вам дать вразумительный ответ на подобный наводящий вопрос.

И тут я объяснил ей, что мы — друзья, спаянные годами лишений, скитаний и соучастия, и что, попав в цветник жизни, мы условились не пользоваться друг перед другом никаким преимуществом, какое может возникнуть от пылких чувств и приятного соседства. На минуту миссис Джессап серьезно задумалась, а потом разразилась таким смехом, что даже лес засмеялся ей в ответ.

Через несколько минут подходит Пейсли, волосы его облиты бергамотовым маслом, и он садится по другую сторону миссис Джессап и начинает печальную историю о том, как в девяносто пятом году в долине Санта-Рита, во время девятимесячной засухи, он и Ламли Мякинное Рыло заключили пари на седло с серебряной отделкой, кто больше обдерет издохших коров.

Итак, с самого начала ухаживания я стреножил Пейсли Фиша и привязал к столбу. У каждого из нас была своя система, как коснуться слабых мест женского сердца. Пейсли, тот стремился парализовать их рассказами о необыкновенных событиях, пережитых им лично или известных ему из газет.

Мне кажется, что он заимствовал этот метод покорения сердец из одной шекспировской пьесы под названием «Отелло», которую я как-то видел. Там один чернокожий пичкает герцогскую дочку разговорным винегретом из Райдера Хаггарда, Лью Докстейдера и доктора Паркхерста и таким образом получает то, что надо. Но подобный способ ухаживания хорош только на сцене.

А вот вам мой собственный рецепт, как довести женщину до такого состояния, когда про нее можно сказать: «урожденная такая-то». Научитесь брать и держать ее руку — и она ваша. Это не так легко. Некоторые мужчины хватают женскую руку таким образом, словно собираются отодрать ее от плеча, так что чуешь запах арники и слышишь, как разрывают ру-

башки на бинты. Некоторые берут руку, как раскаленную подкову, и держат ее далеко перед собой, как аптекарь, когда наливает в пузырек серную кислоту. А большинство хватает руку и сует ее прямо под нос даме, как мальчишка бейсбольный мяч, найденный в траве, все время напоминая ей, что рука у нее торчит из плеча. Все эти приемы никуда не годятся.

Я укажу вам верный способ.

Видали вы когда-нибудь, как человек крадется на задний двор и поднимает камень, чтобы запустить им в кота, который сидит на заборе и смотрит на него? Человек делает вид, что в руках у него ничего нет, и что он не видит кота, и что кот не видит его. В этом вся суть. Следите, чтобы эта самая рука не попадалась женщине на глаза. Не давайте ей понять, что вы думаете, что она знает, будто вы имеете хоть малейшее представление о том, что ей известно, что вы держите ее за руку. Таково было правило моей тактики. А что касается пейслевских серенад насчет военных действий и несчастных случаев, так он с таким же успехом мог читать ей расписание поездов, останавливающихся в Оушен-Гроув, штат Нью-Джерси.

Однажды вечером, когда я появился у скамейки раньше Пейсли на целую перекурку, дружба моя на минуту ослабла, и я спрашиваю миссис Джессап, не думает ли она, что букву Х легче написать, чем букву Д. Через секунду ее голова раздробила цветок олеандра у меня в петлице, и я наклонился и... и ничего.

— Если вы не против,— говорю я, вставая,— то мы подождем Пейсли и закончим при нем. Я не сделал еще ничего бесчестного по отношению к нашей дружбе, а это было бы не совсем добросовестно.

— Мистер Хикс,— говорит миссис Джессап, как-то странно поглядывая на меня в темноте.— Если бы не одно обстоятельство, я попросила бы вас отчалить и не делать больше визитов в мой дом.

— А что это за обстоятельство, сударыня?

— Вы слишком хороший друг, чтобы стать плохим мужем,— говорит она.

Через пять минут Пейсли уже сидел с положенной ему стороны от миссис Джессап.

— В Силвер-Сити летом девяносто восьмого года,— начинает он,— мне привелось видеть в кабаке «Голубой свет», как Джим Бартоломью откусил китайцу ухо по той причине, что клетчатая сатиновая рубаха, которая... Что это за шум?

Я возобновил свои занятия с мисс Джессап как раз с того, на чем мы остановились.

— Миссис Джессап,— говорю я,— обещала стать миссис Хикс. Вот еще одно тому подтверждение.

Пейсли обвил свои ноги вокруг ножки скамейки и вроде как застонал.

— Лем,— говорит он,— семь лет мы были друзьями. Не можешь ли ты целовать миссис Джессап потише? Я бы сделал это для тебя.

— Ладно,— говорю я,— можно и потише.

— Этот китаец,— продолжает Пейсли,— был тем самым, что убил человека по фамилии Маллинз весной девяносто седьмого года, и это был...

Пейсли снова прервал себя.

— Лем,— говорит он,— если бы ты был настоящим другом, ты бы не обнимал миссис Джессап так крепко. Ведь прямо скамья дрожит. Помнишь, ты говорил, что предоставишь мне равные шансы, пока у меня остается хоть один.

— Послушайте, мистер,— говорит миссис Джессап, повертываясь к Пейсли,— если бы вы через двадцать пять лет попали на нашу с мистером Хиксом серебряную свадьбу, как вы думаете, сварили бы вы в своем котелке, который вы называете головой, что вы в этом деле с боку припека? Я вас долго терпела, потому что вы друг мистера Хикса, но, по-моему, пора бы вам надеть траур и убраться подальше.

— Миссис Джессап,— говорю я, не ослабляя своей жениховской хватки,— мистер Пейсли — мой друг, и я предложил ему играть в открытую и на равных основаниях, пока остается хоть один шанс.

— Шанс!— говорит она.— Неужели он думает, что у него есть шанс? Надеюсь, после того, что он видел сегодня, он поймет, что у него есть шиш, а не шанс.

Короче говоря, через месяц мы с миссис Джессап сочетались законным браком в методистской церкви в Лос-Пиньос, и весь город сбежался поглядеть на это зрелище.

Когда мы стали плечом к плечу перед проповедником и он начал было гнусавить свои ритуалы и пожелания, я оглядываюсь и не нахожу Пейсли.

— Стой!— говорю я проповеднику.— Пейсли нет. Надо подождать Пейсли. Раз дружба, так дружба навсегда, таков Телемак Хикс,— говорю я.

Миссис Джессап так и стрельнула глазами, но проповедник, согласно инструкции, прекратил свои заклинания.

Через несколько минут галопом влетает Пейсли, на ходу пристегивая манжетку. Он объясняет, что единственная в городе галантерейная лавочка была закрыта по случаю свадьбы, и он не мог достать крахмальную сорочку себе по вкусу, пока не выставил заднее окно лавочки и не обслужил себя сам. Затем он становится по другую сторону невесты, и венчание продолжается. Мне кажется, что Пейсли рассчитывал, как на последний шанс, на проповедника — возьмет да и обвенчает его по ошибке с вдовой.

Окончив все процедуры, мы принялись за чай, вяленую антилопу и абрикосовые консервы, а затем народишко убрался с миром. Пейсли пожал мне руку последним и сказал, что я действовал честно и благородно и он гордится, что может называть меня своим другом.

У проповедника был небольшой домишко фасадом на улицу, оборудованный для сдачи внаем, и он разрешил нам занять его до утреннего поезда в десять сорок, с которым мы отбывали в наше свадебное путешествие в Эль-Пасо. Жена проповедника украсила комнаты мальвами и плющом, и дом стал похож на беседку и выглядел празднично.

Часов около десяти в тот вечер я сажусь на крыльцо и стаскиваю на сквознячке сапоги; миссис Хикс прибирает в комнате. Скоро свет в доме погас, а я все сижу и вспоминаю былые времена и события. И вдруг я слышу, миссис Хикс кричит:

— Лем, ты скоро?

— Иду, иду,— говорю я, очнувшись.— Ейже-ей, я дожидался старикашку Пейсли, чтобы...

— Но не успел я договорить,— заключил Телемак Хикс,— как мне показалось, что кто-то отстрелил мое левое ухо из сорокапятикалиберного. Выяснилось, что по уху меня съездила половая щетка, а за нее держалась миссис Хикс.

СПРАВОЧНИК ГИМЕНЕЯ

Я, Сандерсон Пратт, пишущий эти строки, полагаю, что системе образования в Соединенных Штатах следовало бы находиться в ведении бюро погоды. В пользу этого я могу привести веские доводы. Ну, скажите, почему бы наших профессоров не передать метеорологическому департаменту? Их учили читать, и они легко могли бы пробегать утренние газеты и потом телеграфировать в главную контору, какой ожидать погоды. Но этот вопрос интересен и с другой стороны. Сейчас я собираюсь вам рассказать, как погода снабдила меня и Айдахо Грина светским образованием.

Мы находились в горах Биттер-Рут, за хребтом Монтана, искали золото. В местечке Уолла-Уолла один бородатый малый, надеясь неизвестно на что, выдал нам аванс. И вот мы торчали в горах, ковыряя их понемножку и располагая запасом еды, которого хватило бы на прокорм целой армии на все время мирной конференции.

В один прекрасный день приезжает из Карлоса почтальон, делает у нас привал, съедает три банки сливовых консервов и оставляет нам свежую газету. Эта газета печатала сводки предчувствий погоды, и карта, которую она сдала горам Биттер-Рут с самого низа колоды, означала: «Тепло и ясно; ветер западный, слабый».

В тот же день вечером пошел снег и подул сильный восточный ветер. Мы с Айдахо перенесли свою стоянку повыше, в старую заброшенную хижину, думая, что это всего-навсего налетела ноябрьская метелица. Но когда на ровных местах снегу выпало на три фута, непогода разыгралась всерьез, и мы поняли, что нас занесло. Груду топлива мы натаскали еще до того, как его засыпало, кормежки у нас должно было хватить на два месяца, так что мы предоставили стихиям бушевать и злиться, как им заблагорассудится.

Если вы хотите поощрять ремесло человекоубийства, заприте на месяц двух человек в хижине восемнадцать на двадцать футов. Человеческая натура этого не выдержит.

Когда упали первые снежные хлопья, мы хохотали над своими остротами да похваливали бурду, которую извлекали из котелка и называли хлебом. К концу третьей недели Айдахо опубликовывает такого рода эдикт:

— Я не знаю, какой звук издавало бы кислое молоко, падая с воздушного шара на дно жестяной кастрюльки, но, мне кажется, это было бы небесной музыкой по сравнению с бульканьем жиденькой струйки дохлых мыслишек, истекающих из ваших разговорных органов. Полупрожеванные звуки, которые вы ежедневно издаете, напоминают мне коровью жвачку с той только разницей, что корова — особа воспитанная и оставляет свое при себе, а вы нет.

— Мистер Грин,— говорю я,— вы когда-то были моим приятелем, и это мешает мне сказать вам со всей откровенностью, что если бы мне пришлось выбирать между вашим обществом и обществом обыкновенной кудлатой, колченогой дворняжки, то один из обитателей этой хибарки вилял бы сейчас хвостом.

В таком духе мы беседуем несколько дней, а потом и вовсе перестаем разговаривать. Мы делим кухонные принадлежности, и Айдахо стряпает на одном конце очага, а я — на другом. Снега навалило по самые окна, и огонь приходится поддерживать целый день.

Мы с Айдахо, надо вам доложить, не имели никакого образования, разве что умели читать да вычислять на грифельной доске: «Если у Джона три яблока, а у Джеймса пять...» Мы никогда не ощущали особой необходимости в университетском дипломе, так как, болтаясь по свету, приобрели кое-какие истинные познания и могли ими пользоваться в критических обстоятельствах. Но, загнанные снегом в хижину на Биттер-Рут, мы впервые почувствовали, что, если бы изучали Гомера или греческий язык, дроби и высшие отрасли знания, у нас были бы кое-какие запасы для размышлений и дум в одиночестве. Я видел, как молодчики из восточных колледжей работают в ковбойских лагерях по всему Западу, и у меня создалось впечатление, что образование было для них меньшей помехой, чем могло показаться с первого взгляда. Вот, к примеру, на Снейк-Ривер у Андру Мак-Уильямса верховая лошадь подцепила чесотку, так он за десять миль погнал тележку за одним из этих чудаков, который величал себя ботаником. Но лошадь все-таки околела.

Однажды утром Айдахо шарил поленом на небольшой полке — до нее нельзя было

4—2594

дотянуться рукой. На пол упали две книги. Я шагнул к ним, но встретился взглядом с Айдахо. Он заговорил в первый раз за неделю.

— Не обожгите ваших пальчиков,— говорит он.— Вы годитесь в товарищи только спящей черепахе, но, невзирая на это, я поступлю с вами по-честному. И это больше того, что сделали ваши родители, пустив вас по свету с общительностью гремучей змеи и отзывчивостью мороженой репы. Мы сыграем с вами до туза, и выигравший выберет себе книгу, а проигравший возьмет оставшуюся.

Мы сыграли, и Айдахо выиграл. Он взял свою книгу, а я свою. Потом мы разошлись по разным углам хижины и занялись чтением.

Я никогда так не радовался самородку в десять унций, как обрадовался этой книге. И Айдахо смотрел на свою, как ребенок на леденец.

Моя книжка была небольшая, размером пять на шесть дюймов, с заглавием: «Херкимеров справочник необходимых познаний». Может быть, я ошибаюсь, но, по-моему,— это величайшая из всех написанных книг. Она сохранилась у меня до сих пор, и, пользуясь ее сведениями, я кого хочешь могу обыграть пятьдесят раз в минуту. Куда до нее Соломону или «Нью-Йорк трибюн»! Херкимер обоих заткнет за пояс. Этот малый, должно быть, потратил пятьдесят лет и пропутешествовал миллион миль, чтобы набраться такой премудрости. Тут тебе и статистика населения всех городов, и способ, как узнать возраст девушки, и сведения о количестве зубов у верблюда. Тут можно узнать, какой самый длинный в мире туннель, сколько звезд на небе, через сколько дней высыпает ветряная оспа, каких размеров должна быть женская шея, какие права «вето» у губернаторов, даты постройки римских акведуков, сколько фунтов риса можно купить, если не выпивать три кружки пива в день, среднюю ежегодную температуру города Огэсты, штат Мэн, сколько нужно семян моркови, чтобы засеять один акр рядовой сеялкой, какие бывают противоядия, количество волос на голове у блондинки, как сохранять яйца, высоту всех гор в мире, даты всех войн и сражений, и как приводить в чувство утопленников и очумевших от солнечного удара, и сколько гвоздей идет на фунт, и как делать динамит, поливать цветы и стлать постель, и что предпринять до прихода доктора — еще пропасть всяких сведений. Может, Херкимер и не знает чего-нибудь, но по книжке я этого не заметил.

Я сидел и читал эту книгу четыре часа. В ней были спрессованы все чудеса просвещения. Я забыл про снег и про наш разлад с Айдахо. Он тихо сидел на табуретке, и какое-то нежное и загадочное выражение просвечивало сквозь его рыже-бурую бороду.

— Айдахо,— говорю я,— тебе какая книга досталась?

Айдахо, очевидно, тоже забыл старые счеты, потому что ответил умеренным тоном, без всякой брани и злости.

— Мне-то? — говорит он.— По всей видимости, это Омар Ха-Эм!

— Омар X. М., а дальше?— спросил я.

— Ничего дальше, Омар Ха-Эм, и все,— говорит он.

— Врешь,— говорю я, немного задетый тем, что Айдахо хочет втереть мне очки.— Какой дурак станет подписывать книжку инициалами. Если это Омар X. М. Спупендайк, или Омар X. М. Мак-Суини, или Омар X. М. Джонс, так и скажи по-человечески, а не жуй конец фразы, как теленок подол рубахи, вывешенной на просушку.

— Я сказал тебе все как есть, Санди,— говорит Айдахо спокойно.— Это стихотворная книга, автор — Омар Ха-Эм. Сначала я не мог понять, в чем тут соль, но покопался и вижу, что жила есть. Я не променял бы эту книгу на пару красных одеял.

— Ну и читай ее себе на здоровье,— говорю я.— Лично я предпочитаю беспристрастное изложение фактов, чтобы было над чем поработать мозгами, и, кажется, такого сорта книжонка мне и досталась.

— Тебе,— говорит Айдахо,— досталась статистика — самая низкопробная из всех существующих наук. Она отравит твой мозг. Нет, мне приятней система намеков старикашки Ха-Эм. Он, похоже, что-то вроде агента по продаже вин. Его дежурный тост: «Все трын-трава». По-видимому, он страдает избытком желчи, но в таких дозах разбавляет ее спиртом, что самая беспардонная его брань звучит как приглашение раздавить бутылочку. Да, это поэзия,— говорит Айдахо,— и я презираю твою кредитную лавочку, где мудрость меряют на футы и дюймы. А если понадобится объяснить философическую первопричину тайн естества, то старикашка Ха-Эм забьет твоего парня по всем статьям — вплоть до объема груди и средней годовой нормы дождевых осадков.

Вот так и шло у нас с Айдахо. Днем и ночью мы только тем и развлекались, что изучали наши книги. И несомненно, снежная буря снабдила каждого из нас уймой всяких познаний. Если бы в то время, когда снег начал таять, вы вдруг подошли ко мне и спросили: «Сандерсон Пратт, сколько стоит покрыть квадратный фут крыши железом двадцать на двадцать восемь, ценою девять долларов пятьдесят центов за ящик?»— я ответил бы вам с такой же быстротой, с какой свет пробегает по ручке лопаты со скоростью в сто девяносто две тысячи миль в секунду. Многие могут это сделать? Разбудите-ка в полночь любого из ваших знакомых и попросите его сразу ответить, сколько костей в человеческом скелете, не считая зубов, или какой процент голосов требуется в парламенте штата Небраска, чтобы отменить «вето». Ответит он вам? Попробуйте и убедитесь.

Какую пользу извлекал Айдахо из своей стихотворной книги, я точно не знаю. Стоило ему открыть рот, и он уже прославлял своего винного агента, но меня это мало в чем убеждало.

Этот Омар X. М., судя по тому, что просачи-

валось из его кинжоики через посредство Айдахо, представлялся мие чем-то вроде собаки, которая смотрит иа жизиь, как на коисервиую банку, привязаииую к ее хвосту. Набегается до полусмерти, усядется, высуиет язык, посмотрит иа баику и скажет:

«Ну, раз мы ие можем от иее освободиться, пойдем в кабачок иа углу и наполиим ее за мой счет».

К тому же ои, кажется, был персом. А я ии разу ие слышал, чтобы Персия производила что-нибудь достойиое упомииаиия, кроме турецких ковров и мальтийских кошек.

В ту весиу мы с Айдахо иаткиулись иа богатую жилу. У иас было правило распродавать все в два счета и двигаться дальше. Мы сдали иашему подрядчику золота иа восемь тысяч долларов каждый, а потом иаправились в этот малеиький городок Розу, иа реке Салмои, чтобы отдохиуть, поесть по-человечески и соскоблить иаши бороды.

Роза ие была прииском поселком. Оиа расположилась в долиие и отсутствием шума и распутства иапомииала любой городок сельской местиости. В Розе была трехмильиая трамвайиая лииия, и мы с Айдахо целую иеделю катались в одиом вагоичике, вылезая только иа иочь у отеля «Вечерняя заря». Так как мы и миого поездили, и были теперь здорово иачитаииы, мы вскоре стали вхожи в лучшее общество Розы, и иас приглашали иа самые шикариые и боитоииые вечера. Вот иа одиом таком благотворительиом вечере-конкурсе иа лучшую мелодекламацию и на большее колнчество съедениых перепелов, устроеиим в здаиии муниципалитета в пользу пожариой команды, мы с Айдахо и встретилнсь впервые с миссис Д. Ормоид Сэмпсон, королевой общества Розы.

Миссис Сэмпсои была вдовой и владетельницей едииствеииого в городе двухэтажиого дома. Ои был выкрашеи в желтую краску, и, откуда бы иа иего ии смотреть, ои был видеи так же ясио, как остатки желтка в постиый день в бороде ирлаидца. Двадцать два человека, кроме меия и Айдахо, заявляли претеизии иа этот желтый домишко.

Когда иоты и перепелииые кости были выметеиы из залы, иачалнсь таицы. Двадцать три поклоииика галопом подлетели к миссис Сэмпсои и пригласили ее таицевать. Я отступнлся от тустепа н попросил разрешеиия сопровождать ее домой. Вот здесь-то я и показал себя.

По дороге оиа говорит:

— Ах, какие сегодия прелестиые и яркие звезды, мистер Пратт!

— При их возможиостях,— говорю я,— оии выглядят довольио симпатнчио. Вот эта, большая, иаходится от иас иа расстояиии шестидесяти шести миллиардов миль. Потребовалось тридцать шесть лет, чтобы ее свет достиг до иас. В восемиадцатифутовый телескоп можио увидеть сорок три миллиона звезд, включая и звезды трииадцатой велнчины, а если какая-нибудь из этих последиих сейчас закатилась бы, вы продолжали бы видеть ее две тысячи семьсот лет.

— Ой!— говорит миссис Сэмпсои.— А я ничего об этом ие зиала. Как жарко... Я вся вспотела от этих таицев.

— Не удивительно,— говорю я,— если прииять во внимаиие, что у вас два миллиоиа потовых желез и все они действуют одиовремеино. Если бы все ваши потопроводиые трубы длииой в четверть дюйма каждая присоедиинить друг к другу коицами, они вытяиулись бы иа семь миль.

— Царица иебесиая!— говорит миссис Сэмпсои.— Можио подумать, что вы описываете оросительиую каиаву, мистер Пратт. Откуда у вас все эти ученые позиаиия?

— Из наблюдений,— говорю я ей.— Страиствуя по свету, я не закрываю глаз.

— Мистер Пратт,— говорит оиа,— я всегда обожала культуру. Среди тупоголовых идиотов иашего города так мало образоваииых людей, что истиииое иаслаждеиие побеседовать с культуриым джеитльмеиом. Пожалуйста, заходите ко мие в гости, когда только вздумается.

Вот каким образом я завоевал расположение хозяйки двухэтажиого дома. Каждый вториик и каждую пятиицу, по вечерам, я иавещал ее и рассказывал ей о чудесах вселеииой, открытых, классифицироваииых и воспроизведеииых с иатуры Херкимером. Айдахо и другие доижуаиы города пользовались каждой мииутой остальиых дией недели, предоставленных в их распоряжеиие.

Мие было иевдомек, что Айдахо пытается воздействовать на миссис Сэмпсои приемами ухаживания старикашки Х. М., пока я ие узиал об этом как-то вечером, когда шел обычным своим путем, иеся ей корзиночку дикой сливы. Я встретил миссис Сэмпсои в переулке, ведущем к ее дому. Оиа сверкала глазами, а ее шляпа угрожающе накрыла одиу бровь.

— Мистер Пратт, — иачииает оиа, — этот мистер Грии, кажется, ваш приятель?

— Вот уже девять лет, — говорю я.

— Порвите с иим, — говорит оиа, — ои ие джеитльмеи.

— Поймите, сударыия, — говорю я, — ои обыкновенный житель гор, которому присуще хамство и обычиые недостатки расточителя и лгуиа, ио никогда, даже в самых критнческих обстоятельствах, у меия ие хватало духа отрицать его джеитльмеиство. Вполие возможио, что своим маиуфактуриым снаряжением, наглостью и всей экспозицией он противеи глазу, ио по своему иутру, сударыия, он так же ие склоиеи к ннзкопробиому преступлеиию, как и к тучности. После девяти лет, проведеииых в обществе Айдахо, — говорю я, — мие было бы неприятио порицать его и слышать, как его порицают другие.

— Очеиь похвальио, мистер Пратт, что вы вступаетесь за своего друга,— говорнт

миссис Сэмпсон,— но это не меняет того обстоятельства, что он сделал мне предложение, достаточно оскорбительное, чтобы возмутить скромность всякой женщины.

— Да не может быть!— говорю я.— Старикашка Айдахо выкинул такую штуку? Скорее этого можно было ожидать от меня. За ним водится лишь один грех, и в нем повинна метель. Однажды, когда снег задержал нас в горах, мой друг стал жертвой фальшивых и непристойных стихов, и, возможно, они развратили его манеры.

— Вот именно, — говорит миссис Сэмпсон.— С тех пор, как я его знаю, он не переставая декламирует мне безбожные стихи какой-то особы, которую он называет Рубай Ате, и если судить по ее стихам, это негодница, каких свет не видал.

— Значит, Айдахо наткнулся на новую книгу, — говорю я, — автор той, что у него была, пишет под nom de plume[1] Х. М.

— Уж лучше бы он и держался за нее,— говорит миссис Сэмпсон,— какой бы она ни была. А сегодня он перешел все границы. Сегодня я получила от него букет цветов, и к ним приколота записка. Вы, мистер Пратт, вы знаете, что такое воспитанная женщина, и вы знаете, какое я занимаю положение в обществе Розы. Допускаете вы на минуту, чтобы я побежала в лес с мужчиной, прихватив кувшин вина и каравай хлеба, и стала бы петь и скакать с ним под деревьями? Я выпиваю немного красного за обедом, но не имею привычки таскать его кувшинами в кусты и тешить там дьявола на такой манер. И уж, конечно, он принес бы с собой эту книгу стихов, он так и написал. Нет, пусть уж он один ходит на свои скандальные пикники. Или пусть берет с собой свою Рубай Ате. Уж она-то не будет брыкаться, разве что ей не понравится, что он захватит больше хлеба, чем вина. Ну, мистер Пратт, что вы теперь скажете про вашего приятеля-джентльмена?

— Видите ли, сударыня,— говорю я,— весьма вероятно, что приглашение Айдахо было своего рода поэзией и не имело в виду обидеть вас. Возможно, что оно принадлежало к разряду стихов, называемых фигуральными. Подобные стихи оскорбляют закон и порядок, но почта их пропускает на том основании, что в них пишут не то, что думают. Я был бы рад за Айдахо, если бы вы посмотрели на это сквозь пальцы, — говорю я. — И пусть наши мысли взлетят с низменных областей поэзии в высшие сферы расчета и факта. Наши мысли, — говорю я, — должны быть созвучны такому чудесному дню. Не правда ли, здесь тепло, но мы не должны забывать, что на экваторе линия вечного холода находится на высоте пятнадцати тысяч футов. А между сороковым и сорок девятым градусом широты она находится на высоте от четырех до девяти тысяч футов.

— Ах, мистер Пратт, — говорит миссис Сэмпсон, — какое утешение слышать от вас чудесные факты после того, как вся изнервничаешься из-за стихов этой негодной Рубай.

— Сядем на это бревно у дороги, — говорю я, — и забудем о бесчеловечности и развращенности поэтов. В длинных столбцах удостоверенных фактов и общепринятых мер и весов — вот где надо искать красоту. Вот мы сидим на бревне, и в нем, миссис Сэмпсон, — говорю я, — заключена статистика более изумительная, чем любая поэма. Кольца на срезе показывают, что дерево прожило шестьдесят лет. На глубине двух тысяч футов, через три тысячи лет оно превратилось бы в уголь. Самая глубокая угольная шахта в мире находится в Киллингворте близ Ньюкасла. Ящик в четыре фута длиной, три фута шириной и два фута восемь дюймов вышиной вмещает тонну угля. Если порезана артерия, стяните ее выше раны. В ноге человека тридцать костей. Лондонский Тауэр сгорел в тысяча восемьсот сорок первом году.

— Продолжайте, мистер Пратт, продолжайте,— говорит миссис Сэмпсон,— ваши идеи так оригинальны и успокоительны. По-моему, нет ничего прелестнее статистики.

Но только две недели спустя я до конца оценил Херкимера.

Однажды ночью я проснулся от криков: «Пожар!» Я вскочил: оделся и вышел из отеля полюбоваться зрелищем. Увидев, что горит дом миссис Сэмпсон, я испустил оглушительный вопль и через две минуты был на месте.

Весь нижний этаж был объят пламенем, и тут же скопилось все мужское, женское и собачье население Розы, и орало, и лаяло, и мешало пожарным. Айдахо держали шестеро пожарных, а он пытался вырваться из их рук. Они говорили ему, что весь низ пылает и кто туда войдет, обратно живым не выйдет.

— Где миссис Сэмпсон? — спрашиваю я.

— Ее никто не видел, — говорит один из пожарных. — Она спит наверху. Мы пытались туда пробраться, но не могли, а лестниц у нашей команды еще нет.

Я выбегаю на место, освещенное пламенем пожара, и вытаскиваю из внутреннего кармана справочник. Я засмеялся, почувствовав его в своих руках, — мне кажется, что я немного обалдел от возбуждения.

— Херки, друг, — говорю я ему, перелистывая страницы, — ты никогда не лгал мне и никогда не оставлял меня в беде. Выручай, дружище, выручай! — говорю я.

Я сунулся на страницу 117: «Что делать при несчастном случае», — пробежал пальцем вниз по листу и попал в точку. Молодчина Херкимер, он ничего не забыл!

[1]Псевдоним (*фр.*).

На странице 117 было написано:

«Удушение от вдыхания дыма или газа.— Нет ннчего лучше льняного семени. Вложите несколько семян в наружный угол глаза».

Я суиул справочник обратио в кармаи и схватил пробегавшего мимо мальчишку.

— Вот, — говорю я, давая ему деньги, — бегн в аптеку и прннеси на доллар льняного семеии. Живо, и получишь доллар за работу.— Теперь,— крнчу я,— мы добудем миссис Сэмпсон!— И сбрасываю пиджак и шляпу.

Четверо пожарных и граждан хватают меия.

— Идти в дом — идти на верную смерть,— говорят онн.— Пол уже начал проваливаться.

— Да как же, черт побери! — кричу я и все еще смеюсь, хотя мие ие до смеха. — Как же я вложу льняное семя в глаз, не нмея глаза?

Я двинул локтями пожарников по лицу, лягиул одного гражданина и свалил боковым ударом другого. А затем я ворвался в дом. Еслн я умру раньше вас, я напишу вам письмо и сообщу, намного лн хуже в чертовом пекле, чем было в стенах этого дома; но пока не делайте выводов. Я прожарнлся куда больше тех цыплят, что подают в ресторане по срочиым заказам. От дыма и огня я дважды кидался на пол и чуть-чуть ие посрамнл Херкимера, но пожарные помогли мне, пустив иебольщую струйку воды, н я добрался до комиаты миссис Сэмпсон. Она от дыма лишилась чувств, так что я завернул ее в одеяло и взвалил на плечо. Ну ясно, пол не был так уж поврежден, как мие говорили, а то разве бы он выдержал? И думать нечего!

Я оттащил ее на пятьдесят ярдов от дома и уложил на траву. Тогда, конечио, все остальиые двадцать два претеидента иа руку миссис Сэмпсон столпились вокруг с ковшиками воды, готовые спасать ее. Тут прибежал н мальчишка с льняным семенем.

Я раскутал голову миссис Сэмпсон. Она открыла глаза и говорит:

— Это вы, мистер Пратт?

— Т-с-с,— говорю я.— Не говорите, пока не прнмете лекарство.

Я обвиваю ее шею рукой н тнхонько подиимаю ей голову, а другой рукой разрываю пакет с льняным семенем; потом со всей возможиой осторожностью я склоняюсь иад ней и пускаю иесколько семян в наружный уголок ее глаза.

В этот момент галопом прилетает деревеиский доктор, фыркает во все стороиы, хватает миссис Сэмпсои за пульс и иитересуется, что собственно значат мои ндиотские выходкн.

— Вндите лн, клнстнрная трубка,— говорю я, — я ие занимаюсь постоянной врачебиой практикой, ио тем ие меиее могу сослаться иа авторитет.

Принесли мой пиджак, и я вытащнл справочник.

— Посмотрнте страницу сто семнадцать,— говорю я.— Удушение от вдыхания дыма или газа. Льняное семя в наружный угол глаза, ие так ли? Я не сумею сказать, действует ли оно как поглотнтель дыма, нлн побуждает к действию сложный гастро-гиппопотамический нерв, но Херкимер его рекомендует, а он был первым приглашен к пацнентке. Если хотите устроить консилиум, я ничего не имею против.

Старый доктор берет книгу и рассматривает ее с помощью очков н пожарного фонаря.

— Послушайте, мистер Пратт, — говорит он, — вы, очевидно, попали не иа ту страиицу, когда ставили свой диагноз. Рецепт от удушья гласнт: «Вынесите больного как можио скорее на свежнй воздух н положите его иа спину, приподняв голову», а льняное семя — это средство против «пылн н золы, попавших в глаз», строчкой выше. Но в коице коицов...

— Послушайте,— перебивает мнссис Сэмпсон,— мне кажется, я могу высказать свое мнеиие на этом консилиуме. Так зиайте, это льняное семя прннесло мне больше пользы, чем все лекарства в моей жизни.

А потом она поднимает голову, снова опускает ее мне на плечо и говорнт: «Положнте мне немножко и в другой глаз, Саиди, дорогой».

Так вот, если вам прндется завтра или когданнбудь в другой раз остановиться в Розе, то вы увидите замечательный новенький яркожелтый дом, который украшает собою миссис Пратт, бывшая миссис Сэмпсон. И если вам придется ступить за его порог, вы увидите на мраморном столе посредн гостиной «Херкимеров справочнни необходимых познаиий», заиово переплетенный в красный сафьян и готовый дать совет по любому вопросу, касающемуся человеческого счастья и мудрости.

ПИМИЕНТСКИЕ БЛИНЧИКИ

Когда мы сгоняли гурт скота с тавром «Треугольник-О» в долине Фрио, торчащий сук сухого мескита зацепнлся за мое деревянное стремя, я вывихнул себе ногу н неделю провалялся в лагере.

На третий день моего вынужденного безделья я выполз к фургону с провнзией и беспомощно растянулся под разговорным обстрелом Джедсона Одома, лагерного повара Джед был рожден для монологов, но судьба, как всегда ошиблась, навязав ему профессию, в которой он большую часть времени был лншен аудитории.

Таким образом, я был манной небесной в пустыне вынужденного молчания Джеда.

Своевременно во мне заговорило естественное для больного желание поесть чего-нибудь такого, что не входило в опись нашего пайка. Меня посетили видения матушкиного буфета, «что сладостны, как первая любовь, источник горьких сожалениий», и я спросил:

— Джед, ты умеешь печь бличики?

Джед отложил свой шестизарядный револьвер, которым собирался постукать аитилопью отбивиую, и встал надо мной, как мие показалось, в угрожающей позе. Впечатление его враждебиости еще более усилилось, когда он устремил на меия холодный и подозрительный взгляд своих блестящих голубых глаз.

— Слушай, ты,— сказал он с явиым, хотя и сдержанным гневом.— Ты издеваешься или серьезио? Кто-нибудь из ребят рассказывал тебе про этот подвох с блинчиками?

— Что ты, Джед, я серьезио, я бы, кажется, промеиял свою лошадь и седло на горку масленых поджаристых блинчиков с горшочком свежей новоорлеаиской патоки. А разве была какая-нибудь история с блинчиками?

Джед сразу смягчился, увидев, что я говорю без иамеков. Он притащил из фургона какие-то таинственные мешочки и жестяные баночки и сложил их в теии куста, под которым я примостился. Я следил, как он иачал не спеша расставлять их и развязывать многочисленные веревочки.

— Нет, не история, — сказал Джед, продолжая свое дело, — просто логическое иесоответствие между мной, красноглазым овчаром из лощииы Шелудивого Осла и мисс Уиллелой Лирайт. Что ж, я, пожалуй, расскажу тебе.

Я пас тогда скот у старика Билла Туми иа Сан-Мигуэле. Одиажды мие страсть как захотелось пожевать какой-нибудь такой консервированиой кормежки, которая никогда ие мычала, не блеяла, не хрюкала и ие отмеривалась гарицами. Ну, я вскакиваю иа свою малышку и лечу в лавку дядюшки Эмсли Телфэра у Пимиеитской переправы через Нуэсес.

Около трех пополудии я накииул поводья иа сук мескита и пешком прошел последние двадцать шагов до лавки дядюшкн Эмсли. Я вскочил на прилавок и объявил ему, что, по всем приметам, мировому урожаю фруктов грозит гибель. Через минуту я имел мешок сухарей, ложку с длинной ручкой и по открытой баике абрикосов, ананасов, вишен и сливы, а рядом трудился дядюшка Эмсли, вырубая топориком желтые крышки. Я чувствовал себя, как Адам до скандала с яблоком, воизал шпоры в прилавок и орудовал своей двадцатичетырехдюймовой ложкой, как вдруг посмотрел случайно в окно на двор дома дядюшки Эмсли, находившегося рядом с лавкой.

Там стояла девушка, неизвестная девушка в полном снаряжении; оиа вертела в руках крокетный молоток и изучала мой способ поощрения фруктово-консервной промышлениости.

Я скатился с прилавка и суиул лопату дядюшке Эмсли.

— Это моя племяниица,— сказал он.— Мисс Уиллела Лирайт, приехала погостить из Палестииы. Хочешь, я тебя познакомлю?

— Из святой земли,— сказал я себе, и мои мысли сбились в кучу, как овцы, когда их загоияешь в корраль. А почему нет? Ведь были же ангелы в Палес...— Конечно, дядюшка Эмсли,— сказал я вслух,— мие было бы страшио приятно познакомиться с мисс Лирайт.

Тогда дядюшка Эмсли вывел меня во двор и представил нас друг другу.

Я никогда ие был робок с жеищииами. Я никогда не мог поиять, почему это иекоторые мужчины, способные в два счета укротить мустаига и побриться в темиоте, становятся вдруг паралитиками и черт зиает как потеют и заикаются, завидев кусок миткаля, обериутый вокруг того, вокруг чего ему полагается быть обериутым. Через восемь мииут я и мисс Уиллела дружио гоияли крокетиые шары, будто двоюродные брат и сестра. Оиа съязвила иасчет количества уничтожеииых мною фруктовых коисервов, а я, ие очень смущаясь, дал сдачи, напомиив, как иекая особа, по имеии Ева, устроила сцену из-за фруктов на первом свободном пастбище... «Кажется, в Палестиие, ие правда ли?»— говорю я так легко и спокойно, словио заарканиваю одиолетку.

Таким вот маиером я сразу расположил к себе мисс Уиллелу Лирайт, и чем дальше, тем иаша дружба стаиовилась крепче. Оиа проживала иа Пимиеитской переправе ради поправления здоровья, очеиь хорошего, н ради климата, который был здесь жарче на сорок процентов, чем в Палестиие.

Сиачала я наезжал повидать ее раз в иеделю, а потом рассчитал, что если я удвою число поездок, то буду видаться с ией вдвое чаще.

Как-то на одиой иеделе я выкроил время для третьей поездки. Вот тут-то и втесались в игру бличики и красноглазый овчар.

Сидя в тот вечер иа прилавке, с персиком и двумя сливами во рту, я спросил дядюшку Эмсли, что поделывает мисс Уиллела.

— А оиа,— говорит дядюшка Эмсли,— поехала покататься с Джексоном Птицей, овцеводом из лощииы Шелудивого Осла.

Я проглотил персиковую косточку и две сливовых. Наверное, кто-нибудь держал прилавок под уздцы, когда я слезал. А потом я вышел и направился по прямой, пока не уперся в мескит, где был привязаи мой чалый.

— Она поехала кататься,— прошептал я в ухо своей малышке.— С Птицсоиом Джеком, Шелудивым Ослом из Овцеводной лощины, понимаешь ты это, друг с копытами?

Мой чалый заплакал на свой манер. Это был ковбойский коиь. и он ие любил овцеводов.

— Я вериулся и спросил дядюшку Эмсли: «Так ты сказал — с овцеводом?»

— Я сказал вас овцеводом,— повторил дядюшка Эмсли.— Ты, верно, слышал о Джексоне Птице. У него восемь участков пастбища и четыре тысячи голов лучших мериносов к югу от Северного полюса.

Я вышел, сел на землю в тени лавки и прислонился к кактусу. Безрассудными руками я сыпал за голенища песок и произносил монологи по поводу птицы из породы Джексонов.

За свою жизнь я не изувечил ни одного овцевода и не считал это необходимым. Как-то я повстречал одного, он ехал верхом и читал латинскую грамматику,— так я его пальцем не тронул. Овцеводы никогда особенно не раздражали меня, не то что других ковбоев. Очень мне нужно уродовать и калечить плюгавцев, которые едят за столом, носят штиблеты и говорят с тобою на всякие темы. Пройдешь, бывало, мимо и погладишь, как на кролика, еще скажешь что-нибудь приятное и потолкуешь насчет погоды, но, конечно, никаких распивочных и навынос не было. Вообще я не считал нужным с ними связываться. Так вот потому, что по доброте своей я давал им дышать, один такой разъезжает теперь с мисс Уиллелой Лирайт.

За час до заката они прискакали обратно и остановились у ворот дядюшки Эмсли. Овечья особа помогла Уиллеле слезть, и некоторое время они постояли, перебрасываясь игривыми и хитроумными фразами. А потом окрыленный Джексон взлетает в седло, приподнимает шляпу-кастрюльку и трусит в направлении своего бараньего ранчо. К тому времени я вытряхнул песок из сапог и отцепился от кактуса. Он не отъехал и полмили от Пимиенты, когда я поравнялся с ним на моем чалом.

Я назвал этого овчара красноглазым, но это не верно. Его зрительное приспособление было довольно серым, но ресницы были красные, а волосы рыжие, оттого он и казался красноглазым. Овцевод?.. Куда к черту, в лучшем случае ягнятник, козявка какая-то, с желтым шелковым платком вокруг шеи и в башмаках с бантиками.

— Привет!— сказал я ему.— Вы сейчас едете с всадником, которого называют Джедсон Верная Смерть за приемы его стрельбы. Когда я хочу представиться незнакомому человеку, я всегда представляюсь ему до выстрела, потому что терпеть не могу пожимать руку покойнику.

— Вот как!— говорит он совершенно спокойно.— Рад познакомиться с вами, мистер Джедсон. Я Джексон Птица с ранчо Шелудивого Осла.

Как раз в эту минуту один мой глаз увидел куропатку, скачущую по холму с молодым тарантулом в клюве, а другой глаз заметил ястреба, сидевшего на сухом суку вяза. Я хлопнул их для пущей важности одну за другим из своего сорокапятикалиберного.

— Две из трех,— говорю я.— Птицы, должен вам заявить, так и садятся на мои пули.

— Чистая стрельба,— говорил овцевод, не моргнув глазом.— Скажите, а вам не случалось промахнуться на третьем выстреле? Хороший дождик выпал на прошлой неделе, мистер Джедсон, теперь трава так и пойдет.

— Чижик,— говорю я, подъезжая вплотную к его фасонной лошади,— ваши ослепленные родители наделили вас именем Джексон, но вы определенно выродились в чирикающую птицу. Давайте бросим эти самые анализы дождичка и стихий и поговорим о том, что не входит в словарь попугаев. Вы завели дурную привычку кататься с молодыми девицами из Пимиенты. Я знавал пташек,— говорю я,— которых поджаривали за меньшие проступки. Мисс Уиллела,— говорю я,— совсем не нуждается в гнезде, свитом из овечьей шерсти пичужкой из породы Джексонов. Так вот, намерены ли вы прекратить эти штучки, или желаете галопом наскочить на мою кличку «Верная Смерть», в которой два слова и указание по меньшей мере на одну похоронную процессию?

Джексон Птица слегка покраснел, а потом засмеялся.

— Ах, милый Джедсон,— говорит он,— вы заблуждаетесь. Я заезжал несколько раз к мисс Лирайт, но не с той целью, как вы думаете. Мой объект чисто гастрономического свойства.

Я потянулся за револьвером.

— Всякий койот,— говорю я,— который осмелится непочтительно...

— Подождите минутку,— говорит эта пташка,— дайте объяснить. К чему мне жена? Посмотрели бы вы на мое ранчо. Я сам себе стряпаю и штопаю. Еда — вот единственное удовольствие, извлекаемое мной из разведения овец. Мистер Джедсон, вы пробовали когда-нибудь блинчики, которые печет мисс Лирайт?

— Я? Нет,— говорю,— я и не знал, что она занимается кулинарными манипуляциями.

— Это же золотые созвездия,— говорит он,— подрумяненные на амброзийном огне Эпикура. Я бы отдал два года жизни за рецепт приготовления этих блинчиков. Вот зачем я ездил к мисс Лирайт,— говорит Джексон Птица,— но мне не удалось узнать его. Это старинный рецепт, он сохраняется в семье уже семьдесят пять лет. Он передается из поколения в поколение, и посторонним его не сообщают. Если бы я мог достать этот рецепт, я пек бы сам себе блинчики на ранчо и был бы счастливым человеком,— говорит Птица.

— Вы уверены,— говорю я ему,— что вы гоняетесь не за ручкой, которая месит блинчики?

— Уверен,— говорит Джексон.— Мисс Лирайт совершенно очаровательная девушка, но, повторяю, мои намерения не выходят за пределы гастро...— Тут он увидел, что моя рука скользнула к кобуре, и изменил выражение:— За пределы желания достать этот рецепт,— заключил он.

— Не такой уж вы плохой человечишко,— говорю я, стараясь быть вежливым.— Я задумал было сделать ваших овец сиротами, но на этот раз позволю вам улететь. Но помните: при-

ставайте к бличикам, да покрепче, как средний блин к горке, и не вздумайте смешать подливку с сентиментами, не то у вас на ранчо будет пение, а вы его не услышите.

— Чтобы убедить вас в своей искренности,— говорит овцевод,— я прошу вас помочь мне. Мисс Лирайт и вы большие друзья, и, может быть, она сделает для вас то, чего не сделала для меня. Если вы достанете мне этот рецепт, то, даю вам слово, я никогда к ней больше не поеду.

— Вот это по-честному,— сказал я и пожал руку Джексона Птицы.— Я рад услужить и сделаю все, что смогу.

Он повернул к большой заросли кактусов на Пьедре, в направлении Шелудивого Осла, а я взял курс на северо-запад, к ранчо старика Билла Туми.

Только пять дней спустя мне удалось снова заехать на Пимиенту. Мы с мисс Уиллелой очень мило провели вечерок у дядюшки Эмсли. Она спела кое-что и порядочно потерзала пианино цитатами из опер. А я изображал гремучую змею и рассказал ей о новом способе обдирать коров, придуманном Снэки Мак-Фи, и о том, как я однажды ездил в Сент-Луис. Наше взаимное расположение крепло вовсю. И вот, я думаю, если теперь мне удастся убедить Джексона Птицу совершить перелет, дело в шляпе. Тут я вспоминаю его обещание насчет рецепта бличиков и решаю выведать его у мисс Уиллелы и сообщить ему. И уж тогда, если я снова поймаю птичку из Шелудивого Осла, я ей подрежу крылышки.

И вот часов около десяти я набрасываю на лицо льстивую улыбку и говорю мисс Уиллеле: «Знаете, если мне что-нибудь и нравится больше вида рыжего быка на зеленой траве, так это вкус хорошего горячего бличика с паточной смазкой».

Мисс Уиллела слегка подпрыгнула на фортепианной табуретке и странно на меня посмотрела.

— Да,— говорит она,— это действительно вкусно. Как, вы сказали, называется эта улица в Сент-Луисе, мистер Одом, где вы потеряли шляпу?

— Бличиковая улица,— говорю я, подмигнув, чтобы показать, что мне, мол, известно о фамильном рецепте и меня не проведешь.— Чего уж там, мисс Уиллела,— говорю я,— рассказывайте, как вы их делаете. Бличики так и вертятся у меня в голове, как фургонные колеса. Да ну же... фунт крупчатки, восемь дюжин яиц и так далее. Что там значится в каталоге ингредиентов?

— Извините меня, я на минуточку,— говорит мисс Уиллела, окидывает меня боковым взглядом и соскальзывает с табуретки. Она рысью выбежала в другую комнату, и вслед за тем оттуда выходит ко мне дядюшка Эмсли в своей жилетке и с кувшином воды. Он поворачивается к столу за стаканом, и я вижу в его заднем кармане многозарядку.

«Ну и ну!— думаю я.— Эта семейка, видно, здорово дорожит своими кулинарными рецептами, коли защищает их с оружием. Я знавал семьи, так они не стали бы к нему прибегать даже при фамильной вражде».

— Выпейте-ка вот это,— говорит дядюшка Эмсли, протягивая мне стакан воды.— Ты слишком много ездил сегодня верхом, Джед, и все по солнцу. Попытайся думать о чем-нибудь другом.

— Ты знаешь, как печь бличики, дядя Эмсли?— спросил я.

— Ну, я не ахти как осведомлен в их анатомии,— говорит дядюшка Эмсли,— но мне кажется, надо взять побольше сковородок, немного теста, соды и кукурузной муки и смешать все это, как водится, с яйцами и сывороткой. А что, Джед, старик Билл опять собирается по весне гнать скот в Канзас-Сити?

Только эту бличиковую спецификацию мне и удалось получить в тот вечер. Не удивительно, что Джексон Птица осекся на этом деле. Одним словом, я бросил эту тему и немного поговорил с дядюшкой Эмсли о скоте и циклонах. А потом вошла мисс Уиллела и сказала: «Спокойной ночи», и я помчался к себе на ранчо.

Неделю спустя я встретил Джексона Птицу, когда он уезжал от дядюшки Эмсли, а я направлялся к нему. Мы остановились на дороге и перекинулись пустяковыми замечаниями.

— Что, еще не достали список деталей для ваших румяничиков?— спросил я его.

— Представьте, нет,— говорит Джексон,— и, по всей видимости, у меня ничего не выйдет. А вы пытались?

— Пытался,— говорю я,— да это все равно что выманивать из норы луговую собачку ореховой скорлупой. Этот бличиковый рецепт — талисман какой-то, судя по тому, как они за него держатся.

— Я почти готов отступиться,— говорит Джексон с таким отчаянием в голосе, что я почувствовал к нему жалость.— Но мне страшно хочется знать, как печь эти блинчики, чтобы лакомиться ими на моем одиноком ранчо. Я не сплю по ночам, все думаю, какие они замечательные.

— Продолжайте добиваться,— говорю я ему,— и я тоже буду. В конце концов кто-нибудь из нас да накинет аркан ему на рога. Ну, до свидания, Джекси.

Сам видишь, что в это время мы были в наимирнейших отношениях. Когда я убедился, что он не гоняется за мисс Уиллелой, я с бóльшим терпением созерцал этого рыжего заморыша. Желая удовлетворить запросы его аппетита, я по-прежнему пытался выманить у мисс Уиллелы заветный рецепт. Но стоило мне сказать слово «бличики», как в ее глазах появлялся оттенок туманности и беспокойства и она старалась переменить тему. Если же я на нее наседал, она выскальзывала из комнаты и высылала ко мне дядюшку Эмсли с кувшином воды и карманной гаубицей.

Однажды я прискакал к лавочке с большущим букетом голубой вербены — я набрал его

в стаде диких цветов, которое паслось на лугу Отравленной Собаки. Дядюшка Эмсли посмотрел на букет прищурясь и говорит:

— Не слыхал новость?

— Скот вздорожал?

— Уиллела и Джексон Птица повенчались вчера в Палестине,— говорит он.— Сегодня утром получил письмо.

Я уронил цветы в бочонок с сухарями и выждал, пока новость, отзвенев в моих ушах и скользнув к верхнему левому карману рубашки, не ударила мне, наконец, в ноги.

— Не можешь ли ты повторить еще раз, дядюшка Эмсли,— говорю я,— может быть, слух изменил мне и ты лишь сказал, что первоклассные телки идут по четыре восемьдесят за голову или что-нибудь в этом роде?

— Повенчались вчера,— говорит дядюшка Эмсли,— и отправились в свадебное путешествие в Вако и на Ниагарский водопад. Неужели ты все время ничего не замечал? Джексон Птица ухаживал за Уиллелой с того самого дня, как он пригласил ее покататься.

— С того самого дня!— завопил я.— Какого же черта он болтал мне про блинчики? Объясни ты мне...

Когда я сказал «блинчики», дядюшка Эмсли подскочил и попятился.

— Кто-то меня разыграл с этими блинчиками,— говорю я,— и я дознаюсь. Тебе-то уж наверное все известно. Выкладывай, или я, не сходя с места, замешу из тебя оладьи.

Я перемахнул через прилавок к дядюшке Эмсли. Он схватился за кобуру, но его пулемет был в ящике, и он не дотянулся до него на два дюйма. Я ухватил его за ворот рубахи и толкнул в угол.

— Рассказывай про блинчики,— говорю я,— или сам превратишься в блинчик. Мисс Уиллела печет их?

— В жизни ни одного не испекла, а я так их вовсе не видел,— убедительно говорит дядюшка Эмсли.— Ну, успокойся, Джед, успокойся. Ты разволновался, и рана в голове затемняет твой рассудок. Старайся не думать о блинчиках.

— Дядюшка Эмсли,— говорю я,— я не ранен в голову, но я, видно, растерял свои природные мыслительные способности. Джексон Птица сказал мне, что он навещает мисс Уиллелу, чтобы выведать ее способ приготовления блинчиков, и просил меня помочь ему достать список ингредиентов. Я помог, и результат налицо. Что он сделал, этот красноглазый овчар, накормил меня беленой, что ли?

— Отпусти-ка мой воротник,— говорит дядюшка Эмсли,— и я расскажу тебе. Да, похоже на то, что Джексон Птица малость тебя одурачил. На следующий день после катания с Уиллелой он снова приехал и сказал нам, чтобы мы остерегались тебя, если ты вдруг заговоришь о блинчиках. Он сказал, что однажды у вас в лагере пекли блинчики и кто-то из ребят треснул тебя по башке сковородкой. И после этого, мол, стоит тебе разгорячиться или взволноваться, рана начинает тебя беспокоить и ты становишься вроде как сумасшедшим и бредишь блинчиками. Он сказал, что нужно только отвлечь твои мысли и успокоить тебя, и ты не опасен. Ну вот, мы с Уиллелой и старались как могли. Н-да,— говорит дядюшка Эмсли,— таких овцеводов, как этот Джексон Птица, не часто встретишь.

Рассказывая свою историю, Джед не спеша, но ловко смешивал соответствующие порции из своих мешочков и баночек. К концу рассказа он поставил передо мной готовый продукт — пару румяных и пышных блинчиков на оловянной тарелке. Из какого-то секретного хранилища он извлек впридачу кусок превосходного масла и бутылку золотистого сиропа.

— А давно это было?— спросил я.

— Три года прошло,— сказал Джед.— Они живут на ранчо Шелудивого Осла. Но я ни его, ни ее с тех пор не видал. Говорят, что Джексон Птица украшал свою ферму качалками и гардинами все время, пока морочил мне голову этими блинчиками. Ну, я погоревал да и бросил. Но ребята до сих пор надо мной смеются.

— А эти блинчики ты делал по знаменитому рецепту?— спросил я его.

— Я же тебе говорю, что никакого рецепта не было,— сказал Джед.— Ребята все кричали о блинчиках, пока сами на них не помешались, и я вырезал этот рецепт из газеты. Как на вкус?

— Чудесно,— ответил я.— Отчего ты сам не попробуешь, Джед?

Мне послышался вздох.

— Я?— спросил Джед.— Я их в рот не беру.

САНАТОРИЙ НА РАНЧО

Если вы следите за хроникой ринга, вы легко припомните этот случай. В начале девяностых годов по ту сторону одной пограничной реки состоялась встреча чемпиона с претендентом на это звание, длившаяся всего минуту и несколько секунд.

Столь короткая схватка — большая редкость и форменное надувательство, так как она обманывает ожидания ценителей настоящего спорта. Репортеры постарались выжать из нее все возможное, но если отбросить то, что они присочинили, схватка выглядела до грусти неинтересной. Чемпион просто швырнул на пол свою жертву, повернулся к ней спиной и, проворчав: «Я знаю, что этот труп уже не встанет», протянул секунданту длинную, как мачта, руку, чтобы он снял с нее перчатку.

Этим и объясняется то обстоятельство, что на следующее утро, едва забрезжил рассвет, полный пассажирский комплект донельзя раздосадованных джентльменов в модных жилетах и буйно пестрых галстуках высыпал из пульмановского вагона на вокзале в Сан-Антонио.

Этим же объясняется отчасти и то плачевное положение, в котором оказался «Сверчок» Мак-Гайр, когда он выскочил из вагона и повалился на платформу, раздираемый на части сухим, лающим кашлем, столь привычным для слуха обитателей Сан-Антонио. Случилось, что в это же время Кэртис Рейдлер, скотовод из округа Нуэсес,— да будет над ним благословение божие!— проходил по платформе в бледных лучах утренней зари.

Скотовод поднялся спозаранку, так как спешил домой и хотел захватить поезд, отходивший на юг. Остановившись возле незадачливого покровителя спорта, он произнес участливо, с характерным для техасца тягучим акцентом:

— Что, худо тебе, бедняжка?

«Сверчок» Мак-Гайр — бывший боксер веса пера, жокей, жучок, специалист в три листика и завсегдатай баров и спортивных клубов — воинственно вскинул глаза на человека, обозвавшего его «бедняжкой».

— Катись, Телеграфный Столб,— прохрипел он.— Я не звонил.

Новый приступ кашля начал выворачивать его наизнанку, и, обессиленный, он привалился к багажной тележке. Рейдлер терпеливо ждал, пока пройдет кашель, поглядывая на белые шляпы, короткие пальто и толстые сигары, загромоздившие платформу.

— Ты, верно, с севера, сынок?— спросил он, когда кашель стал утихать.— Ездил поглядеть на бокс?

— Бокс!— фыркнул Мак-Гайр.— Игра в пятнашки! Дал ему раза и уложил на пол быстрей, чем врач укладывает больного в могилу. Бокс!— Он поперхнулся, закашлялся и продолжал, не столько адресуясь к скотоводу, сколько стремясь отвести душу:— Верный выигрыш! Нет уж, больше меня на эту удочку не поймаешь. А ведь на такую приманку клюнул бы и сам Рокфеллер. Пять против одного, что этот парень из Корка не продержится трех раундов — вот же я на что ставил! Всё вложил, до последнего цента, и уже чуял запах опилок в этом ночном кабаке на Тридцать седьмой улице, который я сторговал у Джима Дилэни. И вдруг... Ну, скажите хоть вы, Телеграфный Столб, каким нужно быть обормотом, чтобы всадить свое последнее достояние в одну встречу двух остолопов?

— Что верно, то верно,— сказал могучий скотовод.— Особенно, если денежки-то ухнули. А тебе, сынок, лучше бы пойти в гостиницу. Это скверный кашель. Легкие?

— Да, нелегкая их возьми!— последовал исчерпывающий ответ.— Заполучил удовольствие. Старый филин сказал, что я протяну еще с полгода, а может, и с год, если переменю аллюр и буду держать себя в узде. Вот я и хотел осесть где-нибудь и взяться за ум. Может, я потому и рискнул на пять против одного. У меня была припасена железная тысяча долларов. В случае выигрыша кафе Дилэни перешло бы ко мне. Ну, кто мог подумать, что эту дубину уложат в первом же раунде?

— Да, не повезло тебе,— сказал Рейдлер, глядя на миниатюрную фигурку Мак-Гайра, прислонившуюся к тележке.— А сейчас, сынок, пойди-ка ты в гостиницу и отдохни. Здесь есть «Минджер», и «Маверик», и...

— И «Пятая авеню», и «Уолдорф-Астория»,— передразнил его Мак-Гайр.— Вы что, не слышали? Я прогорел. У меня нет ничего, кроме этих штанов и одной монеты в десять центов. Может, мне было бы полезно отправиться в Европу или совершить путешествие на собственной яхте?.. Эй, газету!

Он бросил десять центов мальчишке-газетчику, схватил «Экспресс» и, примостившись поудобнее к тележке, погрузился в отчет о своем Ватерлоо, раздутом по мере сил изобретательной прессой.

Кэртис Рейдлер поглядел на свои огромные золотые часы и тронул Мак-Гайра за плечо.

— Пойдем, сынок,— сказал он.— Осталось три минуты до поезда.

Сарказм, по-видимому, был у Мак-Гайра в крови.

— Вы что — видели, как я сорвал банк в железку или выиграл пари, после того как минуту назад я сказал вам, что у меня нет ни гроша? Ступайте своей дорогой, приятель.

— Ты поедешь со мной на мое ранчо и будешь жить там, пока не поправишься,— сказал скотовод.— Через полгода ты забудешь про свою хворь, малыш.— Одной рукой он приподнял Мак-Гайра и повлек его к поезду.

— А чем я буду платить?— спросил Мак-Гайр, делая слабые попытки освободиться.

— Платить? За что?— удивился Рейдлер. Они озадаченно уставились друг на друга. Мысли их вертелись, как шестеренки конической зубчатой передачи,— у каждого вокруг своей оси и в противоположных направлениях.

Пассажиры поезда, идущего на юг, с любопытством поглядывали на эту пару, дивясь столь редкостному сочетанию противоположностей. Мак-Гайр был ростом пять футов один дюйм. По внешности он мог оказаться уроженцем Дублина, а быть может, и Иокогамы. Острый взгляд, острые скулы и подбородок, шрамы на костлявом дерзком лице, сухое жилистое тело, побывавшее во многих переделках,— этот парень, задиристый с виду, как шершень, не был явлением новым или необычным в этих краях. Рейдлер вырос на другой почве. Шести футов двух дюймов росту и необъятной ширины в плечах, он был, что называется, душа нараспашку. Запад и Юг соединились в нем. Представители этого типа еще мало воспроизводились на полотне, ибо наши картинные галереи миниатюрны, а кинематограф пока не получил распространения в Техасе. Достойно запечатлеть образ такого детины, как Рейдлер, могла бы, пожалуй, только фреска — нечто огромное, спокойное, простое и не заключенное в раму.

Экспресс мчал их на юг. Зеленые просторы прерий наступали на леса, дробя их, превращая

в разбросанные на широком пространстве темные купы деревьев. Это была страна ранчо, владения коровьих королей.

Мак-Гайр сидел, забившись в угол, и с острым недоверием прислушивался к словам скотовода. Какую штуку задумал сыграть с ним этот здоровенный старичина, который тащит его неизвестно куда? То, что им руководит бескорыстное участие, меньше всего могло прийти Мак-Гайру на ум. «Он не фермер,— рассуждал пленник,— да и на жулика не похож. Что ж это за птица? Ну, гляди в оба, «Сверчок»,— не крапленая ли у него колода? Теперь уж хочешь не хочешь, а деваться некуда. У тебя скоротечная чахотка и пять центов в кармане, так что сиди тихо. Сиди тихо и гляди, что он там замышляет».

В Ринконе, в ста милях от Сан-Антонио, они сошли с поезда и пересели в таратайку, которая ждала Рейдлера на станции, после чего покрыли еще тридцать миль, прежде чем добрались до места своего назначения. Именно эта часть путешествия могла бы, казалось, открыть подозрительному Мак-Гайру глаза на подлинный смысл его пленения. Они катили на бархатных колесах по ликующему раздолью саванны. Пара резвых испанских лошадок бежала ровной, неутомимой рысцой, порой по собственному почину пускаясь вскачь. Воздух пьянил, как вино, и освежал, как сельтерская, и с каждым глотком его путешественники вдыхали нежное благоухание полевых цветов. Дорога понемногу затерялась в траве, и таратайка поплыла по зеленым степным бурунам, направляемая опытной рукой Рейдлера, которому каждая едва приметная рощица, мелькнувшая вдали, служила знакомой вехой, каждый мягкий изгиб холмов на горизонте указывал направление и отмечал расстояние. Но Мак-Гайр, откинувшись на сиденье, с угрюмым недоверием внимал скотоводу и не видел вокруг себя ничего, кроме безлюдной пустыни.

«Что он замышляет?— тяготила его неотвязная мысль.— Какую аферу обмозговал этот верзила?» Среди необозримых просторов, ограниченных только линией горизонта да четвертым измерением, Мак-Гайр подходил к людям с меркой жителя тесных городских кварталов.

Неделей раньше, проезжая верхом по прерии, Рейдлер наткнулся на больного теленка, который жалобно мычал, отбившись от стада. Не спешиваясь, Рейдлер нагнулся, перебросил через седло этого горемыку и передал на попечение своих ковбоев на ранчо. Откуда было Мак-Гайру знать,— да и как бы вместилось это в его сознание,— что он в глазах Рейдлера был примерно то же, что этот теленок,— больное, беспомощное создание, нуждавшееся в чьей-то заботе. Рейдлер увидел, что он может помочь, и этого было для него достаточно. С его точки зрения все это было вполне логично, а значит, и правильно. Мак-Гайр был седьмым по счету недужным, которого Рейдлер случайно подобрал в Сан-Антонио, куда в погоне за озоном, застревающим якобы в его узких улочках, тысячами стекаются больные чахоткой. Пятеро из его гостей жили на ранчо Солито, пока не выздоровели или не окрепли, и со слезами благодарности на глазах распростились с гостеприимным хозяином. Шестой попал сюда слишком поздно, но, отмучившись, обрел в конце концов вечный покой в тихом углу сада под раскидистым деревом.

Поэтому никто на ранчо не был удивлен, когда таратайка подкатила к крыльцу и Рейдлер извлек оттуда своего больного протеже, подняв его, словно узел тряпья, и водворил на веранду.

Мак-Гайр окинул взглядом непривычную для него картину. Дом на ранчо Солито считался лучшим в округе. Он был сложен из кирпича, привезенного сюда на лошадях за сотню миль, но имел всего один этаж, в котором размещались четыре комнаты, окруженные верандой с земляным полом, носившей название «галерейки». Пестрый ассортимент лошадей, собак, седел, повозок, ружей и всевозможных принадлежностей ковбойского обихода поразил столичное око прогоревшего спортсмена.

— Вот мы и дома,— весело сказал Рейдлер.

— Ну, и чертова же дыра!— выпалил Мак-Гайр и покатился на пол веранды в судорожном приступе кашля.

— Мы постараемся устроить тебя поудобнее, сынок,— мягко сказал хозяин.— В доме-то у нас, конечно, не шикарно, но зато на воле хорошо, а для тебя ведь это самое главное. Вот твоя комната. Что понадобится — спрашивай, не стесняйся.

Рейдлер ввел Мак-Гайра в комнату, расположенную на восточной стороне дома. Незастеленный пол был чисто вымыт. Свежий ветерок колыхал белые занавески на окнах. Большое плетеное кресло-качалка, два простых стула и длинный стол, заваленный газетами, трубками, табаком, шпорами и ружейными патронами, стояли в центре комнаты. Несколько хорошо выделанных оленьих голов и одна огромная, черная, кабанья смотрели со стен. В углу помещалась широкая парусиновая складная кровать. В глазах всех окрестных жителей комната для гостей на ранчо Солито была резиденцией, достойной принца. Мак-Гайр при виде ее широко осклабился. Он вытащил из кармана свои пять центов и подбросил их в потолок.

— Вы думали, я вру насчет денег? Вот, можете теперь меня обыскать, если вам угодно. Это было последнее из моих сокровищ. Ну, кто будет платить?

Ясные серые глаза Рейдлера твердо взглянули из-под седеющих бровей прямо в черные бусинки глаз Мак-Гайра. Немного помолчав, он сказал просто, без гнева:

— Ты меня очень обяжешь, сынок, если не будешь больше поминать о деньгах. Раз сказал, и хватит. Я не беру со своих гостей платы, да они обычно и не предлагают мне ее. Ужин будет готов через полчаса. Вот тут вода в кувшине,

а в том, красном, что висит на галерейке,— похолоднее, для питья.

— А где звонок?— озираясь по сторонам, спросил Мак-Гайр.

— Звонок? А для чего?

— Звонить. Когда что-нибудь понадобится. Я же не могу... Послушайте, вы!— закричал он вдруг, охваченный бессильной злобой.— Я не просил вас тащить меня сюда! Я не клянчил у вас денег! Я не старался разжалобить вас — вы ко мне пристали! Я болен! Я не могу двигаться! А тут за пятьдесят миль кругом ни коридорного, ни коктейля! О черт! Как я влип!— И Мак-Гайр повалился на койку и судорожно разрыдался.

Рейдлер подошел к двери и позвал слугу. Стройный краснощекий мексиканец лет двадцати быстро вошел в комнату. Рейдлер заговорил с ним по-испански.

— Иларио, помнится, я обещал тебе с осени место в лагере Сан-Карлос?

— Si, Señor, такая была ваша милость.

— Ну, слушай. Это Señorito — мой друг. Он очень болен. Будешь ему прислуживать. Находись неотлучно при нем, исполняй все его распоряжения. Тут нужна забота, Иларио, и терпение. А когда он поправится или... а когда он поправится, я сделаю тебя не vaquero, a mayordomo[1] на ранчо де ля Пьедрас. Esta bueno?[2]

— Si, si, mil gracias, Señor![3]— Иларио в знак благодарности хотел было опуститься на одно колено, но Рейдлер шутливо пнул его ногой, проворчав:

— Ну, ну, без балетных номеров...

Десять минут спустя Иларио, покинув комнату Мак-Гайра, предстал перед Рейдлером.

— Маленький Señor,— заявил он,— шлет вам поклон (Рейдлер отнес это вступление за счет любезности Иларио) и просит передать, что ему нужен колотый лед, горячая ванна, гренки, одна порция джина с сельтерской, закрыть все окна, позвать парикмахера, одна пачка сигарет, «Нью-геральд» и отправить телеграмму.

Рейдлер достал из своего аптечного шкафа бутылку виски.

— Вот, отнеси ему,— сказал он.

Так на ранчо Солито установился режим террора. Первые недели Мак-Гайр хвастал напропалую и страшно заносился перед ковбоями, которые съезжались с самых отдаленных пастбищ поглядеть на последнее приобретение Рейдлера. Мак-Гайр был совершенно новым для них явлением. Он посвящал их в различные тонкости боксерского искусства, щеголяя хитроумными приемами защиты и нападения. Он раскрывал их изумленному взору всю изнанку жизни профессиональных спортсменов. Они без конца дивились его речи, пересыпанной жаргонными словечками, и забавлялись ею от души. Его жесты, его странные позы, откровенная дерзость его языка и принципов завораживали их. Он был для них существом из другого мира.

Как это ни странно, но тот новый мир, в который он сам попал, словно не существовал для него. Он был законченным эгоистом из мира кирпича и известки. Ему казалось, что судьба зашвырнула его куда-то в пустое пространство, где он не обнаружил ничего, кроме нескольких слушателей, готовых внимать его хвастливым реминисценциям. Ни безграничные просторы залитых солнцем прерий, ни величавая тишина звездных ночей не тронули его души. Все самые яркие краски Авроры не могли оторвать его от розовых страниц спортивного журнала. Прожить на шармака — было его девизом, кабак на Тридцать седьмой — венцом его стремлений.

Месяца через два он начал жаловаться, что здоровье его ухудшилось. С этого момента он стал бичом, чумой, кошмаром ранчо Солито. Словно какой-то злой гном или капризная женщина, сидел он в своем углу, хныча, скуля, обвиняя и проклиная. Все его жалобы звучали на один лад: его против воли ввергли в эту геенну огненную, где он гибнет от отсутствия ухода и комфорта. Однако вопреки его отчаянным воплям, что ему якобы день ото дня становится хуже, с виду он нисколько не изменился. Все тот же дьявольский огонек горел в черных бусинках его глаз, голос его звучал все так же резко, тощее лицо — кости, обтянутые кожей,— достигнув предела худобы, уже не могло отощать больше. Лихорадочный румянец, вспыхивавший по вечерам на его торчащих скулах, наводил на мысль о том, что термометр мог бы, вероятно, зафиксировать болезненное состояние, а выслушивание — установить, что Мак-Гайр дышит только одним легким, но внешний облик его не изменился ни на йоту.

Иларио бессменно прислуживал ему. Обещанное повышение в чине, как видно, было для юноши большой приманкой, ибо горше горького стало его существование при Мак-Гайре. По распоряжению больного, все окна в комнате были наглухо закрыты, шторы спущены и всякий доступ свежего воздуха прекращен. Так Мак-Гайр лишал себя своей единственной надежды на спасение. В комнате нельзя было продохнуть от едкого табачного дыма. Кто бы ни зашел к Мак-Гайру, должен был сидеть, задыхаясь в дыму, и слушать, как этот бесенок хвастает напропалую своей скандальной карьерой.

Но всего удивительнее были отношения, установившиеся у Мак-Гайра с хозяином дома. Больной третировал своего благодетеля, как своенравный, избалованный ребенок третирует не в меру снисходительного отца. Когда Рейдлер отлучался из дома, на Мак-Гайра нападала хандра и он замыкался в угрюмом молчании. Но стоило Рейдлеру переступить порог, и Мак-Гайр набрасывался на него с самыми колкими, язвительными упреками. Поведение Рейдлера по отношению к своему подопечному было в такой

[1]Старший объездчик *(исп.)*.
[2]Хорошо? *(исп.)*
[3]Да, да, спасибо, сеньор! *(исп.)*

же мере непостижимо. Рейдлер, казалось, и сам поверил во все те страшные обвинения, которыми осыпал его Мак-Гайр, и чувствовал себя жестоким угнетателем и тираном. Он, очевидно, считал себя целиком ответственным за состояние здоровья своего гостя и с покаянным видом терпеливо и смиренно выслушивал все его нападки.

Как-то раз Рейдлер сказал Мак-Гайру:

— Попробуй больше бывать на воздухе, сынок. Бери мою таратайку и катайся хоть каждый день. А то поживи недельку-другую с ребятами на выгоне. Я бы тебя там неплохо устроил. На свежем воздухе, да к земле поближе — это бы живо поставило тебя на ноги. Я знал одного парня из Филадельфии — еще хуже болел, чем ты, а как случилось ему заблудиться на Гвадалупе и две недели прожить на овечьем пастбище да поспать на голой земле, так сразу пошел на поправку. Воздух да земля — целебная штука. А то покатайся верхом. У меня есть смирная лошадка...

— Что я вам сделал?— взвизгнул Мак-Гайр.— Разве я вам втирал очки? Заставлял вас привозить меня сюда? Просил об этом? А теперь — катись на выгон? Да уж пырнули бы просто ножом, чего там канителъ разводить! Скачи верхом! А я ног не таскаю! Понятно? Пятилетний ребенок надает мне тумаков — я и то не смогу увернуться. А все ваше проклятое ранчо — это оно меня доконало. Здесь нечего есть, не на что глядеть, не с кем говорить, кроме орды троглодитов, которые не отличат боксерской груши от салата из омаров!

— У нас тут, правда, скучновато,— смущенно оправдывался Рейдлер.— Всего вдоволь — но все простое. Ну, да если что нужно, пошлем ребят, они привезут из города.

Чэд Мерчисон, ковбой из лагеря Серкл Бар, первый высказал предположение, что Мак-Гайр — притворщик и симулянт. Чэд привез для него корзину винограда за тридцать миль, привязав ее к луке седла и дав четыре мили крюку. Побыв немного в накуренной комнате, он вышел оттуда и без обиняков выложил свои подозрения хозяину.

— Рука у него — тверже алмаза,— сказал Чэд.— Когда он познакомил меня с «прямым коротким в солнечное заплетение», так я думал, что меня мустанг лягнул. Малый бессовестно надувает вас, Кэрт. Он такой же хворый, как я. Стыдно сказать, но этот недоносок просто водит вас за нос, чтоб пожить здесь на дармовщинку.

Однако прямодушный скотовод пропустил мимо ушей разоблачения Чэда, и если несколько дней спустя он подверг Мак-Гайра медицинскому осмотру, это было сделано без всякой задней мысли.

Как-то в полдень двое людей подъехали к ранчо, вылезли из повозки, привязали лошадей, зашли в дом и остались отобедать: всякий считает себя раз и навсегда приглашенным к столу — таков обычай этого края. Один из приезжих оказался медицинским светилом из Сан-Антонио, чьи дорогостоящие советы потребовались какому-то коровьему магнату, угодившему под шальную пулю. Теперь доктора везли на станцию, где он должен был сесть на поезд. После обеда Рейдлер отозвал его в сторонку и, тыча двадцатидолларовую бумажку ему в руку, сказал:

— Доктор, не откажитесь посмотреть одного паренька — он тут в соседней комнате. Боюсь, что у него чахотка в последней стадии. Мне бы хотелось узнать, очень ли он плох и что мы можем для него сделать.

— Сколько я вам должен за обед, которым вы меня угостили?— проворчал доктор, взглядывая поверх очков на хозяина. Рейдлер сунул свои двадцать долларов обратно в карман. Доктор без замедления проследовал в комнату к Мак-Гайру, а скотовод опустился на кучу седел, наваленную в углу галерейки, и приготовился проклясть себя, если медицинское заключение окажется неблагоприятным.

Через несколько минут доктор бодрым шагом вышел из комнаты Мак-Гайра.

— Ваш малый,— сказал он Рейдлеру,— здоровее меня. Легкие у него чисты, как только что отпечатанный доллар. Пульс нормальный, температура и дыхание — тоже. Выдох — четыре дюйма. Ни малейших признаков заболевания. Конечно, я не делал бактериологического анализа, но ручаюсь, что туберкулезных бацилл у него нет. Можете поставить мое имя под диагнозом. Даже табак и спертый воздух ему не повредили. Он кашляет? Так скажите ему, что это не обязательно. Вас интересует, что можно для него сделать? Мой совет — пошлите его ставить телеграфные столбы или объезжать мустангов. Ну, наши лошади готовы. Счастливо оставаться, сэр.— И, как порыв живительного освежающего ветра, доктор помчался дальше.

Рейдлер сорвал листок с мескитового куста у перил и принялся задумчиво жевать его.

Приближался сезон клеймения скота, и на следующее утро Росс Харгис, старший загонщик, собрал во дворе ранчо два с половиной десятка своих ребят, чтобы отбыть с ними в лагерь Сан-Карлос, где должны были начаться работы. В шесть часов лошади были оседланы, провизия погружена в фургон, и ковбои один за другим уже вскакивали в седла, когда Рейдлер попросил их немного обождать. Мальчик-конюх подвел к воротам еще одну взнузданную и оседланную лошадь. Рейдлер направился к комнате Мак-Гайра и широко распахнул дверь. Мак-Гайр, неодетый, лежал на койке и курил.

— Подымайся!— сказал скотовод, и голос его прозвучал отчетливо и резко, как медь охотничьего рога.

— Что такое?— оторопело спросил Мак-Гайр.

— Вставай и одевайся. Я бы мог терпеть в своем доме гремучую змею, но обманщику здесь не место. Ну! Сколько раз повторять!— Схватив Мак-Гайра за шиворот, он стащил его с постели.

— Послушайте, приятель!— в бешенстве

вскричал Мак-Гайр.— Вы что — белены объелись? Я же болен — не видите, что ли? Я подохну, если сдвинусь с места! Что я вам сделал? Разве я просил?..— захныкал он было на привычный лад.

— Одевайся!— сказал Рейдлер, повысив голос.

Путаясь в одежде, бормоча ругательства и не сводя изумленного взора с грозной фигуры разъяренного скотовода, Мак-Гайр кое-как, дрожащими руками, натянул на себя штаны и рубаху. Рейдлер снова схватил его за шиворот и поволок через двор к привязанной у ворот лошади. Ковбои покачнулись в седлах, разинув рты.

— Возьми с собой этого малого,— сказал Рейдлер Россу Харгису,— и приставь его к работе. Пусть работает, как надо, спит, где придется, и ест, что дадут. Вы знаете, ребята,— я делал для него все, что мог, и делал от души. Вчера лучший доктор из Сан-Антонио осмотрел его и сказал, что легкие у него, как у мула, и вообще он здоров, как бык. Словом, поручаю его тебе, Росс.

Росс Харгис только хмуро улыбнулся в ответ.

— Вот оно что!— протянул Мак-Гайр, с какой-то странной усмешкой глядя на Рейдлера.— Так старый филин сказал, что я здоров? Он сказал, что я симулянт, так, что ли? А вы, значит, подослали его ко мне? Вы думали, что я прикидываюсь? Я, по-вашему, обманщик. Послушайте, приятель, я часто был груб, я знаю, но ведь это только так... Если бы вы побывали хоть раз в моей шкуре... Да, я позабыл... Я же здоров... Так сказал старый филин. Ладно, дружище, я отработаю вам. Вот когда вы со мной посчитались!

Легко, как птица, он взлетел в седло, схватил хлыст, положенный на луку, и стегнул коня. «Сверчок», который на скачках в Хоторне привел когда-то «Мальчика» первым к финишу, повысив выдачу до десяти к одному, снова вдел ногу в стремя.

Мак-Гайр был впереди, когда кавалькада, вылетев за ворота, взяла направление на Сан-Карлос, и вдогонку ему неслось одобрительное гиканье ковбоев, скакавших в поднятых им клубах пыли.

Но, не покрыв и мили, он стал отставать и уже плелся в хвосте, когда всадники, миновав выгоны, продолжали путь среди высоких зарослей чапарраля. Заехав в чащу, он натянул поводья и, вытащив платок, прижал его к губам. Платок окрасился алой кровью. Он забросил его в колючие кусты и, прохрипев своему удивленному коню «катись!»,— поскакал следом за ковбоями.

Вечером Рейдлер получил письмо из своего родного городка в Алабаме. Умер один из его родственников, и Рейдлера просили приехать, чтобы принять участие в дележке наследства. На рассвете он уже катил в своей таратайке по прерии, спеша на станцию.

Домой он возвратился только через два месяца. Усадьба опустела — он застал там только одного Иларио, который в его отсутствие присматривал за домом. Юноша стал рассказывать ему, как шли дела, пока хозяин был в отлучке. С клеймением скота еще не управились, сказал он. Было много ураганов, скот разбегался, и клеймение подвигается туго. Лагерь сейчас в долине Гвадалупы — в двадцати милях от усадьбы.

— Да, между прочим,— сказал Рейдлер, внезапно припомнив что-то.— Как этот парень, которого я отправил с ребятами в лагерь, Мак-Гайр? Работает он?

— Не знаю,— отвечал Иларио.— Ковбои редко заглядывают теперь на ранчо. Очень много хлопот с молодыми телятами. Нет, ничего про него не слыхал. Верно, его уже давно нет в живых.

— Что ты мелешь!— сказал Рейдлер.— Как это — нет в живых?

— Очень, очень он был плох, этот Мак-Гайр,— сказал Иларио, пожимая плечами.— Я знал, что ему не прожить и месяца, когда он уезжал отсюда.

— Вздор!— проворчал Рейдлер.— Я вижу, он и тебя одурачил. Доктор осмотрел его и сказал, что он здоров, как мескитовая коряга.

— Это он так сказал?— спросил Иларио, ухмыляясь.— Этот доктор даже не видел его.

— Говори толком!— приказал Рейдлер.— Какого черта ты меня морочишь?

— Мак-Гайр,— спокойно сказал Иларио,— пил воду на галерейке, когда этот доктор прибежал в комнату. Он сразу схватил меня и давай стучать по мне пальцами — вот тут стучал и тут.— Иларио показал на грудь.— Я так и не понял зачем. Потом он стал прикладываться ухом и все что-то слушал. Вот тут слушал и тут. А зачем? Потом достал какую-то стеклянную палочку и сунул мне в рот. Потом схватил меня за руку и начал ее щупать — вот так. И еще велел мне считать тихим голосом двадцать, trenta, cuarenta[1]. Кто его знает,— закончил Иларио, в недоумении разводя руками,— зачем он все это делал? Может, хотел пошутить?

— Какие лошади дома?— только и спросил Рейдлер.

— Пайсано пасется за маленьким коралем, Señor.

— Оседлай его, живо!

Через несколько минут Рейдлер вскочил в седло и скрылся из виду. Пайсано, недаром названный в честь этой невзрачной с виду, но быстроногой птицы, мчал во весь опор, пожирая ленты дорог, как макароны. Через два часа с небольшим Рейдлер с невысокого холма увидел лагерь, раскинувшийся у излучины Гвадалупы. С замиранием сердца, страшась услышать самое худшее, он подъехал к лагерю, спешился и бросил поводья. В простоте душевной он уже считал себя в эту минуту убийцей Мак-Гайра.

В лагере не было ни души, кроме повара,

[1] Тридцать, сорок (*исп.*).

который, поджидая ковбоев к ужину, раскладывал по тарелкам огромиые куски жареной говядииы и расставлял на столе железиые кружки для кофе. Рейдлер не решился сразу задать терзавший его вопрос.

— Все благополучно в лагере, Пит?— иеувереиио спросил он.

— Да так себе,— сдержанно отвечал Пнт.— Два раза сидели без провизни. Ураган иаделал бед — облазилн все заросли иа сорок миль вокруг, пока собралн скот. Мие нужеи новый кофейник. Москнты в этом году совсем осатанели.

— А ребята как... все здоровы?

Пит ие отлнчался оптнмизмом. К тому же справляться о здоровье ковбоев было ие только явио излишне, ио граничило со слюнтяйством. Странно было слышать такой вопрос из уст хозяииа.

— Тех, что остались, не прнходится по два раза звать к столу,— проронил он накоиец.

— Тех, что осталнсь?— хрипло повторил Рейдлер. Он невольно оглянулся, ища глазами могнлу Мак-Гайра. Ему уже мерещилась камениая белая плнта вроде той, что ои вндел недавно на кладбище в Алабаме. Но он тут же опомнился, сообразив, что это нелепо.

— Ну да,— сказал Пит.— Тех, что остались. В ковбойском лагере бывают перемеиы — за два-то месяца. Кой-кого уже нет.

Рейдлер собрался с духом.

— А этот парень, которого я прислал сюда,— Мак-Гайр... Он не...

— Слушайте,— перебил его Пит, подымаясь во весь рост с толстым ломтем кукурузного хлеба в каждой руке.— Как это у вас хватило совести прнслать такого больного парнишку в ковбойский лагерь? Этому вашему доктору, который не мог распознать, что малый уже одной ногой стоит в могиле, надо бы спустить всю шкуру хорошей подпругой с медными пряжками. А уж и боевой же парень! Вы знаете, что ои выкинул — скандал да н только! В первый же вечер ребята решилн посвятить его в «ковбойские рыцари». Росс Харгис вытянул его разок кожаными гетрами, н как вы думаете, что сделал этот несчастный ребенок? Вскочнл, чертенок эдакий, н вздул Росса Харгнса. Ну да, вздул Росса Харгиса. Всыпал ему, как надо. Выдал ему крепко, хорошую порцию. Росс встал и тут же поплелся искать местечко, где бы снова прилечь. А этот Мак-Гайр отошел в сторонку, повалился лнцом в траву и стал харкать кровью. Кровохарканье — так это и называется, передайте вашему коновалу. Восемнадцать часов по часам пролежал он так, н ннкто не мог сдвинуть его с места. А потом Росс Харгнс, который очень любит тех, кому удалось его вздуть, взялся за дело н проклял всех докторов от Гренлаидии до Китайландин. Вдвоем с Джоисоиом Зелеиой Веткой они перетащили Мак-Гайра в палатку и стали иаперебой пичкать его сырым мясом и отпаивать виски.

Но у малого, как видно, ие было охоты идти на поправку. Ночью ои удрал из палатки и опять зарылся в траву — а тут еще дождь моросил. «Катнтесь!— говорнт он нм.— Дайте мне спокойно помереть. Он сказал, что я обманщик и симулянт. Ну, и отвяжитесь от меня!»

— Две иедели провалялся он так,— продолжал повар,— словечка ни с кем не сказал, а потом...

Топот, подобный удару грома, сотряс воздух, и два десятка молодых кентавров, вылетев нз зарослей, ворвались в лагерь.

— Пресвятые дракоиы н гремучие змеи!— заметавшись из стороны в сторону, возопил повар.— Ребята оторвут мие голову, если я ие подам им ужни через три минуты.

Но глаза Рейдлера были прикованы к маленькому загорелому пареньку, который, весело блестя зубами, соскочил с лошади у ярко горевшего костра. Ои не был похож иа Мак-Гайра, ио все же...

Секунду спустя Рейдлер тряс ему руку, схватив другой рукой за плечо.

— Сынок, сынок, иу, как ты?— с трудом выговорил ои.

— Поближе к земле, вы говорили?— заорал Мак-Гайр, стисиув руку Рейдлера в стальиом пожатии.— Я так и сделал — н вот, виднте, здоров и силы прибавилось. И поиял, призиаться, какого шута горохового я из себя разыгрывал. Спасибо, старина, что прогнали меня сюда! А здорово вышло со старым-то филином? Я видел в окио, как ои выбивал зорю иа груди у этого мексикаиского парня.

— Что же ты молчал, собачья душа!— загремел скотовод.— Почему ие сказал, что доктор тебя не осматривал?

— А, катитесь! Не морочьте мие голову,— проворчал Мак-Гайр, сразу ощетиинвшись, как бывало.— Вы меия разве спрашивали? Вы произнесли свою речь и вышвыриули меня вои, и я решнл, что так тому и быть. Но зиаете, приятель, эти скачки с коровамн — здорово занятиая штука. И ребята тут первый сорт — лучшая комаида, с какой мие доводилось ездить. Вы мне разрешите остаться здесь, старниа?

Рейдлер вопросительио посмотрел иа Росса Харгиса.

— Этот паршивец,— иежио сказал Росс,— самый лихой загоищик иа все ковбойские лагеря. А уж дерется так, что только держись.

ЯБЛОКО СФИНКСА

Отъехав двадцать миль от Парадайза и ие доезжая пятнадцатн миль до Саирайз-Сити, Бнлдед Роз, кучер дилижанса, остаиовил свою упряжку. Сиег валил весь деиь. Сейчас иа ровиых местах ои достигал восьми дюймов. Остаток дороги, ползущей по выступам рваиой цепи зубчатых гор, был иебезопасеи и дием. Теперь же, когда снег н иочь скрыли все ловушки, ехать

дальше н думать было нечего,— так заявнл Бнлдед Роз. Он остановнл четверку здоровенных лошадей н высказал пятерке пассажнров выводы своей мудростн.

Судья Менефн, которому мужчнны, как на подносе, преподнеслн руководство н ннициативу, выпрыгнул нз кареты первым. Трое его попутчнков, вдохновленные его прнмером, последовалн за ннм, готовые разведывать, ругаться, сопротнвляться, подчнняться, вестн иаступленне — в завнснмостн от того, что вздумается нх предводнтелю. Пятый пассажнр — молодая женщнна — осталась в днлнжансе.

Бнлдед остановил лошадей иа плече первого гориого выступа. Две поломанные нзгородн окаймлялн дорогу. В пятндесятн шагах от верхией нзгородн, как черное пятно в белом сугробе, вндиелся небольшой домнк. К этому домнку устремнлнсь судья Менефн н его когорта с детским гиканьем, порожденным возбужденнем н сиегом. Онн звалн, онн барабанилн в дверь н окио. Встретнв негостепринимное молчанне, оин вошли в раж,— атаковалн н взялн штурмом преодолнмые преграды н вторглнсь в чужое владенне.

До наблюдателей в днлнжансе доноснлнсь нз захваченного дома топот н крнкн. Вскоре там замерцал огонь, заблестел, разгорелся ярко н весело. Потом лнкующие нсследователи бегом вернулнсь к днлижансу, пробнвшись сквозь крутящнеся хлопья. Голос Менефн, настроенный ннже, чем рожок,— даже оркестровый по днапазону,— возвестнл о победах, достнгнутых нх тяжкнмн трудамн. Едннственная комната дома необитаема, сказал он, н мебелн ннкакой нет; но нмеется большой камнн, а в сарайчнке за домом они обнаружнлн солндный запас топлнва. Кров н тепло на всю ночь былн, такнм образом, обеспечены. Бнлдеда Роза ублажнлн известием о конюшне с сеном на чердаке, не настолько развалнвшейся, чтобы ею нельзя было пользоваться..

— Джентльмены,— заорал с козел Бнлдед Роз, укутанный до бровей,— отдернте мие два пролета в загородке, чтобы можно было проехать. Ведь это ж хибарка старика Редрута. Так и знал, что мы где-ннбудь поблнзостн. Самого-то в августе упряталн в желтый дом.

Четыре пассажира бодро набросились на покрытые снегом перекладнны. Понукаемые конн втащнли дилнжанс иа гору, к дверн дома, откуда в летнюю пору безумие похитило его владельца. Кучер н двое пассажнров началн распрягать. Судья Менефн открыл дверцу кареты и снял шляпу.

— Я вынужден объявить, мнсс Гарленд,— сказал он,— что силою обстоятельств наше путешествне прервано. Кучер утверждает, что ехать ночью по горной дороге иастолько рискованио, что об этом ие прнходится н мечтать. Придется пробыть до утра под кровлей этого дома. Я заверяю вас, что вы вне всякой опасности и нспытаете лншь временное иеудобство. Я самолично обследовал дом н убеднлся, что имеется полная возможность хотя бы охранить вас от суровостн непогоды. Вы будете устроены со всем комфортом, какой позволят обстоятельства. Разрешнте помочь вам выйтн.

К судье подошел пассажнр, жнзненным прнзванием которого было размещенне ветряных мельннц фирмы «Малеиькнй Голнаф». Его фамнлия была Денвуди, но это не нмеет большого значення. На перегоне от Парадайза до Санрайз-Снтн можио почтн нли совсем обойтнсь без фамнлнн. И все же тому, кто захотел бы разделнть почет с судьей Медисоном Л. Менефн, требуется фамнлня, как некая зацепка, на которую слава могла бы повеснть свой венок. Громко н непрннужденно ветряный мельннк заговорнл:

— Вам, вндно, придется вытряхнуться нз ковчега, миссис Макфарленд. Наш вигвам не совсем «Пальмер хаус», но снегу там нет н при отъезде не будут шарнть в вашем чемодане, сколько ложек вы взялн иа память. Огоиек мы уже развелн н усадим вас на сухне шляпы, и будем отгонять мышей, и все будет очень, очень мило.

Один нз двух пассажнров, которые суетилнсь в мешаннне нз лошадей, упряжн, снега н саркастнческнх наставленнй Бнлдеда Роза, крнкнул в перерыве между своимн добровольческнми обязанностями:

— Эй, молодцы! А ну, кто-нибудь, доставьте мисс Соломон в дом! Слышнте? Тпру, дьявол! Стой, скотниа проклятая!

Снова прнходнтся вежливо объяснить, что на перегоне от Парадайза до Санрайз-Снти точная фамнлия — нзлншняя роскошь. Когда судья Менефи, пользуясь правом, которое давалн ему его седнны н шнроко известная репутацня, представнлся пассажирке, она в ответ нежно выдохнула свою фамнлню, которую ушн пассажнров мужского пола воспрннялн по-разному. В возникшей атмосфере сопернНчества, не лншенной прнмесн ревностн, каждый упорно держался своей теорнн. Со стороны пассажнрки уточненне нлн поправкн, моглн бы показаться недопустнмым нравоученнем нлн, еще того хуже, непозволнтельным желаннем завязать ннтнмное знакомство. Поэтому она отклнкалась на мисс Гарленд, мнссис Макфарленд н мнсс Соломон с однцаковой скромной снисходительностью. От Парадайза до Санрайз-Снтн тридцать пять мнль. Клянусь котомкой Агасфера, для такого краткого путешествия достаточно называться compagnon de voyage! [1]

Вскоре малеиькая компаиня путников расселась веселым полукругом перед полыхающнм огнем. Пледы, подушки и отделнмые части кареты втащилн в дом и употребнли в дело. Пассажнрка выбрала себе место вблизн камина на одном коице полукруга. Там оиа украшала собою своего рода трон, воздвигиутый ее поддаиными. Оиа восседала на прниесениых из кареты подушках, прислоинвшнсь к пустому

[1] Попутчик *(фр.)*.

ящику и бочонку, устланным пледами и защищавшим ее от порывов сквозиого ветра. Оиа протянула прелестио обутые ножки к ласковому огию. Оиа сияла перчатки, ио оставила иа шее длиииое меховое боа. Колеблющееся пламя слабо освещало ее лицо, полускрытое защитиым боа,— юиое лицо, очеиь жеиствеииое, ясио очерчеииое и спокойиое, в иеколебимой увереииости своей красоты. Рыцарство и мужествеииость сопериичали здесь, угождая ей и утешая ее. Оиа приимала их преклоиеиие ие игриво, как жеищииа, за которой ухаживают; ие кокетливо, как миогие представительиицы ее пола, иедостойиые этих почестей; ие с тупым равиодушием, как бык, получающий охапку сеиа, ио согласио указаииям самой природы: как лилия впитывает капельку росы, предназиачеииую для того, чтобы освежить ее.

Вокруг дома яростио завывал ветер, мелкий сиег со свистом врывался в щели, холод проиизывал спииы прииесших себя в жертву мужчии, ио в ту иочь стихия ие была лишеиа защитиика. Меиефи взялся быть адвокатом сиежиой бури. Погода являлась его клиеитом, и в одиостороиие аргумеитироваииой речи ои старался убедить своих компаиьоиов по холодиой скамье присяжиых, что оии восседают в беседке из роз, овеваемые лишь иежиыми зефирами. Ои обиаружил запас веселости, остроумия и аиекдотов, ие совсем приличиых, ио встречеииых с одобреиием. Невозможио было противостоять его заразительиой бодрости, и каждый поспешил виести свою лепту в общий фоид оптимизма. Даже пассажирка решилась заговорить.

— Все это, по-моему, очаровательио,— сказала оиа тнхим, кристальио чистым голосом.

Время от времеии кто-нибудь вставал и шуткн ради обследовал комиату. Мало осталось следов от ее прежиего обитателя, старика Редрута.

К Билдеду Розу иастойчиво пристали, чтобы ои рассказал нсторию экс-отшельиика. Поскольку лошади были устроены с комфортом н пассажиры, по-видимому, тоже, к возиице вериулись спокойствие и любезность.

— Старый хрыч,— иачал Билдед Роз ие совсем почтительио,— торчал в этой хибарке лет двадцать. Он иикого ие подпускал к себе иа близкую дистанцию. Как, бывало, почует карету, шмыгиет в дом — и дверь на крючок. У иего, ясио, виитика в голове ие хватало. Ои закупал бакалею и табак в лавке Сэма Тилли иа Литтл-Мадди. В августе ои явился туда, завериутый в красиое одеяло, и сказал Сэму, что ои царь Соломои и что царица Савская едет к иему в гости. Ои приволок с собой весь свой капитал — иебольшой мешочек, полиый серебра,— и бросил его в колодец Сэма. «Оиа ие приедет,— говорит старик Редрут Сэму,— если узиает, что у меия есть деиьги».

Как только люди услыхали такие рассуждеиия иасчет жеищин н денег, им сразу стало ясио, что старик спятнл. Его забрали н упрятали в сумасшедший дом.

— Может, в его жизни был какой-нибудь иеудачиый ромаи, который заставил его искать отшельиичества?— спросил одии из пассажиров, молодой человек, имевший агеитство.

— Нет,— сказал Билдед,— иа этот счет иичего ие слыхал. Просто обыкиовеииые иеприятиости. Говорят, что в молодости ему ие повезло в любовиом предприятии с одиой девицей; это задолго до того, как ои закутался в красиое одеяло и произвел свои фииаисовые расчеты. А о ромаие ничего ие слышал.

— Ах!— воскликиул судья Меиефи с важиостью,— это, иесомиеиио, случай любви без взаимиости.

— Нет, сэр,— заявил Билдед,— иичего подобиого. Оиа за иего ие пошла. Мармадюк Маллигеи встретил как-то в Парадайзе человека из родиого городка старика Редрута. Ои говорил, что Редрут был пареиь что иадо, ио вот когда хлопали его по карманy, звякали только запоики да связка ключей. Ои был помолвлеи с этой молодой особой, мисс Алиса ее звали, а фамилию забыл. Этот человек рассказывал, что оиа была такого сорта девочка, для которой приятио купить трамвайиый билет. Но вот в городишко прикатил молодчик, богатый и с доходами. У иего свои экипажи, пай в рудииках и сколько хочешь свободиого времеии. И мисс Алиса, хоть иа иее уже была заявка, видио, столковалась с этим приезжим. Начались у иих совпадеиия и случайиые встречи по дороге иа почту, и такие штучки, которые ииогда заставляют девушку вериуть обручальиое кольцо и прочие подарки. Одиим словом, появилась «трещинка в лютие», как выражаются в стихах.

Как-то люди видели: стоит у калитки Редрут с мисс Алисой и разговаривает. Потом ои снимает шляпу — и ходу. И с тех пор инкто его в городе больше не видел. Во всяком случае так передавал этот человек.

— А что стало с девушкой?— спросил молодой человек, имевший агеитство.

— Не слыхал,— ответил Билдед.— Вот здесь то место на дороге, где экипаж сломал колесо и багаж моих сведений упал в каиаву. Все выкачал, до диа.

— Очень печаль...— иачал судья Менефи, ио его реплнка была оборваиа более высоким авторитетом.

— Какая очаровательиая история,— сказала пассажнрка голосом нежиым, как флейта.

Воцарилась тишина, нарушаемая только завываиием ветра и потрескиваиием горящих дров.

Мужчины снделн на полу, слегка смягчив его иегостепрнимиую поверхиость пледами и стружками. Человек, который размещал ветряиые мельиицы «Малеиький Голиаф», подиялся и начал ходить, чтобы поразмять оиемевшие иоги.

Вдруг послышался его торжествующий возглас. Ои поспешил иазад из темиого угла

комнаты, неся что-то в высоко поднятой руке. Это и было яблоко, большое, румяное, свежее; приятно было смотреть на него. Он нашел его в бумажном пакете на полке, в темном углу. Оно не могло принадлежать сраженному любовью Редруту, его великолепный вид доказывал, что не с августа лежало оно на затхлой полке. Очевидно, какие-то путешественники завтракали недавно в этом необитаемом доме и забыли его.

Денвуди — его подвиги опять требуют почтить его наименованием — победоносно подбрасывал яблоко перед носом своих попутчиков.

— Поглядите-ка, что я нашел, миссис Макфарленд! — закричал он хвастливо. Он высоко поднял яблоко, и, освещенное огнем, оно стало еще румянее. Пассажирка улыбнулась спокойно... неизменно спокойно.

— Какое очаровательное яблоко,— тихо, но отчетливо сказала она.

Некоторое время судья Менефи чувствовал себя раздавленным, униженным, разжалованным. Его отбросили на второе место, и это злило его. Почему не ему, а вот этому горлану, деревенщине, назойливому мельнику, вручила судьба это произведшее сенсацию яблоко? Попади оно к нему, и он разыграл бы с ним целое действо, оно послужило бы темой для какого-нибудь экспромта, для речи, полной блестящей выдумки, для комедийной сцены — и он остался бы в центре внимания. Пассажирка уже смотрела на этого нелепого Денбодди или Вудбенди с восхищенной улыбкой, словно парень совершил подвиг! А мельник шумел и вертелся, как образчик своего товара — от ветра, который всегда дует из страны хористов в область звезды подмостков.

Пока восторженный Денвуди со своим аладдиновым яблоком был окружен вниманием капризной толпы, изобретательный судья обдумал план, как вернуть свои лавры.

С любезнейшей улыбкой на обрюзгшем, но классически правильном лице судья Менефи встал и взял из рук Денвуди яблоко, как бы собираясь его исследовать. В его руках оно превратилось в вещественное доказательство № 1.

— Превосходное яблоко,— сказал он одобрительно.— Должен признаться, дорогой мой мистер Денвуди, что вы затмили всех нас своими способностями фуражира. Но у меня возникла идея. Пусть это яблоко станет эмблемой, символом, призом, который разум и сердце красавицы вручат достойнейшему.

Все присутствующие, за исключением одного человека, зааплодировали.

— Здорово загнул! — пояснил пассажир, который не был ничем особенным, молодому человеку, имевшему агентство.

Воздержавшимся от аплодисментов был мельник. Он почувствовал себя разжалованным в рядовые. Ему бы и в голову никогда не пришло объявить яблоко эмблемой. Он собирался, после того как яблоко разделят и съедят, приклеить его семечки ко лбу и назвать их именами знакомых дам. Одно семечко он хотел назвать миссис Макфарленд. Семечко, упавшее первым, было бы... но теперь уже поздно.

— Яблоко,— продолжал судья Менефи, атакуя присяжных,— занимает в нашу эпоху — надо сказать, совершенно незаслуженно — ничтожное место в диапазоне нашего внимания. В самом деле, оно так часто ассоциируется с кулинарией и коммерцией, что едва ли его можно причислить к разряду благородных фруктов. Но в древние времена это было не так. Библейские, исторические и мифологические предания изобилуют доказательствами того, что яблоко было королем в государстве фруктов. Мы и сейчас говорим «зеница ока», когда хотим определить что-нибудь чрезвычайно ценное. А что такое зеница ока, как не составная часть яблока, глазного яблока? В Притчах Соломоновых мы находим сравнение с «серебряными яблоками». Никакой иной плод дерева или лозы не упоминается так часто в фигуральной речи. Кто не слышал и не мечтал о «яблоках Гесперид»? Мне нет необходимости привлекать ваше внимание к величайшему по значению и трагизму примеру, подтверждающему престиж яблока в прошлом, когда потребление его нашими прародителями повлекло за собой падение человека с его пьедестала добродетели и совершенства.

— Такие яблоки,— сказал мельник, затрагивая материальную сторону вопроса,— стоят на чикагском рынке три доллара пятьдесят центов бочонок.

— Так вот,— сказал судья Менефи, удостоив мельника снисходительной улыбкой,— то, что я хочу предложить, сводится к следующему: в силу обстоятельств мы должны оставаться здесь до утра. Топлива у нас достаточно, мы не замерзнем. Наша следующая задача — развлечь себя наилучшим образом, чтобы время шло не слишком медленно. Я предлагаю вложить это яблоко в ручки мисс Гарленд. Оно больше не фрукт, но, как я уже сказал, приз, награда, символизирующая великую человеческую идею. Сама мисс Гарленд перестает быть индивидуумом... только на время, я счастлив добавить (низкий поклон, полный старомодной грации),— она будет представлять свой пол, она будет квинтэссенцией женского племени, сердцем и разумом, я бы сказал, венца творения. И в этом качестве она будет судить и решать по следующему вопросу.

Всего несколько минут назад наш друг, мистер Роз, почтил нас увлекательным, но фрагментарным очерком романтической истории из жизни бывшего владельца этого обиталища. Скудные факты, сообщенные нам, открывают, мне кажется, необъятное поле для всевозможных догадок, для анализа человеческих сердец, для упражнения нашей фантазии, словом — для импровизации. Не упустим же эту возможность. Пусть каждый из нас расскажет свою версию истории отшельника Редрута и его дамы сердца, начиная с того, на чем обрывается рассказ мистера Роза,— с того, как влюбленные

расстались у калитки. Прежде всего условимся: вовсе не обязательно предполагать, будто Редрут сошел с ума, возненавидел мир и стал отшельником исключительно по вине юной леди. Когда мы кончим, мисс Гарленд вынесет *приговор женщины.* Являясь духовным символом своего пола, она должна будет решить, какая версия наиболее правдиво отражает коллизию сердца и разума и наиболее верно оценивает характер и поступки невесты Редрута с точки зрения женщины. Яблоко будет вручено тому, кто удостоится этой награды. Если все вы согласны, то мы будем иметь удовольствие услышать первой историю мистера Девидри.

Последняя фраза пленила мельника. Он был не из тех, кто способен долго унывать.

— Проект первый сорт, судья,— сказал он искренне.— Сочинить, значит, рассказик посмешней? Что же, я как-то работал репортером в одной спрингфилдской газете и когда новостей не было, я их выдумывал. Надеюсь, что не ударю лицом в грязь.

— По-моему, идея очаровательная,— сказала пассажирка, просияв.— Это будет совсем как игра.

Судья Менефи выступил вперед и торжественно вложил яблоко в ее ручку.

— В древности,— сказал он с подъемом,— Парис присудил золотое яблоко красивейшей.

— Я был в Париже на выставке,— заметил снова развеселившийся мельник,— но ничего об этом не слышал. А я все время болтался на площади аттракционов, если не торчал в машинном павильоне.

— А теперь,— продолжал судья,— этот плод должен истолковать нам тайну и мудрость женского сердца. Возьмите яблоко, мисс Гарленд. Выслушайте наши нехитрые романтические истории и присудите приз по справедливости.

Пассажирка мило улыбнулась. Яблоко лежало у нее на коленях под плащами и пледами. Она приткнулась к своему защитному укреплению, и ей было тепло и уютно. Если бы не шум голосов и ветра, наверное можно было бы услышать ее мурлыканье.

Кто-то подбросил в огонь дров. Судья Менефи учтиво кивнул головой мельнику.

— Вы почтите нас первым рассказом? — сказал он.

Мельник уселся по-турецки, сдвинул шляпу на самый затылок, чтобы предохранить его от сквозняка.

— Ну,— начал он без всякого смущения,— я разрешаю это затруднение примерно таким манером. Конечно, Редрута здорово поддел этот гусь, у которого хватило денег на всякие игрушки и который пытался отбить у него девушку. Ну, ясно, он идет прямо к ней и спрашивает, фальшивит она или нет. Кому охота, чтобы какой-то хлюст подъезжал с экипажами и золотыми приисками к девушке, на которую вы нацелились? Ну, значит, он идет к ней. Ну, возможно, что он горячится и разговаривает с ней, как с собственной женой, забыв, что чек еще не наличные. Ну, надо думать, что Алисе становится жарко под кофточкой. Ну, она кроет ему в ответ. Ну, он...

— Слушайте,— перебил его пассажир, который не был ничем особенным.— Если бы вы столько размещали ветряных мельниц, сколько раз повторяете «ну», вы бы нажили себе капиталец, верно?

Мельник добродушно усмехнулся.

— Ну, я вам не Гюй де Мопассам,— сказал он весело.— Я выражаюсь просто, по-американски. Ну, она говорит что-нибудь вроде этого: «Мистер Прниск мне только друг,— говорит она,— но он катает меня и покупает билеты в театр, а от тебя этого не дождешься. Что же, мне и удовольствия в жизни иметь нельзя? Так ты думаешь?» — «Брось эти штучки,— говорит Редрут.— Дай этому щеголю отставку, а то не ставить тебе комнатных туфель под мою тумбочку».

Ну, такое расписание не годится девушке, которая развела пары; если девушка была с характером, такие слова, конечно, пришлись ей не по вкусу. А бьюсь об заклад, что она только его и любила. Может, ей просто хотелось, как это бывает с девушками, повертихвостить немножко, прежде чем засесть штопать Джорджу носки и стать хорошей женой. Но ему попала вожжа под хвост, и он ни тпру ни ну. А она ясно, понятно, возвращает ему кольцо. Джордж, значит, смывается и начинает закладывать. Да-с! Вот она штука-то какая! А держу пари, что девочка выставила этот рог изобилия в модной жилетке ровно через два дня, как исчез ее суженый. Джордж погружается на товарный поезд и направляет мешок со своими пожитками в края неизвестные. Несколько лет он пьет горькую. А потом анилин и водка подсказывают решение. «Мне остается келья отшельника,— говорит Джордж,— да борода по пояс, да закрытая кубышка с деньгами, которых нет».

Но Алиса, по моему мнению, вела себя вполне порядочно. Она не вышла замуж и, как только начали показываться морщинки, взялась за пишущую машинку и завела себе кошку, которая бежала со всех ног, когда ее звали: «Кис, кис, кис!» Я слишком верю в хороших женщин и не могу допустить, что они бросают парней, с которыми хороводятся, всякий раз как им подвернется мешок с деньгами.— Мельник умолк.

— По-моему,— сказала пассажирка, слегка потянувшись на своем низком троне,— это очаро...

— О мисс Гарленд! — вмешался судья Менефи, подняв руку.— Прошу вас, не надо комментариев! Это было бы несправедливо по отношению к другим соревнующимся. Мистер... э-э... ваша очередь,— обратился судья Менефи к молодому человеку, имевшему агентство.

— Моя версия этой романтической истории такова,— начал молодой человек, робко потирая руки,— они не ссорились, расставаясь.

Мистер Редрут простился с нею и пошел по свету искать счастья. Он знал, что его любимая останется верна ему. Он не допускал мысли, что его соперник может тронуть сердце, такое любящее и верное. Я бы сказал, что мистер Редрут направился в Скалистые горы, в Вайоминг, в поисках золота. Однажды шайка пиратов высадилась там и захватила его за работой и...

— Эй! Что за черт? — резко крикнул пассажир, который не был ничем особенным.— Шайка пиратов высадилась в Скалистых горах? Может, вы скажете, как они плыли...

— Высадились с поезда,— сказал рассказчик спокойно и не без находчивости.— Они долго держали его пленником в пещере, а потом отвезли за сотни миль в леса Аляски. Там красивая индианка влюбилась в него, но он остался верен Алисе. Проблуждав еще год в лесах, он отправился с брильянтами...

— Какими брильянтами? — спросил незначительный пассажир почти что грубо.

— С теми, которые шорник показал ему в Перуанском храме,— ответил рассказчик несколько туманно.— Когда он вернулся домой, мать Алисы, вся в слезах, повела его к зеленому могильному холмику под ивой. «Ее сердце разбилось, когда вы уехали»,— сказала мать. «А что стало с моим соперником Честером Макинтошем?»— спросил мистер Редрут, печально склонив колени у могилы Алисы. «Когда он узнал,— ответила она,— что ее сердце принадлежало вам, он чахнул и чахнул, пока, наконец, не открыл мебельный магазин в Гранд-Рапидз. Позже мы слышали, что его до смерти искусал бешеный лось около Саус-Бенд, штат Индиана, куда он отправился, чтобы забыть цивилизованный мир». Выслушав это, мистер Редрут отвернулся от людей, и, как мы уже знаем, стал отшельником.

— Мой рассказ,— заключил молодой человек, имевший агентство,— может быть, лишен литературных достоинств, но я хочу в нем показать, что девушка осталась верной. В сравнении с истинной любовью она ни во что не ставила богатство. Я так восхищаюсь прекрасным полом и верю ему, что иначе думать не могу.

Рассказчик умолк, искоса взглянув в угол, где сидела пассажирка.

Затем судья Менефи попросил Билдеда Роза выступить со своим рассказом в соревновании на символическое яблоко. Сообщение кучера было кратким:

— Я не из тех живодеров,— сказал он,— которые все несчастья сваливают на баб. Мое показание, судья, насчет рассказа, который вы спрашиваете, будет примерно такое: Редрута сгубила лень. Если бы он сгреб за холку этого Пегаса, который пытался его объехать, и дал бы ему по морде, да держал бы Алису в стойле и надел бы ей узду с наглазниками, все было бы в порядке. Раз тебе приглянулась бабенка, так ради нее стоит постараться. «Пошли за мной, когда опять понадоблюсь»,— говорит Редрут, надевает свой стетсон и сматывается. Он, может быть, думал, что это гордость, а по-нашему — лень. Какая женщина станет бегать за мужчиной? «Пускай сам придет»,— говорит себе девочка; и я ручаюсь, что она велит парню с мощной попятиться, а потом с утра до ночи выглядывает из окошка, не идет ли ее разлюбезный с пустым бумажником и пушистыми усами.

Редрут ждет, наверно, лет девять, не пришлет ли она негра с запиской с просьбой простить ее. Но она не шлет. «Штука не выгорела,— говорит Редрут,— а я прогорел». И он берется за работенку отшельника и отращивает бороду. Да, лень и борода — вот в чем зарыта собака. Лень и борода друг без друга никуда. Слышали вы когда-нибудь, чтобы человек с длинными волосами и бородой наткнулся на золотые россыпи? Нет. Возьмите хоть герцога Мальборо или этого жулика из «Стандард-Ойл». Есть у них что-нибудь подобное?

Ну, а эта Алиса так и не вышла замуж, клянусь дохлым мерином. Женись Редрут на другой — может, и она вышла бы. Но он так и не вернулся. У ней хранятся как сокровища все эти штучки, которые они называют любовными памятками. Может быть, клок волос и стальная пластинка от корсета, которую он сломал. Такого сорта товарец для некоторых женщин все равно что муж. Верно, она так и засиделась в девках. И ни одну женщину я не виню в том, что Редрут расстался с парикмахерскими и чистыми рубахами.

Следующим по порядку выступал пассажир, который не был ничем особенным. Безыменный для нас, он совершает путь от Парадайза до Санрайз-Сити.

Но вы его увидите, если только огонь в камине не погаснет, когда он откликнется на призыв судьи.

Худой, в рыжеватом костюме, сидит, как лягушка, обхватил руками ноги, а подбородок уперся в колени. Гладкие, пенькового цвета волосы, длинный нос, рот, как у сатира, с вздернутыми, запачканными табаком углами губ. Глаза, как у рыбы; красный галстук с булавкой в форме подковы. Он начал дребезжащим хихиканьем, которое постепенно оформилось в слова.

— Все заврались. Что? Роман без флердоранжа? Го, го! Ставлю кошелек на парня с галстуком бабочкой и с чековой книжкой в кармане.

С расставанья у калитки? Ладно! «Ты никогда меня не любила,— говорит Редрут яростно,— иначе ты бы не стала разговаривать с человеком, который угощает тебя мороженым».— «Я ненавижу его,— говорит она,— я проклинаю его таратайку. Меня тошнит от его первосортных конфет, которые он присылает мне в золоченых коробках, обернутых в настоящие кружева; я чувствую, что могу пронзить его копьем, если он поднесет мне массивный медальон, украшенный бирюзой и жемчугом. Пропади он пропадом! Одного тебя люблю я».— «Полегче на поворотах! — говорит Редрут.— Что я, какой-нибудь рас-

путник из Восточных штатов? Не лезь ко мне, пожалуйста. Делить тебя я ни с кем не собираюсь. Ступай и продолжай ненавидеть твоего приятеля. Я обойдусь девочкой Никерсон с авеню Б., жевательной резинкой и поездкой в трамвае».

В тот же вечер заявляется Джон Уильям Крез. «Что? Слезы?» — говорит он, поправляя свою жемчужную булавку. «Вы отпугнули моего возлюбленного,— говорит Алиса, рыдая. — Мне противен ваш вид».—«Тогда выходите за меня замуж»,— говорит Джон Уильям, зажигая сигару «Генри Клей». «Что!— кричит она, негодуя,— выйти за вас? Ни за что на свете,— говорит она,— пока я не успокоюсь и не смогу кое-что закупить, а вы не выправите разрешения на брак. Тут рядом есть телефон: можно позвонить в канцелярию мэра».

Рассказчик сделал паузу, и опять раздался его циничный смешок.

— Поженились они? — продолжал он.— Проглотила утка жука? А теперь поговорим о старике Редруте. Вот здесь, я считаю, вы тоже все ошиблись. Что превратило его в отшельника? Один говорит: лень, другой говорит: угрызения совести, третий говорит: пьянство. А я говорю: женщины. Сколько сейчас лет старику? — спросил рассказчик, обращаясь к Билдеду Розу.

— Лет шестьдесят пять.

— Очень хорошо. Он хозяйничал здесь в своей отшельнической лавочке двадцать лет. Допустим, что ему было двадцать пять, когда он раскланялся у калитки. Таким образом, от него требуется отчет за двадцать лет его жизни, иначе ему крышка. На что же он потратил эту десятку и две пятерки? Я сообщу вам свою мысль. Сидел в тюрьме за двоеженство. Допустим, что у него была толстая блондинка в Сен-Джо и худощавая брюнетка в Скиллет-Ридж и еще одна, с золотым зубом, в долине Ко. Редрут запутался и угодил в тюрьму. Отсидел свое, вышел и говорит: «Будь что будет, но юбок с меня хватит. В отшельнической отрасли нет перепроизводства, и стенографистки не обращаются к отшельникам за работой. Веселая жизнь отшельника — вот это мне по душе. Хватит с меня длинных волос в гребенке и шпилек в сигарном ящике». Вы говорите, что старика Редрута упрятали в желтый дом потому, что он назвал себя царем Соломоном? Дудки. Он и был Соломоном. Я кончил. Полагаю, яблок это не стоит. Марки на ответ приложены. Что-то не похоже, что я победил.

Уважая предписание судьи Менефи — воздерживаться от комментариев к рассказам, никто ничего не сказал, когда пассажир, который не был ничем особенным, умолк. И тогда изобретательный зачинщик конкурса прочистил горло, чтобы начать последний рассказ на приз. Хотя судья Менефи восседал на полу без особого комфорта, это отнюдь не умаляло его достоинства. Отблески угасавшего пламени освещали его лицо, такое же чеканное, как лицо римского императора на какой-нибудь старой монете, и густые пряди его почтенных седых волос.

— Женское сердце! — начал он ровным, но взволнованным голосом,— кто разгадает его? Пути и желания мужчин разнообразны. Но сердца всех женщин, думается мне, бьются в одном ритме и настроены на старую мелодию любви. Любовь для женщины означает жертву. Если она достойна этого имени, то ни деньги, ни положение не перевесят для нее истинного чувства.

Господа присяж... я хочу сказать: друзья мои! Здесь разбирается дело Редрута против любви и привязанности. Но кто же подсудимый? Не Редрут, ибо он уже понес наказание. И не эти бессмертные страсти, которые украшают нашу жизнь радостью ангелов. Так кто же? Сегодня каждый из нас сидит на скамье подсудимых и должен ответить, благородные или темные силы обитают в его душе. И судит нас изящная половина человечества в образе одного из ее прекраснейших цветков. В руке она держит приз, сам по себе незначительный, но достойный наших благородных усилий как символ признания одной из достойнейших представительниц женского суждения и вкуса.

Переходя к воображаемой истории Редрута и прелестного создания, которому он отдал свое сердце, я должен прежде всего возвысить свой голос против недостойной инсинуации, что якобы эгоизм, или вероломство, или любовь к роскоши какой бы то ни было женщины привели его к отречению от мира. Я не встречал женщины столь бездушной или столь продажной. Мы должны искать причину в другом — в более низменной природе и недостойных намерениях мужчины.

По всей вероятности, в тот достопамятный день, когда влюбленные стояли у калитки, между ними произошла ссора. Терзаемый ревностью, юный Редрут покинул родные края. Но имел ли он достаточно оснований поступить таким образом? Нет доказательств ни за, ни против. Но есть нечто высшее, чем доказательство; есть великая, вечная вера в доброту женщины, в ее стойкость перед соблазном, в ее верность даже при наличии предлагаемых сокровищ.

Я рисую себе безрассудного юношу, который, терзаясь, блуждает по свету. Я вижу его постепенное падение, наконец, его совершенное отчаяние, когда он осознает, что потерял самый драгоценный дар из тех, что жизнь могла ему предложить. При таких обстоятельствах становится понятным и почему он бежал от мира печали, и последующее расстройство его умственной деятельности.

Перейдем ко второй части разбираемого дела. Что мы здесь видим? Одинокую женщину, увядающую с течением времени, все еще ждущую с тайной надеждой, что вот он появится, вот раздадутся его шаги. Но они никогда не раздадутся. Теперь она уже старушка. Ее волосы поседели и гладко причесаны. Каж-

дый день она сидит у калитки и тоскливо смотрит на пыльную дорогу. Ей мнится, что она ждет его не здесь, в бренном мире, а там, у райских врат, и она — его навеки. Да, моя вера в женщину рисует эту картину в моем сознании. Разлученные навек на земле, но ожидающие: она — предвкушая встречу в Элизиуме, он — в геенне огненной.

— А я думал, что он в желтом доме,— сказал пассажир, который не был ничем особенным.

Судья Менефи раздраженно поежился. Мужчины сидели, опустив головы, в причудливых позах. Ветер умерил свою ярость и налетал теперь редкими, злобными порывами. Дрова в камине превратились в груду красных углей, которые отбрасывали в комнату тусклый свет. Пассажирка в своем уютном уголке казалась бесформенным свертком, увенчанным короной блестящих кудрявых волос. Кусок ее белоснежного лба виднелся над мягким мехом боа.

Судья Менефи с усилием поднялся.

— Итак, мисс Гарленд,— объявил он,— мы кончили. Вам надлежит присудить приз тому из нас, чей взгляд,— особенно, я подчеркиваю, это касается оценки непорочной женственности,— ближе всего подходит к вашим собственным убеждениям.

Пассажирка не отвечала. Судья Менефи озабоченно склонился над нею. Пассажир, который не был ничем особенным, хрипло и противно засмеялся. Пассажирка сладко спала. Судья Менефи попробовал взять ее за руку, чтобы разбудить ее. При этом он коснулся чего-то маленького, холодного, влажного, лежавшего у нее на коленях.

— Она съела яблоко! — возвестил судья Менефи с благоговейным ужасом и, подняв огрызок, показал его всем.

ПИАНИНО

Я заночевал на овечьей ферме Раша Кинни у Песчаной излучины реки Нуэсес. Мистер Кинни и я в глаза не видали друг друга до той минуты, когда я крикнул «алло» у его коновязи; но с этого момента и до моего отъезда на следующее утро мы, согласно кодексу Техаса, были закадычными друзьями.

После ужина мы с хозяином фермы вытащили наши стулья из двухкомнатного дома на галерею с земляным полом, крытую чапарралем и саквистой. Задние ножки стульев глубоко ушли в утрамбованную глину, и мы, прислонившись к вязовым подпоркам галереи, покуривали эльторовский табачок и дружелюбно обсуждали дела остальной вселенной.

Передать словами чарующую прелесть вечера в прерии — безнадежная затея. Дерзок будет тот повествователь, который попытается описать техасскую ночь ранней весной. Ограничимся простым перечнем.

Ферма расположилась на вершине отлогого косогора. Безбрежная прерия, оживляемая оврагами и темными пятнами кустарника и кактусов, окружала нас, словно стенки чаши, на дне которой мы покоились, как осадок. Небо прихлопнуло нас бирюзовой крышкой. Чудный воздух, насыщенный озоном и сладкий от аромата диких цветов, оставлял приятный вкус во рту. В небе светил большой, круглый ласковый луч прожектора, и мы знали, что это не луна, а тусклый фонарь лета, которое явилось, чтобы прогнать на север присмиревшую весну. В ближайшем коррале смирно лежало стадо овец — лишь изредка они с шумом подымались в беспричинной панике и сбивались в кучу. Слышались и другие звуки: визгливая семейка койотов заливалась за загонами для стрижки овец, и козодои кричали в высокой траве. Но даже эти диссонансы не заглушали звонкого потока нот дроздов-пересмешников, стекавшего с десятка соседних кустов и деревьев. Хотелось подняться на цыпочки и потрогать рукою звезды, такие они висели яркие и ощутимые.

Жену мистера Кинни, молодую и расторопную женщину, мы оставили в доме. Ее задержали домашние обязанности, которые, как я заметил, она исполняла с веселой и спокойной гордостью.

В одной комнате мы ужинали. Вскоре из другой к нам на галерею ворвалась волна неожиданной и блестящей музыки. Насколько я могу судить об искусстве игры на пианино, толкователь этой шумной фантазии с честью владел всеми тайнами клавиатуры. Пианино и тем более такая замечательная игра не вязались в моем представлении с этой маленькой и невзрачной фермой. Должно быть, недоумение было написано у меня на лице, потому что Раш Кинни тихо рассмеялся, как смеются южане, и кивнул мне сквозь освещенный луною дым от наших сигарет.

— Не часто приходится слышать такой приятный шум на овечьей ферме,— заметил он.— Но я не вижу причин, почему бы не заниматься искусством и подобными фиоритурами, если вдруг очутился в глуши. Здесь скучная жизнь для женщины, и если немного музыки может ее приукрасить, почему не иметь ее? Я так смотрю на дело.

— Мудрая и благородная теория,— согласился я.— А миссис Кинни хорошо играет. Я не обучен музыкальной науке, но все же могу сказать, что она прекрасный исполнитель. У нее есть техника и незаурядная сила.

Луна, понимаете ли, светила очень ярко, и я увидел на лице Кинни какое-то довольное и сосредоточенное выражение, словно его что-то волновало, чем он хотел поделиться.

— Вы проезжали перекресток «Два Вяза»,— сказал он многообещающе.— Там вы, должно быть, заметили по левую руку заброшенный дом под деревом.

— Заметил,— сказал я.— Вокруг копалось стадо кабанов. По сломанным изгородям было видно, что там никто не живет.

— Вот там-то и началась эта музыкальная

история,— сказал Кинни.— Что ж, пока мы курим, я не прочь рассказать вам ее. Как раз там жил старый Кэл Адамс. У него было около восьмисот мериносов улучшенной породы и дочка — чистый шелк и красива, как новая уздечка на тридцатидолларовой лошади. И само собой разумеется, я был виновен, хотя и заслуживал снисхождения, в том, что торчал у ранчо старого Кэла все время, какое удавалось урвать от стрижки овец и ухода за ягнятами. Звали ее мисс Марилла. И я высчитал по двойному правилу арифметики, что ей суждено стать хозяйкой и владычицей ранчо Ломито, принадлежащего Р. Кинни, эсквайру, где вы сейчас находитесь как желанный и почетный гость.

Надо вам сказать, что старый Кэл ничем не выделялся как овцевод. Это был маленький, сутуловатый hombre[1], ростом с ружейный футляр, с жидкой седой бороденкой и страшно болтливый.

Старый Кэл был до того незначителен в выбранной им профессии, что даже скотопромышленники не питали к нему ненависти. А уж если овцевод не способен выдвинуться настолько, чтобы заслужить враждебность скотоводов, он имеет все шансы умереть неоплаканным и почти что неотпетым.

Но его Марилла была сущей отрадой для глаз, и хозяйка она была хоть куда. Я был их ближайшим соседом и наезжал, бывало, в «Два Вяза» от девяти до шестнадцати раз в неделю то со свежим маслом, то с оленьим окороком, то с новым раствором для мытья овец, лишь бы был хоть пустяковый предлог повидать Мариллу. Мы с ней крепко увлеклись друг другом, и я был совершенно уверен, что заарканю ее и приведу в Ломито. Только она была так пропитана дочерними чувствами к старому Кэлу, что мне никак не удавалось заставить ее поговорить о серьезных вещах.

Вы в жизни не встречали человека, у которого было бы столько познаний и так мало мозгов, как у старого Кэла. Он был осведомлен во всех отраслях знаний, составляющих ученость, и владел основами всех доктрин и теорий. Его нельзя было удивить никакими идеями насчет частей речи или направлений мысли. Можно было подумать, что он профессор погоды, и политики, и химии, и естественной истории, и происхождения видов. О чем бы вы с ним ни заговорили, старый Кэл мог дать вам детальное описание любого предмета, от греческого его корня и до момента его упаковки и продажи на рынке.

Однажды, как раз после осенней стрижки, я заезжаю в «Два Вяза» с журналом дамских мод для Мариллы и научной газетой для старого Кэла.

Привязываю я коня к мескитовому кусту, вдруг вылетает Марилла, до смерти обрадованная какими-то новостями, которые ей не терпится рассказать.

— Ах, Раш! — говорит она, так и пылая от уважения и благодарности.— Подумай только! Папа собирается купить мне пианино. Ну не чудесно ли! Я и не мечтала никогда, что буду иметь пианино.

— Определенно замечательно, — говорю я.— Меня всегда восхищал приятный рев пианино. А тебе оно будет вместо компании. Молодчина, дядюшка Кэл, здорово придумал.

— Я не знаю, что выбрать,— говорит Марилла,— пианино или орган. Комнатный орган тоже неплохо.

— И то и другое,— говорю я,— первоклассная штука для смягчения тишины на овечьем ранчо. Что до меня,— говорю я,— так я не желал бы ничего лучшего, как приехать вечером домой и послушать немного вальсов и джиг и чтобы на табуретке у пианино сидел кто-нибудь твоей комплекции и обрабатывал ноты.

— Ах, помолчи об этом,— говорит Марилла,— и иди в дом. Папа не выезжал сегодня. Ему нездоровится.

Старый Кэл был в своей комнате, лежал на койке. Он сильно простудился и кашлял. Я остался ужинать.

— Я слышал, что вы собираетесь купить Марилле пианино,— говорю я ему.

— Да, Раш, что-нибудь в этом роде,— говорит он.— Она давно изнывает по музыке, а сейчас я как раз могу устроить для нее что-нибудь по этой части. Нынче осенью овцы дали по шесть фунтов шерсти с головы на круг, и я решил добыть Марилле инструмент, если даже на него уйдет вся выручка от стрижки.

— Правильно,— говорю я.— Девочка этого заслуживает.

— Я собираюсь в Сан-Антонио с последней подводой шерсти,— говорит дядюшка Кэл,— и сам выберу для нее инструмент.

— А не лучше ли,— предлагаю я,— взять с собой Мариллу и пусть бы она выбрала по своему вкусу?

Мне следовало бы знать, что после подобного предложения дядюшку Кэла не остановишь. Такой человек, как он, знавший все обо всем, воспринял это как умаление своих познаний.

— Нет, сэр, это не пойдет,— говорит он, теребя свою седую бороденку.— Во всем мире нет лучшего знатока музыкальных инструментов, чем я. У меня был дядя,— говорит он,— который состоял компаньоном фабрики роялей, и я видел, как их собирали тысячами. Я знаю все музыкальные инструменты от органа до свистульки. На свете нет такого человека, сэр, который мог бы сообщить мне что-нибудь новое по части любого инструмента, дуют ли в него, колотят ли, царапают, вертят, щиплют или заводят ключом...

— Купи, что хочешь, па,— говорит Марилла, а сама так и юлит от радости.— Уж ты-то сумеешь выбрать. Пусть будет пианино, или орган, или еще что-нибудь.

— Я как-то видел в Сент-Луисе так называемый оркестрион,— говорит дядюшка Кэл,—

[1] Человек *(исп.)*.

самое, по-моему, замечательное изобретение в области музыки. Но для него в доме нет места. Да и стоит он, надо думать, тысячу долларов. Я полагаю, что Марилле лучше всего подойдет что-нибудь по части пианино. Она два года брала уроки в Бэрдстейле. Нет, только себе я могу доверить покупку инструмента и никому больше. Я так полагаю, что, не возьмись я за разведение овец, я был бы одним из лучших в мире композиторов или фабрикантов роялей и органов.

Таков был дядюшка Кэл. Но я терпел его, потому что он очень уж заботился о Марилле. И она заботилась о нем не меньше. Он посылал ее на два года в пансион в Бэрдстейл, хотя на покрытие расходов уходил чуть ли не последний фунт шерсти.

Помнится, во вторник дядюшка Кэл отправился в Сан-Антонио с последней подводой шерсти. Пока он был в отъезде, из Бэрдстейла приехал дядя Мариллы, Бен, и поселился на ранчо. До Сан-Антонио было девяносто миль, а до ближайшей железнодорожной станции сорок, так что дядюшка Кэл отсутствовал дня четыре. Я был в «Двух Вязах», когда он прикатил домой как-то вечером, перед закатом. На возу определенно что-то торчало,— пианино или орган, мы не могли разобрать,— все было укутано в мешки из-под шерсти, и поверх натянут брезент на случай дождя. Марилла выскакивает и кричит: «Ах, ах!» Глаза у нее блестят и волосы развеваются. «Папочка... Папочка,— поет она,— ты привез его... Привез?» А оно у нее прямо перед глазами. Но женщины иначе не могут.

— Лучшее пианино во всем Сан-Антонио,— говорит дядюшка Кэл, гордо помахивая рукой.— Настоящее розовое дерево, и самый лучший, самый громкий тон, какой только может быть. Я слышал, как на нем играл хозяин магазина; забрал его, не торгуясь, и расплатился наличными.

Мы с Беном, дядя Кэл да еще один мексиканец сняли его с подводы, втащили в дом и поставили в угол. Это был такой стоячий инструмент — не очень тяжелый и не очень большой.

А потом ни с того ни с сего дядюшка Кэл шлепается на пол и говорит, что захворал. У него сильный жар, и он жалуется на легкие. Он укладывается в постель, мы с Беном тем временем распрягаем и отводим на пастбище лошадей, а Марилла суетится, готовя горячее питье дядюшке Кэлу. Но прежде всего она кладет обе руки на пианино и обнимает его с нежной улыбкой, ну, знаете, совсем как ребенок с рождественскими игрушками.

Когда я вернулся с пастбища, Марилла была в комнате, где стояло пианино. По веревкам и мешкам на полу было видно, что она его распаковала. Но теперь она снова натягивала на него брезент, и на ее побледневшем лице было какое-то торжественное выражение.

— Что это ты, Марилла, никак, снова завертываешь музыку?— спрашиваю я.— А ну-ка парочку мелодий, чтобы поглядеть, как оно ходит под седлом.

— Не сегодня, Раш,— говорит она,— я не могу сегодня играть. Папа очень болен. Только подумай, Раш, он заплатил за него триста долларов — почти треть того, что выручил за шерсть.

— Что ж такого, ты стоишь больше любой трети чего бы то ни было,— сказал я.— А потом, я думаю, дядюшка Кэл уж не настолько болен, что не может послушать легкое сотрясение клавишей. Надо же окрестить машину.

— Не сегодня, Раш,— говорит Марилла таким тоном, что сразу видно — спорить с ней бесполезно.

Но что ни говори, а дядюшку Кэла, видно, крепко скрутило. Ему стало так плохо, что Бен оседлал лошадь и поехал в Бэрдстейл за доктором Симпсоном. Я остался на ферме на случай, если что понадобится.

Когда дядюшке Кэлу немного полегчало, он позвал Мариллу и говорит ей:

— Ты видела инструмент, милая? Ну, как тебе нравится?

— Он чудесный, папочка,— говорит она, склоняясь к его подушке.— Я никогда не видала такого замечательного инструмента. Ты такой милый и заботливый, что купил мне его!

— Я не слышал, чтобы ты на нем играла,— говорит дядюшка Кэл.— А я прислушивался. Бок сейчас меня не очень тревожит. Может, сыграешь какую-нибудь вещицу, Марилла?

Но нет, она заговаривает зубы дядюшке Кэлу и успокаивает его, как ребенка. По-видимому, она твердо решила не прикасаться пока к пианино.

Приезжает доктор Симпсон и говорит, что у дядюшки Кэла воспаление легких в самой тяжелой форме; старику было за шестьдесят, и он давно уж начал сдавать, так что шансы были за то, что ему не придется больше гулять по травке.

На четвертый день болезни он снова зовет Мариллу и заводит речь о пианино. Тут же находятся и доктор Симпсон, и Бен, и миссис Бен, и все ухаживают за ним, кто как может.

— У меня бы здорово пошло по части музыки,— говорит дядюшка Кэл.— Я выбрал лучший инструмент, какой можно достать за деньги в Сан-Антонио. Ведь верно, Марилла, что пианино хорошее во всех отношениях?

— Оно просто совершенство, папочка,— говорит она.— Я в жизни не слышала такого прекрасного тона. А не лучше ли тебе соснуть, папочка?

— Нет, нет,— говорит дядюшка Кэл.— Я хочу послушать пианино. Мне кажется, что ты даже не прикасалась к клавишам. Я сам поехал в Сан-Антонио и сам выбрал его для тебя. На него ушла треть всей выручки от осенней стрижки. Но мне не жаль денег, лишь бы было

удовольствие для моей милой девочки. Поиграй мне немножко, Марилла.

Доктор Симпсон помаиил Марнллу в сторону и посоветовал ей исполнить желание дядюшки Кэла, чтобы он успоконлся. И дядя Бен и его жена просили ее о том же.

— Почему бы тебе не отстукать одну-две песеики с глухой педалью?— спрашиваю я Мариллу.— Дядюшка Кэл столько раз тебя проснл. Ему будет здорово прнятно послушать, как ты пересчитываешь клавншн на пианино, которое он купнл для тебя. Почему бы не сыграть, в самом деле?

Но Марилла стоит и молчит, только слезы нз глаз катятся. Потом она подсовывает руки под шею дядюшки Кэла и крепко его обнимает.

— Ну как же, папочка,— услышали мы ее голос,— вчера вечером я очень много играла. Честное слово... я играла. Такой это замечагельный инструмент, что ты даже представить не можешь, как он мне нравится. Вчера вечером я играла «Бонни Дэнди», польку «Наковальня», «Голубой Дунай» и еще массу всяких вещиц. Хоть немножко, но ты, иаверное, слышал, как я играла, ведь слышал, папочка? Мне не хотелось играть громко, пока ты болеи.

— Возможно, возможио,— говорит дядюшка Кэл,— может быть, я и слышал. Может быть, слышал и забыл. Голова у меия какая-то дурная стала. Я слышал, хозяин магазнна прекрасно нграл иа нем. Я очень рад, что тебе оно иравится, Марилла. Да, пожалуй, я сосну иемного, если ты побудешь со мною.

Ну, н задала же мне Марилла загадку. Так носилась она со своим старнком н вдруг не хочет выстукать ни одной иотки на пианнно, которое он ей купил. Я не мог понять, зачем она сказала отцу, что нграла, когда даже брезент не стаскнвала с пианино с тех самых пор, как иакрыла его в первый день. Я знал, что она хоть немножко да умеет играть, потому что слышал одиажды, как она откалывала какую-то довольно приятную танцевальную музыку на старом пианино на ранчо Чарко Ларго.

Ну-с, примерно в неделю воспалеиие легких уходило дядюшку Кэла. Хоронили его в Бэрдстейле, и все мы отправились туда. Я привез Марнллу домой в своей тележке. Ее дядя Бен и его жена собирались побыть с ней несколько дней.

В тот вечер, когда все были на галерее, Марилла отвела меня в комнату, где стояло пианиио.

— Подн сюда, Раш,— говорит она.— Я хочу тебе что-то показать.

Она развязывает веревку и сбрасывает брезеит.

Еслн вы когда-ннбудь ездили на седле без лошадн, или стреляли из незаряженного ружья, нлн напнвались из пустой бутылки, тогда, возможио, вам удалось бы извлечь оперу из инструмеита, куплениого дядюшкой Кэлом. Это было не пианнно, а одна из тех машин, которые изобрели, чтобы при помощи их играть на пианнно. Сама по себе оиа была так же музыкальиа, как дырки флейты без флейты.

Вот какое пианиио выбрал дядюшка Кэл. И возле него стояла добрая, чистая, как первосортная шерсть, девушка, которая так и не сказала ему об этом.

— А то, что вы сейчас слушалн,— заключил мистер Кинни,— было исполнено этой самой подставной музыкальной машиной; только теперь она приткнута к пианино в шестьсот долларов, которое я купил Марилле, как только мы поженились.

ПРИНЦЕССА И ПУМА

Разумеется, ие обошлось без короля и королевы. Король был страшным стариком; он носил шестизарядные револьверы н шпоры и орал таким зычным голосом, что гремучие змеи прерий спешнли спрятаться в свои иоры под кактусами. До коронации его звали Бен Шептун. Когда же он обзавелся пятьюдесятью тысячами акров земли и таким колнчеством скота, что сам потерял ему счет, его стали звать О'Доннел, король скота.

Королева была мексиканка из Ларедо. Из нее вышла хорошая, кроткая жена, и ей даже удалось научить Бена настолько умерять голос в стенах своего дома, что от звука его не разбивалась посуда. Когда Бен стал королем, она полюбила сидеть иа галерее ранчо Эспнноза и плестн тростниковые циновки. А когда богатство стало настолько непреодолимым и угиетающим, что из Сан-Антонио в фургонах привезли мягкие кресла и круглый стол, оиа склонила темноволосую голову и разделила судьбу Данаи.

Во избежание lese majeste[1] вас сначала представили королю и королеве. Но они не играют никакой роли в этом рассказе, который можно иазвать «Повестью о том, как принцесса не растерялась и как лев свалял дурака».

Прннцессой была здравствующая королевская дочь Жозефа О'Доннел. От матерн оиа унаследовала доброе сердце и смуглую субтропическую красоту. От его величества Бена О'Доннела она получила запас бесстрашия, здравый смысл и способность управлять людьми. Стоило приехать издалека, чтобы посмотреть на такое сочетание. На всем скаку Жозефа могла всадить пять пуль из шести в жестянку нз-под томатов, вертящуюся на конце веревки. Она могла часами играть со своим белым котенком, наряжая его в самые нелепые костюмы. Презирая карандаш, она могла высчитать в уме, сколько барыша принесут тысяча пятьсот сорок пять двухлеток, еслн продать нх по восемь долларов пятьдесят центов за голову. Ранчо Эспниоза имеет около сорока миль в длину и

[1] Оскорбление величества (*фр.*).

тридцати в ширину — правда, большей частью арендованной земли. Жозефа обследовала каждую ее милю верхом на своей лошади. Все ковбои на этом пространстве зиали ее в лицо н былн ее вериыми вассаламн. Рнпли Гивнс, старшнй одиой нз ковбойских партнй Эспинозы, увидел ее одиаждды и тут же решил породниться с королевской фамнлией. Самонадеянность? О иет. В те времена иа землях Нуэсес человек был человеком. И в конце концов тнтул «короля скота» вовсе не предполагает королевской крови. Часто ои означает только, что его обладатель иосит корону в знак своих блестящих способностей по части кражи скота.

Одиажды Рнпли Гивнс поехал верхом иа раичо «Два Вяза» справнться о пропавших одиолетках. В обратный путь он тронулся поздио, и солнце уже садилось, когда он достиг переправы Белой Лошадн на реке Нуэсес. От переправы до его лагеря было шестнадцать миль. До усадьбы ранчо Эспиноза — двенадцать. Гивнс утомнлся. Он решил заночевать у переправы.

Река в этом месте образовала красивую заводь. Берега густо поросли большнмн деревьямн и кустаринком. В пятидесяти ярдах от заводи поляну покрывала курчавая мескитовая трава — ужин для коня и постель для всадника. Гнвнс привязал лошадь н разложнл потникн для просушкн. Он сел, прислоиившись к дереву, и свернул папиросу. Из зарослей, окаймлявших реку, вдруг донесся ярoстиый, раскатистый рев. Лошадь заплясала иа привязи и зафыркала, почуяв опасность. Гивнс, продолжая попыхивать папироской, не спеша поднял с землн свой пояс и иа всякнй случай повернул барабаи револьвера. Большая щука громко плеснула в заводн. Маленький бурый кролик обскакал куст «кошачьей лапки» н сел, поводя усамн н насмешливо поглядывая иа Гивнса. Лошадь сиова прннялась щипать траву.

Меры предосторожности не лншни, когда на закате солнца мексиканскнй лев поет сопрано у реки. Может быть, его песня говорит о том, что молодые телята и жнрные барашкн попадаются редко н что он горнт плотоядным желаннем познакомиться с вамн.

В траве валялась пустая жестянка нз-под фруктовых консервов, брошенная здесь какнм-нибудь путником. Увндев ее, Гивнс крякнул от удовольствия. В кармане его куртки, привязанной к седлу, было немного молотого кофе. Черный кофе и папиросы! Чего еще надо ковбою?

В две мииуты Гивнс развел иебольшой веселый костер. Ои взял жестянку н пошел к заводи. Не доходя пятиадцатн шагов до берега, он увидел слева от себя лошадь под дамским седлом, щипавшую траву. А у самой воды поднималась с колен Жозефа О'Доннел. Она только что напилась и теперь отряхивала с ладоней песок. В десяти ярдах справа от нее Гивис увидел мексиканского льва, полускрытого ветвямн саквисты. Его янтарные глаза сверкали голодным огнем; в шести футах от иих видиелся кончик хвоста, вытяиутого прямо, как у пойнтера. Зверь чуть раскачивался на задних лапах, как все представнтелн кошачьей породы перед прыжком.

Гнвис сделал, что мог. Его револьвер валялся в траве, до него было трндцать пять ярдов. с громкнм воплем Гнвнс кинулся между львом и прннцессой.

Схватка, как впоследствин рассказывал Гивнс, вышла короткая н несколько беспорядочная. Прибыв на место атаки, Гнвис увидел в воздухе дымную полосу и услышал два слабых выстрела. Затем сто фунтов мекснканского льва шлепнулись ему иа голову н тяжелым ударом прндавили его к земле. Он помннт, как закричал: «Отпусти, это ие по правнлам!» — и потом выполз из-под льва, как червяк, с набитым травою и грязью ртом н большой шишкой иа затылке в том месте, которым ои стукиулся о корень вяза. Лев лежал неподвнжно. Раздосадованиый Гивнс, подозревая подвох, погрознл льву кулаком н крнкиул: «Подожди, я с тобой еще...» — и тут прншел в себя.

Жозефа стояла на прежием месте, спокойио перезаряжая тридцатнвосьмнкалнбериый револьвер, оправлеииый серебром. Особенной меткостн ей иа этот раз не потребовалось: голова зверя представляла собой более легкую мншень, чем жестянка нз-под томатов, вертящаяся на конце веревкн. На губах девушки и в темиых глазах нграла вызывающая улыбка. Незадачлнвый рыцарь-нзбавитель почувствовал, как фиаско огнем жжет его сердце. Вот где ему представнлся случай, о котором он так мечтал, ио все произошло под знаком Момуса, а не Купндона. Сатнры в лесу уж, наверно, держалнсь за бока, залнваясь озорным беззвучиым смехом. Разыгрывалось иечто вроде водевнля «Сеньор Гнвнс и его забавиый поединок с чучелом льва».

— Это вы, мистер Гивис? — сказала Жозефа своим медлнтельиым томиым контральто. — Вы чуть не испортилн мне выстрела своим криком. Вы не ушнблн себе голову, когда упалн?

— О нет, — спокойно ответил Гнвнс. — Это-то было совсем ие больно.

Он нагнулся, прндавленный стыдом, н вытащил нз-под зверя свою прекрасную шляпу. Она была так смята н нстерзана, словно ее специальио готовнлн для комнческого иомера. Потом ои стал на колени н нежно погладил свирепую, с открытой пастью голову мертвого льва.

— Бедный старый Билл! — горестио воскликнул он.

— Что такое? — резко спросила Жозефа.

— Вы, коиечно, не знали, мисс Жозефа, — сказал Гивнс с вндом человека, в сердце которого великодушне берет верх над горем. — Вы ие внноваты. Я пытался спастн его, но не успел предупреднть вас.

— Кого спастн?

— Да Билла. Я весь день искал его. Ведь он два года был общнм любнмцем у нас в лагере. Бедный старик! Он бы н кролнка не обидел. Ребята просто с ума сойдут, когда услышат. Но

вы-то не знали, что он хотел просто поиграть с вами.

Черные глаза Жозефы упорно жгли его. Рипли Гивис выдержал испытание. Он стоял и задумчиво ерошил свои темно-русые кудри. В глазах его была скорбь, но без примеси нежного укора. Приятные черты его лица явно выражали печаль. Жозефа дрогнула.

— Что же делал здесь ваш любимец?— спросила она, пуская в ход последний довод.— У переправы Белой Лошади нет никакого лагеря.

— Этот разбойник еще вчера удрал из лагеря,— без запинки ответил Гивис.— Удивляться приходится, как его до смерти не напугали койоты. Понимаете, на прошлой неделе Джим Уэбстер, наш конюх, привез в лагерь маленького щенка терьера. Этот щенок буквально отравил Биллу жизнь: он гонял его по всему лагерю, часами жевал его задние лапы. Каждую ночь, когда ложились спать, Билл забирался под одеяло к кому-нибудь из ребят и спал там, скрываясь от щенка. Видно, его довели до отчаяния, а то бы он не сбежал. Он всегда боялся отходить далеко от лагеря.

Жозефа посмотрела на труп свирепого зверя. Гивис ласково похлопал его по страшной лапе, одного удара которой хватило бы, чтобы убить годовалого теленка. По оливковому лицу девушки разлился яркий румянец. Был ли то признак стыда, какой испытывает настоящий охотник, убив недостойную дичь? Взгляд ее смягчился, а опущенные ресницы смахнули с глаз веселую насмешку.

— Мне очень жаль,— сказала она,— но он был такой большой и прыгнул так высоко, что...

— Бедняга Билл проголодался,— перебил ее Гивис, спеша заступиться за покойника.— Мы в лагере всегда заставляли его прыгать, когда кормили. Чтобы получить кусок мяса, он ложился и катался по земле. Увидев вас, он подумал, что вы ему дадите поесть.

Вдруг глаза Жозефы широко раскрылись.

— Ведь я могла застрелить вас!— воскликнула она.— Вы бросились как раз между нами. Вы рисковали жизнью, чтобы спасти своего любимца! Это замечательно, мистер Гивис. Мне нравятся люди, которые любят животных.

Да, сейчас в ее взгляде было даже восхищение. В конце концов из руин позорной развязки рождался герой. Выражение лица Гивиса обеспечило бы ему высокое положение в «Обществе покровительства животным».

— Я их всегда любил,— сказал он,— лошадей, собак, мексиканских львов, коров, аллигаторов...

— Ненавижу аллигаторов!— быстро возразила Жозефа.— Ползучие, грязные твари!

— Разве я сказал «аллигаторов»?— поправился Гивис.— Я, конечно, имел в виду антилоп.

Совесть Жозефы заставила ее пойти еще дальше. Она с видом раскаяния протянула руку. В глазах ее блестели непролитые слезинки.

— Пожалуйста, простите меня, мистер Гивис. Ведь я женщина и сначала, естественно, испугалась. Мне очень, очень жаль, что я застрелила Билла. Вы представить себе не можете, как мне стыдно. Я ни за что не сделала бы этого, если бы знала.

Гивис взял протянутую руку. Он держал ее до тех пор, пока его великодушие не победило скорбь об утраченном Билле. Наконец стало ясно, что он простил ее.

— Прошу вас, не говорите больше об этом, мисс Жозефа. Билл своим видом мог напугать любую девушку. Я уж как-нибудь объясню все ребятам.

— Правда? И вы не будете меня ненавидеть?— Жозефа доверчиво придвинулась ближе к нему. Глаза ее глядели ласково, очень ласково, и в них была пленительная мольба.— Я возненавидела бы всякого, кто убил бы моего котенка. И как смело и благородно с вашей стороны, что вы пытались спасти его с риском для жизни! Очень, очень немногие поступили бы так!

Победа, вырванная из поражения! Водевиль, обернувшийся драмой! Браво, Рипли Гивис!

Спустились сумерки. Конечно, нельзя было допустить, чтобы мисс Жозефа ехала в усадьбу одна. Гивис опять оседлал своего коня, несмотря на его укоризненные взгляды, и поехал с нею. Они скакали рядом по мягкой траве — принцесса и человек, который любил животных. Запахи прерии — запахи плодородной земли и прекрасных цветов — окутывали их сладкими волнами. Вдали на холме затявкали койоты. Бояться нечего! И все же...

Жозефа подъехала ближе. Маленькая ручка, по-видимому, что-то искала. Гивис накрыл ее своей. Лошади шли нога в ногу. Руки медленно сомкнулись, и обладательница одной из них заговорила.

— Я никогда раньше не пугалась,— сказала Жозефа,— но вы подумайте, как страшно было бы встретиться с настоящим диким львом! Бедный Билл! Я так рада, что вы поехали со мной!..

О'Доннел сидел на галерее.

— Алло, Рип!— гаркнул он.— Это ты?

— Он провожал меня,— сказала Жозефа.— Я сбилась с дороги и запоздала.

— Премного обязан,— возгласил король скота.— Заночуй, Рип, а в лагерь поедешь завтра.

Но Гивис не захотел остаться. Он решил ехать дальше, в лагерь. На рассвете нужно было отправить гурт быков. Он простился и поскакал.

Час спустя, когда погасли огни, Жозефа в ночной сорочке подошла к своей двери и крикнула через выложенный кирпичом коридор:

— Слушай, пап, ты помнишь этого мексиканского льва, которого прозвали «Корноухий дьявол»? Того, что задрал Гонсалеса, овечьего пастуха мистера Мартина, и с полсотни телят на ранчо Салада? Так вот, я разделалась с ним сегодня у переправы Белой Лошади. Он прыгнул,

а я всадила ему две пули из моего тридцативосьмикалибериого. Я узнала его по левому уху, которое старик Гоисалес изуродовал ему своим мачете. Ты сам ие сделал бы лучшего выстрела, папа.

— Ты у меия молодчииа!— прогремел Беи Шептуи из мрака королевской опочивальии.

БАБЬЕ ЛЕТО ДЖОНСОНА СУХОГО ЛОГА

Джоисои Сухой Лог встряхиул бутылку. Полагалось перед употреблеиием взбалтывать, так как сера ие растворяется. Затем Сухой Лог смочил малеиькую губку и прииялся втирать жидкость в кожу иа голове у корией волос. Кроме серы, в состав входил еще уксусио-кислый свииец, иастойка стрихииiа и лавровишиевая вода. Сухой Лог вычитал этот рецепт из воскресиой газеты. А теперь иадо объясиить, как случилось, что сильиый мужчииа пал жертвой косметики.

В иедавием прошлом Сухой Лог был овцеводом. При рождеиии он получил имя Гектор, ио впоследствии его переименовали по его ранчо, в отличие от другого Джоисоиа, который разводил овец ииже по течеиию Фрио и иазывался Джоисои Ильмовый Ручей.

Жизнь в обществе овец и по их обычаям под коиец прискучила Джоисоиу Сухому Логу. Тогда ои продал свое раичо за восемиадцать тысяч долларов, перебрался в Саита-Розу и стал вести праздиый образ жизни, как подобает человеку со средствами. Ему было лет тридцать пять или тридцать восемь, он был молчалив и склоиеи к меланхолин, и очеиь скоро из него выработался закоичеииый тнп самой скучиой и удручающей человеческой породы — пожилой холостяк с любимым коиьком. Кто-то угостнл его клубиикой, которой он до тех пор никогда не пробовал,— и Сухой Лог погиб.

Ои купил в Саита-Розе домишко из четырех комиат и иабил шкафы руководствами по выращиваиию клубники. Позади дома был сад; Сухой Лог пустил его весь под клубничиые грядки. Там он и проводил свои дии; одетый в старую серую шерстяную рубашку, штаиы из коричиевой парусины и сапоги с высокими каблуками, он с утра до ночи валялся на раскладиой койке под виргиниским дубом возле кухоииого крыльца и штудировал историю полонившей его сердце пурпуровой ягоды.

Учительница в тамошией школе, мисс Де Витт, находила, что Джонсои, «хотя и ие молод, однако еще весьма представительиый мужчииа». Но жеищииы ие привлекали взоров Сухого Лога. Для него оии были существа в юбках — ие больше; и, завидев развевающийся подол, ои неуклюже приподиимал иад головой тяжелую, широкополую поярковую шляпу и проходил мимо, спеша вериуться к своей возлюблеииой клубнике.

Все это вступление, подобно хорам в древиегреческих трагедиях, имеет едииствеиной целью подвести вас к тому момеиту, когда уже можио будет сказать, почему Сухой Лог встряхивал бутылку с иерастворяющейся серой. Такое уж иетороплпвое и иепрямое дело — история; изломаииая теиь от верстового столба, ложащаяся иа дорогу, по которой мы стремимся к закату.

Когда клубиика начала поспевать, Сухой Лог купил самый тяжелый кучерскнй киут, какой иашелся в деревеиской лавке. Не одии час провел ои под виргииским дубом, сплетая в жгут тонкие ремешки и приращивая к своему кнуту коиец, пока в руках у иего ие оказался бич такой длииы, что им можио было сбить листок с дерева иа расстояиии двадцати футов. Ибо сверкающие глаза юиых обитателей Саита-Розы давио уже следили за созреваиием клубиики, и Сухой Лог вооружался против ожидаемых иабегов. Не так ои лелеял иоворождеииых ягият в свои овцеводческие дии, как теперь свои драгоцениые ягоды, охраияя их от голодиых волков, которые свистали, орали, играли в шарики и запускали хищиые взгляды сквозь изгородь, окружавшую владеиия Сухого Лога.

В соседием доме проживала вдова с миогочислеииым потомством — его-то главиым образом и опасался иаш садовод. В жилах вдовы текла испаиская кровь, а замуж оиа вышла за человека по фамилии О'Брайаи. Сухой Лог был зиатоком по части скрещиваиия пород и предвидел большие иеприятиости от отпрысков этого союза.

Сады разделяла шаткая изгородь, увитая вьюиком и плетями дикой тыквы. И часто Сухой Лог видел, как в просветы между кольями просовывалась то одиа, то другая малеиькая голова с копиой чериых волос и горящими чериыми глазами, ведя счет красиеющим ягодам.

Одиажды под вечер Сухой Лог отправился иа почту. Вериувшись, ои увидел, что сбылись худшие его опасеиия. Потомки испанских баидитов и ирлаидских угоищиков скота всей шайкой учинили иалет иа клубиичиые плаитации. Оскорблеииому взору Сухого Лога представилось, что их там полиым-полио, как овец в загоне; на самом деле их было пятеро или шестеро. Оии сидели на корточках между грядками, перепрыгивалн с места иа место, как жабы, и молча н торопливо пожиралн отбориые ягоды.

Сухой Лог иеслышио отступил в дом, захватил свой кнут н рииулся в атаку на мародеров. Оии н огляиуться ие успели, как ремеииый бич обвился вокруг иог десятилетнего грабителя, орудовавшего ближе всех к дому. Его проиэительный внзг послужил сигналом тревоги — все кииулись к нзгороди, как вспугиутый в чапаррале выводок кабаиов. Бич Сухого Лога исторг у иих иа пути еще иесколько демоиских воплей, а затем оии иырнули под обвитые зелеиью жерди и исчезли.

Сухой Лог, ие столь легкий иа иогу, пресле-

довал их до самой изгороди, но где же их поймать! Прекратив бесцельную погоню, он вышел из-за кустов — и вдруг выронил кнут и застыл на месте, утратив дар слова и движения, ибо все наличные силы его организма ушли в этот миг на то, чтобы кое-как дышать и сохранять равновесие.

За кустом стояла Панчита О'Брайен, старшая из грабителей, не удостоившая обратиться в бегство. Ей было девятнадцать лет, черные, как ночь, кудри спутанным ворохом спадали ей на спину, перехваченные алой лентой. Она ступила уже на грань, отделяющую ребенка от женщины, но медлила ее перешагнуть, детство еще обнимало ее и не хотело выпустить из своих объятий.

Секунду она с невозмутимой дерзостью смотрела на Сухого Лога, затем у него на глазах прикусила белыми зубами сочную ягоду и не спеша разжевала. Затем повернулась и медленной, плавной походкой величественно направилась к изгороди, словно вышедшая на прогулку герцогиня. Тут она опять повернулась, обожгла еще раз Сухого Лога темным пламенем своих нахальных глаз, хихикнула, как школьница, и гибким движением, словно пантера, проскользнула между кольями на ту сторону цветущей изгороди.

Сухой Лог поднял с земли свой кнут и побрел к дому. На кухонном крыльце он споткнулся, хотя ступенек было всего две. Старуха мексиканка, приходившая убирать и стряпать, позвала его ужинать. Не отвечая, он прошел через кухню, потом через комнаты, споткнулся на ступеньках парадного крыльца, вышел на улицу и побрел к мескитовой роще на краю деревни. Там он сел на землю и принялся аккуратно ощипывать колючки с куста опунции. Так он всегда делал в минуты раздумья, усвоив эту привычку еще в те дни, когда единственным предметом его размышлений были ветер, вода и шерсть.

С Сухим Логом стряслась беда — такая беда, что я советую вам, если вы хоть сколько-нибудь годитесь еще в женихи, помолиться богу, чтобы она вас миновала. На него накатило бабье лето.

Сухой Лог не знал молодости. Даже в детстве он был на редкость серьезным и степенным. Шести лет он с молчаливым неодобрением взирал на легкомысленные прыжки ягнят, резвившихся на лугах отцовского ранчо. Годы юности он потратил зря. Божественное пламя, сжигающее сердце, ликующая радость и бездонное отчаяние, все порывы, восторги, муки и блаженства юности прошли мимо него. Страсти Ромео никогда не волновали его грудь; он был меланхолическим Жаком — но с более суровой философией, ибо ее не смягчала горькая сладость воспоминаний, скрашивавших одинокие дни арденнского отшельника. А теперь, когда на Сухого Лога уже дышала осень, один-единственный презрительный взгляд черных очей Панчиты О'Брайен овеял его вдруг запоздалым и обманчивым летним теплом.

Но овцевод — упрямое животное. Сухой Лог столько перенес зимних бурь, что не согласен был теперь отвернуться от погожего летнего дня, мнимого или настоящего. Слишком стар? Ну, это еще посмотрим.

Со следующей почтой в Сан-Антонио был послан заказ на мужской костюм по последней моде со всеми принадлежностями: цвет и покрой по усмотрению фирмы, цена безразлична. На другой день туда же отправился рецепт восстановителя для волос, вырезанный из воскресной газеты, ибо выгоревшая на солнце рыжевато-каштановая шевелюра Сухого Лога начинала уже серебриться на висках.

Целую неделю Сухой Лог просидел дома, не считая частых вылазок против юных расхитителей клубники. А затем, по прошествии еще нескольких дней, он внезапно предстал изумленным взглядам обитателей Санта-Розы во всем горячечном блеске своего осеннего безумия.

Ярко-синий фланелевый костюм облекал его с головы до пят. Из-под него выглядывала рубашка цвета бычьей крови и высокий воротничок с отворотами; пестрый галстук развевался как знамя. Ядовито-желтые ботинки с острыми носами сжимали, как в тисках, его ноги. Крошечное канотье с полосатой лентой оскверняло закаленную в бурях голову. Лимонного цвета лайковые перчатки защищали жесткие как древесина руки от кротких лучей майского солнца. Эта поражающая взор и возмущающая разум фигура, прихрамывая и разглаживая перчатки, выползла из своего логова и остановилась посреди улицы с идиотической улыбкой на устах, пугая людей и заставляя ангелов отвращать лицо свое. Вот до чего довел Сухого Лога Амур, который, когда случается ему стрелять свою дичь вне сезона, всегда заимствует для этого стрелу из колчана Момуса. Выворачивая мифологию наизнанку, он восстал, как отливающий всеми цветами радуги попугай, из пепла серо-коричневого феникса, сложившего усталые крылья на своем насесте под деревьями Санта-Розы.

Сухой Лог постоял на улице, давая время соседям вдоволь на себя налюбоваться, затем, бережно ступая, как того требовали его ботинки, торжественно прошествовал в калитку миссис О'Брайен.

Об ухаживании Сухого Лога за Панчитой О'Брайен в Санта-Розе судачили, не покладая языков, до тех пор, пока одиннадцатимесячная засуха не вытеснила эту тему. Да и как было о нем не говорить; это было никем дотоле не виданное и не поддающееся никакой классификации явление — нечто среднее между кекуоком, красноречием глухонемых, флиртом с помощью почтовых марок и живыми картинами. Оно продолжалось две недели, а затем неожиданно кончилось.

Миссис О'Брайен, само собой разумеется, благосклонно отнеслась к сватовству Сухого Лога, когда он открыл ей свои намерения. Будучи матерью ребенка женского пола, а стало быть, одним из членов учредителей Древнего

Ордеиа Мышеловки, оиа с восторгом прннялась убирать Паичиту для жертвоприношеиия. Ей удлииили платья, а иепокориые кудри уложили в прическу — Паичите даже стало казаться, что оиа и в самом деле взрослая. К тому же приятио было думать, что вот за ией ухаживает иастоящий мужчниа, человек с положеннем и завидиый жеиих, и чувствовать, что, когда они вместе идут по улице, все остальные девушки провожают их взглядом, прячась за заиавесками.

Сухой Лог купил в Саи-Аитонио кабриолет с желтыми колесами и отличиого рысака. Каждый деиь ои возил Паичнту кататься, но нн разу иикто не видал, чтобы Сухой Лог прн этом разговарнвал со своей спутницей. Столь же молчалив бывал ои и во время пешеходных прогулок. Мысль о своем костюме повергала его в смущеиие; увереннность, что ои не может сказать иичего интересного, замыкала ему уста; близость Паичиты иаполняла его иемым блаженством.

Ои водил ее иа вечеринки, на танцы и в церковь. Ои старался быть молодым — от сотвореиня мира иикто, иаверио, не тратнл иа это столько усилий. Таицевать он не умел, но он сочинил себе улыбку и иадевал ее на лицо во всех случаях, когда полагалось веселиться,— н это было для иего таким проявлением резвости, как для другого — пройтись колесом. Он стал искать общества молодых людей, даже мальчиков — и действовал на них как ушат холодной воды; от его потуг на игривость им стаиовилось ие по себе, как будто нм предлагали нграть в чехарду в соборе. Насколько ои преуспел в своих стараннях завоевать сердце Панчиты, этого ни ои сам и ннкто другой не мог бы сказать.

Конец иаступил внезапио — как разом меркиет прнзрачный отблеск вечерней зари, когда дохнёт ноябрьский ветер, несущнй дождь н холод.

В шесть часов вечера Сухой Лог должеи быть зайти за Паичитой и повестн ее иа прогулку. Вечерияя прогулка в Саита-Розе — это такое событне, что являться на нее надо в полном параде. И Сухой Лог загодя начал облачаться в свой ослепительный костюм. Начав рано, он рано и кончнл н не спеша направился в дом О'Брайанов. Дорожка шла к крыльцу не прямо, а делала поворот, и, пока Сухой Лог огибал куст жимолости, до его ушей донеслись звукн буйного веселья. Ои остановился и заглянул сквозь листву в распахиутую дверь дома.

Панчита потешала своих младших братьев и сестер. На ней был пнджак и брюки, должно быть некогда принадлежавшне покойному мистеру О'Брайану. На голове торчком сидела соломенная шляпа самого маленького нз братьев, с бумажной леитой в чернильных полосках. На руках болтались желтые коленкоровые перчатки, специально скроенные и сшнтые для этого случая. Туфлн были обернуты той же материей, так что моглн, пожалуй, сойтн за ботинки нз желтой кожн. Высокнй воротннчок и развевающийся галстук тоже не были забыты.

Панчита была прнрожденной актрисой. Сухой Лог узнал свою нарочито юношескую походку с прнхрамыванием на правую ногу, иатертую тесным башмаком, свою принуждеииую улыбку, свои иеуклюжие попытки играть роль галантиого кавалера — все было передаио с поразительной верностью. Впервые Сухой Лог увндел себя со стороны, словно ему поднеслн вдруг зеркало. И совсем не нужно было подтверждение, которое не замедлнло последовать. «Мама, идн посмотри, как Панчнта представляет мистера Джонсона»,— закричал однн из малышей.

Так тнхо, как только позволялн осмеянные желтые ботннкн, Сухой Лог повернулся и на цыпочках пошел обратио к калитке, а затем к себе домой.

Через двадцать миiут после назиачеиного для прогулки часа Паичита в батистовом белом платье и плоской соломенной шляпе чинно вышла из своей калнтки н проследовала далее по тротуару. У соседнего дома она замедлнла шаги, всем своим видом выражая удивление по поводу столь необычной неаккуратиости своего кавалера.

Тогда дверь в доме Сухого Лога распахиулась, н он сам сошел с крыльца — не раскрашенный во все цвета спектра охотник за улетевшим летом, а восстановленный в правах овцевод. На нем была серая шерстяная рубашка, раскрытая у ворота, штаны нз корнчневой парусины, заправленные в высокне сапогн, н сдвинутое на затылок белое сомбреро. Двадцать лет ему можно было дать нлн пятьдесят — это уже не заботило Сухого Лога. Когда его бледно-голубые глаза встретнлнсь с темным взором Панчиты, в них появился ледяной блеск. Он подошел к калнтке — н остановнлся. Длинной своей рукой он показал на дом О'Брайанов.

— Ступай домой,— сказал он.— Домой, к маме. Надо же быть таким дураком! Как еще меия земля терпит! Иди себе, играй в песочек. Нечего тебе вертеться около взрослых мужчин. Где был мой рассудок, когда я строил нз себя попугая на потеху такой девчонке! Ступай домой н чтобы я больше тебя ие видел. Зачем я все это проделывал, хоть бы кто-иибудь мне объяснил! Ступай домой, а я постараюсь про все это забыть.

Панчнта повиновалась н, не говоря нн слова, медленно пошла к своему дому. Но ндя, она все время оборачивалась назад, и ее большие бесстрашные глаза не отрывалнсь от Сухого Лога. У калитки оиа постояла с минуту, все так же глядя иа иего, потом вдруг повериулась н быстро вбежала в дом.

Старуха Антоння растапливала плиту в кухие. Сухой Лог остановился в дверях н жестко рассмеялся.

— Ну разве ие смешно? — сказал он.— А, Тония? Этакий старый носорог н втюрился в девчонку.

Антоиия кивнула.

— Нехорошо,— глубокомысленно заметила она,— когда чересчур старый любит muchacha.

— Что уж хорошего,— мрачно отозвался Сухой Лог.— Дурость и больше ничего. И вдобавок от этого очень больно.

Он принес в охапке все атрибуты своего безумия — синий костюм, ботинки, перчатки, шляпу — и свалил их на полу у ног Антонии.

— Отдай своему старику,— сказал он.— Пусть в них охотится на антилопу.

Когда первая звезда слабо затеплилась на вечернем небе, Сухой Лог достал свое самое толстое руководство по выращиванию клубники и уселся на крылечке почитать, пока еще светло. Тут ему показалось, что на клубничных грядках маячит какая-то фигура. Он отложил книгу, взял кнут и отправился на разведку.

Это была Панчита. Она незаметно проскользнула сквозь изгородь и успела уже дойти до середины сада. Увидев Сухого Лога, она остановилась и обратила к нему бестрепетный взгляд.

Слепая ярость овладела Сухим Логом. Сознание своего позора переродилось в неудержимый гнев. Ради этого ребенка он выставил себя на посмешище. Он пытался подкупить время, чтобы оно, ради его прихоти, обратилось вспять — и над ним насмеялись. Но теперь он понял свое безумие. Между ним и юностью лежала пропасть, через которую нельзя было построить мост — даже если надеть для этого желтые перчатки. И при виде этой мучительницы, явившейся донимать его новыми проказами, словно озорной мальчишка, злоба наполнила душу Сухого Лога.

— Сказано тебе, не смей сюда ходить!— крикнул он.— Ступай домой!

Панчита подошла ближе.

Сухой Лог щелкнул бичом.

— Ступай домой!— грозно повторил он.— Можешь там разыгрывать свои комедии. Из тебя вышел бы недурной мужчина. Из меня ты сделала такого, что лучше не придумать!

Она подвинулась еще ближе — молча, с тем странным, дразнящим, таинственным блеском в глазах, который всегда так смущал Сухого Лога. Теперь он пробудил в нем бешенство.

Бич свистнул в воздухе. На белом платье Панчиты повыше колена проступила алая полоска.

Не дрогнув, все с тем же загадочным темным огнем в глазах, Панчита продолжала идти прямо к нему, ступая по клубничным грядкам. Бич выпал из его дрожащих пальцев. Когда до Сухого Лога оставался один шаг, Панчита протянула к нему руки.

— Господи! Девочка!..— заикаясь, пробормотал Сухой Лог.— Неужели ты...

Времена года могут иной раз и сдвинуться. И кто знает, быть может, для Сухого Лога настало в конце концов не бабье лето, а самая настоящая весна.

ЕЛКА С СЮРПРИЗОМ

Чероки называли отцом Желтой Кирки. А Желтая Кирка была новым золотоискательским поселком, возведенным преимущественно из неоструганных сосновых бревен и парусины. Чероки был старателем. Как-то раз, пока его ослик утолял голод кварцем и сосновыми шишками, Чероки выворотил киркой самородок в тридцать унций весом. Чероки застолбил участок и тут же — как радушный хозяин и человек с размахом — разослал всем своим друзьям в трех штатах приглашение приехать, разделить с ним его удачу.

Никто из приглашенных не ответил вежливым отказом. Они прикатили с реки Хилы, с Рио-Пекос и с Соленой реки, из Альбукерка и Феникса, из Санта-Фэ и изо всех окрестных старательских лагерей.

Когда около тысячи золотоискателей застолбили участки и обосновались на них, они назвали свое поселение Желтой Киркой, избрали комитет охраны общественного порядка и преподнесли Чероки часовую цепочку из небольших самородков.

Через три часа после окончания церемонии с цепочкой золото на участке Чероки иссякло. Он застолбил не жилу, а карман. Чероки бросил участок и принялся столбить новые — один за другим. Но счастье повернулось к нему спиной. Золотого песка, который он намывал за день, ни разу не хватило, чтобы оплатить его счет в баре. Зато почти у всех приглашенных им старателей дела шли на лад, и Чероки радостно улыбался и поздравлял их с успехом.

В Желтой Кирке подобрался народ, уважавший тех, кто не падает духом от неудачи. Старатели спросили Чероки, что они могут для него сделать.

— Для меня?— сказал Чероки.— Да что ж, небольшая ссуда пришлась бы сейчас в самую пору. Надо, пожалуй, попытать счастья в Марипозе. Если нападу там на хорошую залежь, тут же пришлю вам весточку. Вы же знаете — я не из тех, кто скрывает свою удачу от друзей.

В мае Чероки навьючил свое снаряжение на ослика и повернул его задумчивой мышастосерой мордой на север. Толпа новоселов проводила его до воображаемой городской заставы, и он зашагал дальше, напутствуемый прощальными криками и пожеланиями успеха. Пять фляжек без единого пузырька воздуха между пробкой и содержимым были силком рассованы по его карманам. Чероки просили не забывать, что в Желтой Кирке его всегда будут ждать постель, яичница с салом и горячая вода для бритья, если Фортуна не надумает заглянуть к нему на стоянку в Марипозе, чтобы погреть руки у его костра.

Чероки получил это свое прозвище в соответствии с существовавшей среди старателей номенклатурной системой. Предъявления свидетельства о крещении не требовалось — каж-

дый получал свою кличку и без этого. Имя и фамилия человека считались его личной собственностью, а чтобы его удобнее было кликнуть к стойке и как-то отличить от других облаченных в синие рубахи двуногих, общество присваивало ему какое-нибудь временное звание, титул или прозвище. Повод для этих непредусмотренных законом крестин чаще всего усматривался в личных особенностях каждого. Ко многим без труда приставало название той местности, из которой они, по их словам, прибыли. Некоторые громко и нахально именовали себя «Адамсами», или «Томпсонами», или еще как-нибудь в том же роде, бросая этим тень на свою репутацию. Кое-кто хвастливо и бесстыдно раскрывал свое бесспорно подлинное имя, но это воспринималось как пустое зазнайство и не имело успеха среди старателей. Одному типу, заявившему, что его зовут Честертон Л. К. Белмонт, и предъявившему в доказательство бумаги, категорически предложили покинуть город до захода солнца. Особенно в ходу были клички вроде: «Коротыш», «Криволапый», «Техасец», «Лежебока Билл», «Роджер-Выпивоха», «Хромой Райли», «Судья» и «Эд-Калифорния». Чероки получил свое прозвище потому, что он прожил будто бы некоторое время среди этого индейского племени.

Двадцатого декабря Болди, почтальон, прискакал в Желтую Кирку с потрясающей новостью.

— Как вы думаете, кого я видел в Альбукерке?— спросил Болди, заняв свое место у стойки бара.— Чероки. Разряжен в пух и прах, словно какой-нибудь султан турецкий, и швыряет деньгами направо и налево. Мы с ним погуляли на славу и отпробовали слабительной шипучки, и Чероки оплачивал все счета наложенным платежом. Карманы у него раздулись от денег, как бильярдные лузы, набитые шарами.

— Чероки, должно быть, напал на хорошую жилу,— сказал Эд-Калифорния.— Вот порядочный малый! Я глубоко признателен Чероки за то, что ему наконец повезло.

— Не мешало бы Чероки притопать теперь в Желтую Кирку проведать старых друзей,— заметил кто-то с ноткой огорчения в голосе.— Ну, да так оно всегда бывает. Деньги — лучшее средство, чтоб отшибло память.

— Постойте,— возразил Болди,— я еще не все рассказал. Чероки застолбил трехфутовую жилу там, в Марипозе, и с каждой тонны руды добывал столько золота, что хоть всякий раз кати в Европу. Эту свою жилу он продал одному синдикату и получил сто тысяч долларов чистоганом. После этого он купил себе шубу из новорожденных котиков, и красные сани, и... ну, угадайте, что еще он надумал?

— В карты режется,— высказал предположение Техасец, который не мыслил себе развлечений вне азарта.

— Ах, поцелуй меня скорей, моя красотка!— пропел Коротыш, носивший в кармане чью-то фотографию и не снимавший пунцового галстука даже во время работы на участке.

— Купил пивную,— решил Роджер-Выпивоха.

— Чероки повел меня к себе в комнату,— продолжал Болди,— и кое-что мне показал. У него там целый склад кукол, барабанов, попрыгунчиков, коньков, мешочков с леденцами, хлопушек, заводных барашков и прочей дребедени. И как вы думаете, что он собирается делать со всеми этими бесполезными побрякушками? Нипочем не угадаете. Ну так вот, Чероки мне сказал. Он задумал погрузить все это в свои красные сани и... стойте, стойте, подождите заказывать виски!.. прискакать сюда, в Желтую Кирку, и закатить здешней детворе — ну да, да, здешней детворе!— такую большую рождественскую елку и такой великий кутеж с раздачей Говорящих Кукол и Больших Столярных Наборов для Маленьких Умных Мальчиков, какие не снились еще ни одному сосунку к западу от мыса Гаттераса!

После этих слов минуты на две воцарилось гробовое молчание. Оно было нарушено барменом. Решив, что удобный момент для проявления радушия настал, он двинул по стойке свою батарею стаканов; следом за ними и не столь стремительно поплыла бутылка виски.

— А ты сказал ему?— спросил старатель по кличке Тринидад.

— Да нет,— с запинкой отвечал Болди,— не сказал. Как-то к слову не пришлось. Ведь Чероки уже закупил всю эту муру и уплатил за нее сполна и уж так-то был доволен собой и своей затеей... И мы с ним успели порядком нагрузиться этой самой шипучкой. Нет, я ничего ему не сказал.

— Признаться, я несколько изумлен,— молвил Судья, вешая свою тросточку с ручкой из слоновой кости на стойку бара.— Как мог наш друг Чероки составить себе столь превратное представление о своем, так сказать, родном городе?

— Ну, то ли еще бывает на свете,— возразил Болди.— Чероки уехал отсюда семь месяцев назад. Мало ли что могло случиться за это время. Откуда ему знать, что в городе совсем нет ребятишек и пока не ожидается.

— Да ведь если рассудить,— заметил Эд-Калифорния,— так это даже странно, что никаким ветром их к нам еще не занесло. Может, это потому, что в городе покуда не налажено снабжение сосками и пеленками?

— А для пущего эффекта,— сказал Болди,— Чероки решил сам нарядиться Дедом Морозом. Он раздобыл себе белый парик и бороду, в которых он как две капли воды похож на этого парня Лонгфелло, если судить по портрету в книжке. И потом еще красный, обшитый мехом, исподний балахон, чтобы надевать поверх всего, пару красных рукавиц и круглый красный стоячий колпак с отложным кончиком. Позор да и только, как подумаешь, что все это обмундирование пропадает зазря, когда столько разных Энн и Виллн мечтают об эдаком чуде!

— А когда Чероки думает прибыть сюда со своим товаром?— спросил Трииидад.

— В сочельник утром,— сказал Болди.— И ои хочет, чтобы вы, ребята, приготовили помещеиие, и поставили елку, н пригласили дам помочь иаряжать ее. Но только таких, которые умеют держать язык за зубами,— чтоб полиый был сюрприз для ребят.

Отмечеииое собеседиками прискорбиое состояиие Желтой Кирки соответствовало действительиости. Ни разу ребячий голосок ие порадовал обитателей этого иа скорую руку возведеииого поселка. Ни разу топот резвых детских иожек ие прозвучал иа его едиствениой иемощеиой улице между двумя рядами палаток и бревеичатых хижии. Все это пришло потом. Но в те дии Желтая Кирка была просто затеряииым в горах старательским лагерем, и иикто еще ие видел там горящих ожидаиием плутовских глаз, иетерпеливо встречающих зарю праздиичиого дия, или рук, жадио протяиутых к таииствеииым дарам Деда Мороза, ие слышал восторжеииых кликов по поводу великой зимией радости — елки. Словом, ие было в Желтой Кирке иичего, что могло бы послужить иаградой добросердечиому Чероки за тот ворох добра, который ои туда вез.

Жеищии в Желтой Кирке было всего пять. Из иих три — жеиа пробирщика, хозяйка гостииицы «Счастливая иаходка» и прачка, намывавшая в своем корыте иа уицию золотого песка в деиь,— составляли оседлую часть жеиского иаселеиия поселка. Остальиые две были сестры Спэиглер — мисс Фаишои и мисс Ирма — из «Передвижиого драматического», который играл сейчас в импровизироваииом театре «Ампир». Но детей в поселке ие было. Ииой раз мисс Фаишои исполияла ие без огоиька роль какого-иибудь бойкого подростка, ио создаваемый ею образ был плачевио далек от того детского облика, который рисовался воображеиию как достойиый объект праздиичиых щедрот Чероки.

Рождество приходилось иа четверг. Во вторник утром Трииидад ие пошел работать иа участок, а иаправился к Судье в гостииицу «Счастливая иаходка».

— Желтая Кирка опозорит себя иавеки,— заявил Трииидад,— если мы ие поддержим Чероки в этом его елочиом загуле. Чероки, можио сказать, создал иаш город. Я личио решил кое-что предприиять, чтобы Дед Мороз ие оказался в дураках.

— Это иачииание,— сказал Судья,— встретит всемериую поддержку с моей стороны. Я миогим обязаи Чероки. Одиако я ие вижу путей и средств... собствеиио говоря, отсутствие детей в иашем городе я до этой миисуты склоиеи был рассматривать скорее как благодеяиие... хотя, при сложившихся обстоятельствах... тем ие менее я все-таки ие вижу путей и средств.

— Взгляиите иа меия,— сказал Трииидад,— и вы увидите. Пути и средства стоят перед вами и уже собрались в путь-дорогу. Я сейчас раздобуду упряжку и пригоию иа представлеиие нашего Деда Мороза целый фургои детворы... хотя бы пришлось совершить иалет иа сиротский приют.

— Эврика!— воскликиул Судья.

— Нет, врете!— решительио возразил Трииидад.— Это я иашел. Я когда-то тоже учил латыиь в школе.

— Я буду вас сопровождать,— заявил Судья, размахивая тросточкой.— Тот иебольшой дар речи и ораторские способиости, которыми я обладаю, могут пригодиться иам, когда иужио будет убедить иаших юиых друзей предоставить себя иа иекоторое время иапрокат для осуществлеиия иаших плаиов.

Через час Желтая Кирка была оповещеиа о плаие Трииидада и Судьи и едииодушио его одобрила. Каждый, кому было известио, что где-иибудь в радиусе сорока миль от Желтой Кирки проживает семья с малолетиими отпрысками, поспешил поделиться своими сведеииями. Трииидад тщательио все записал и, ие теряя времеии, отправился иа розыски лошадей н возка.

Первую остаиовку иамечеио было сделать у пятистеииой бревеичатой хижины в двадцати милях от Желтой Кирки. Трииидад покричал у ворот, из хижины вышел хозяии и стал, облокотившись о расшатаииую калитку. На порог высыпала орава ребятишек, порядком оборваниых, ио пышущих здоровьем и сиедаемых любопытством.

— Вот какое дело,— иачал Трииидад.— Мы нз Желтой Кирки. Приехали похнтить у вас детишек иа добровольиых, так сказать, иачалах. Одии из иаших видиых горожаи одержим елочиой маиией и пожелал стать Дедом Морозом. Завтра ои прикатит в город с целым возом разной чепухи, выкрашеииой в красную краску и изготовлеиной в Германии. А у иас в Желтой Кирке самый младший из сорваицов обзавелся уже сорокапятикалибериым револьвером и безопасной бритвой. Так кто же будет кричать «Ох!» и «Ах!», когда иа елке зажгутся свечки? Словом, друг, если вы одолжите иам парочку ребят, мы обещаем возвратить их в полиой сохраииости. В первый деиь Рождества оии будут доставлеиы обратио в лучшем виде и притащат с собой Робиизоиов в красивых переплетах, рога изобилия, красиые барабаиы и прочие веществениые доказательства. Ну, как?

— Другими словами,— вмешался Судья,— мы, впервые со дня осиоваиия иашего иебольшого, но процветающего города, обиаружили его несовершеиство в смысле совершеииого отсутствия в нем иесовершеииолетиих. И ввиду приближеиия того калеидариого срока, когда обычаем предусмотреио иаграждать, так сказать, нежных и юиых различиыми бесполезиыми, ио ходкими предметами...

— Поиятио,— сказал хозяии, умииая большим пальцем табак в трубке.— Не стаиу задерживать вас, джеитльмены. У иас со старухой, скажем прямо, семеро ребятишек. Так вот, я перебрал в уме всю кучу и что-то ие вижу, кого из иих мы могли бы уступить вам для вашей гуляики. Старуха уже иажарила кукурузиых

зерен, а в комоде у нее спрятаны тряпичные куклы, и мы сами думаем кутнуть на праздничках, хотя и по-домашнему, без затей. Словом, мне эта ваша выдумка не очень-то по душе, и я ни одного из своих ребят не уступлю. Премного вам благодарен, джентльмены.

Они покатили под гору, взобрались на другой холм и остановили возок у ранчо Уайли Уилсона. Тринидад изложил свою просьбу. Судья торжественно прогудел партию для второго голоса. Миссис Уайли спрятала двух розовощеких пострелят в складках своей юбки и не улыбнулась до тех пор, пока не увидела, что мистер Уайли смеется и отрицательно качает головой. Опять отказ!

Когда в низине меж холмами начали сгущаться сумерки, Тринидад и Судья уже исчерпали больше половины своего списка — и все впустую. Они заночевали в придорожной гостинице и на заре снова пустились в путь. В возке не прибавилось ни одного седока.

— Я, кажется, начинаю понимать,— сказал Тринидад,— что получить ребенка напрокат на праздники так же трудно, как украсть масло у человека, который собрался есть блины.

— Не подлежит никакому сомнению,— отозвался Судья,— что семейные узы приобретают в этот период года исключительную, так сказать, прочность.

В канун праздника они покрыли тридцать миль, сделали четыре бесплодных остановки и произнесли четыре не имевших успеха воззвания. Детвора везде была на вес золота.

Солнце уже клонилось к закату, когда жена старшего обходчика на какой-то глухой железнодорожной ветке, загородив собой еще одно не подлежащее изъятию сокровище, сказала:

— На Гранитной Стрелке работает сейчас новая буфетчица. У нее, кажется, есть сынишка. Может, она и отпустит его с вами.

В пять часов вечера Тринидад пригнал своих мулов к станции Гранитная Стрелка. Поезд только что отошел, забрав с собой утоливших голод и умиротворенных пассажиров.

На ступеньках железнодорожного буфета они увидели тощего угрюмого мальчонку лет десяти, с папиросой в зубах. В буфете, где пассажиры с налету удовлетворяли свой кочевой аппетит, царил хаос. Молодая, но иссушенная заботами женщина в полном изнеможении сидела, откинувшись на спинку стула. Лицо ее хранило следы своеобразной красоты — той, что никогда не исчезает бесследно, но которую нельзя и вернуть. Тринидад разъяснил ей цель их приезда.

— Да я буду рада, если вы хоть ненадолго заберете с собой Бобби,— устало сказала женщина.— Крутишься тут, как заведенная, с утра до ночи — некогда за ним присмотреть. А он набирается дурных примеров от взрослых. Какие уж тут елки — вот разве что у вас...

Мужчины вышли на крыльцо для переговоров с Бобби. Тринидад в живых красках описал ему роскошную елку с подарками.

— А потом, мой юный друг,— добавил Судья,— сам Дед Мороз явится к вам с дарами, как бы в ознаменование того, как некогда волхвы...

— А, бросьте заливать! Я не ребенок,— насмешливо прищурившись, прервал его Бобби.— Нет никаких Дедморозов. Это вы, дяди, сами покупаете в лавке всякую дрянь и суете ребятам ночью под подушки. И пачкаете каминными щипцами пол — будто Дед Мороз приехал на санях.

— Ну, может, и так,— примирительно сказал Тринидад.— Но елки-то ведь всамделишные. А у нас будет знаешь какая! Как универсальный магазин в Альбукерке — все игрушки не дешевле десяти центов. И барабаны будут, и волчки, и Ноев ковчег, и...

— К черту! — холодно сказал Бобби.— Я с этим давно покончил. Хочу ружье. Не игрушечное, а настоящее, чтоб стрелять диких котов. Так у вас небось не найдется ружья на вашей дурацкой елке?

— Поручиться не могу,— сказал Тринидад дипломатично,— но кто его знает... Поедем с нами, а там видно будет.

Заронив этот слабый луч надежды в душу Бобби, вербовщики вынудили у него согласие пойти навстречу филантропическому порыву Чероки и пустились со своим единственным трофеем в обратный путь.

В Желтой Кирке тем временем помещение пустовавшего склада было превращено в праздничный зал, разукрашенный, как чертоги доброй аризонской феи. Дамы потрудились не зря. Елка, вся в свечках, серебряной мишуре и игрушках, которых хватило бы на добрых два десятка ребят, высилась в центре зала. Когда свечерело, все, снедаемые нетерпением, стали выглядывать на улицу — не покажется ли возок с похитителями детей. Еще в полдень Чероки влетел в поселок на красных санях, заваленных свертками, кульками и коробками самой различной формы и размера. И так был он увлечен выполнением своего бескорыстного замысла, что даже не заметил отсутствия ребят в поселке, а открыть ему глаза на позорное состояние Желтой Кирки ни у кого не хватило духу; к тому же все твердо верили, что Тринидад и Судья сумеют восполнить этот ужасающий пробел.

Когда солнце село, Чероки хитро подмигнул собравшимся и с лукавой улыбкой на обветренном морщинистом лице удалился из зала, прихватив узелок со всем реквизитом Деда Мороза и еще один таинственный пакет с игрушками.

— Как только ребята соберутся,— наказывал он членам добровольного елочного комитета,— зажгите елку и поиграйте с ними в кошки-мышки. А когда у них пойдет дым коромыслом, вот тогда... тогда Дед Мороз потихоньку проскользнет в дверь. Подарков, думается мне, должно хватить.

Дамы порхали вокруг елки, в последний раз перевешивая какие-то украшения, чтобы тут же перевесить их заново. Сестры Спэнглер тоже были здесь: одна в костюме леди Вайолет де Вир, другая — служанки Мари, персонажей из новой пьесы «Невеста рудокопа». Спектакли в театре начинались только в девять часов, и актрисы, с благосклонного разрешения комитета, помогали наряжать елку. Кто-нибудь то и дело выскакивал на крыльцо и прислушивался — не возвращается ли упряжка Тринидада. Тревога росла, ибо надвигалась ночь и пора было зажигать елку, да и Чероки в любую минуту мог, не спросясь, появиться на пороге в полном облачении рождественского Деда.

Но вот на улице заскрипел возок, и «похитители» подъехали к складу. Дамы всполошились и с восторженными восклицаниями бросились зажигать свечки. Мужчины беспокойно прохаживались из угла в угол или стояли небольшими группами, смущенно переминаясь с ноги на ногу.

Тринидад и Судья, истомленные долгими странствиями, вступили в зал, ведя за руку тщедушного, озорного с виду мальчишку. Мальчишка презрительным взглядом исподлобья окинул пестро разряженную елку.

— А где же остальные дети? — вопросила жена пробирщика, игравшая первую скрипку во всех светских начинаниях города.

— Сударыня,— со вздохом отвечал Тринидад,— отправляться на разведку за детьми перед праздником — все равно что искать серебро в известняках. Так называемые родительские чувства — сплошная для меня загадка. Похоже, что папашам и мамашам совершенно безразлично, если их потомство все триста шестьдесят четыре дня в году будет тонуть, объедаться ядовитыми дубовыми орешками, попадать в лапы диких котов или похитителей детей. Но в сочельник оно, вынь да положь, должно отравлять своим присутствием семейные сборища. Этот вот экземпляр, сударыня,— единственное, что нам удалось откопать в результате двухдневных разведок на местности.

— Ах, прелестное дитя! — проворковала мисс Ирма, волоча свой театральный шлейф к середине сцены.

— Отвяжитесь! — хмуро буркнул Бобби.— Кто это — «дитя»? Уж не вы ли?

— Дерзкий мальчишка! — ахнула мисс Ирма, не успев погасить эмалевой улыбки.

— Старались, как могли,— сказал Тринидад.— Обидно за Чероки, да что же поделаешь.

Тут распахнулась дверь, и появился Чероки в традиционном костюме Деда Мороза. Белые космы парика и пышная белая борода закрывали почти все его лицо — видны были только темные, искрившиеся весельем глаза. За спиной он нес мешок.

Все замерли при его появлении. Даже сестры Спэнглер, забыв принять кокетливые позы, с любопытством уставились на высокую фигуру рождественского Деда. Бобби, насупившись, засунув руки в карманы, угрюмо рассматривал нелепое, обвешанное побрякушками дерево. Чероки опустил на пол свой мешок и с удивлением огляделся по сторонам. Быть может, у него мелькнула мысль, что нетерпеливую ватагу ребятишек загнали куда-нибудь в угол, чтобы выпустить оттуда, как только он войдет. Чероки направился к Бобби и протянул ему руку в красной рукавице.

— Поздравляю тебя с праздником, мальчуган,— сказал он.— Можешь брать с елки все, что тебе нравится,— мы сейчас достаем. Ну, давай руку, поздоровайся с Дедом Морозом.

— Нет никаких Дедморозов,— шмыгнув носом, проворчал Бобби.— У тебя фальшивая борода. Из старых козлиных оческов. Я не ребенок. На черта мне эти куклы и оловянные лошадки? Кучер сказал, что дадут ружье. А у тебя его нет. Я хочу домой.

Тринидад пришел на помощь. Он схватил руку Чероки и горячо ее потряс.

— Ты уж прости, Чероки,— сказал он.— Нет у нас в Желтой Кирке никаких ребят, да и сроду не было. Мы надеялись пригнать их целый косяк на твое суарэ, да вот, кроме этой сардинки, ничего не удалось выловить. А он, понимаешь ли, атеист и не верит в рождественских дедов. Нам очень совестно, что ты зря потратился. Да ведь мы с Судьей думали, что притащим сюда целую ораву мелюзги и все твои свистульки пойдут в ход.

— Ну и ладно,— спокойно сказал Чероки.— Подумаешь, какие траты, есть о чем говорить! Свалим все это барахло в старую шахту да и дело с концом. Но надо же быть таким ослом — прямо из головы вон, что в Желтой Кирке нету ребятишек!

Гости меж тем с похвальным усердием, хотя и без особого успеха, делали вид, что веселятся вовсю.

Бобби отошел в угол и уселся на стул. Холодная скука была отчетливо написана на его лице. Чероки, еще не вполне отвыкнув от своей роли, подошел и сел рядом.

— Где ты живешь, мальчик? — вежливо осведомился он.

— На Гранитной Стрелке,— нехотя процедил Бобби.

В зале было жарко. Чероки снял свой колпак, парик и бороду.

— Эй! — несколько оживившись, произнес Бобби.— А ведь я тебя знаю.

— Разве мы с тобой встречались, малыш?

— Не помню. А вот карточку твою я видел. Сто раз.

— Где?

Бобби колебался.

— Дома. На комоде.

— Скажи, пожалуйста, мальчик, а как тебя зовут?

— Роберт Лэмсден. Это материна карточка. Она прячет ее ночью под подушку. Я раз видел даже, как она ее целовала. Вот уж

ни почем бы не стал. Но женщины все на один лад.

Чероки встал и поманил к себе Тринидада.

— Посиди с мальчиком, я сейчас вернусь. Пойду сниму этот балахон и заложу сани. Надо отвезти мальчишку домой.

— Ну, безбожник,— сказал Тринидад, занимая место Чероки.— Ты, брат, значит, настолько одряхлел и всем пресытился, что тебя уже не интересует разная ерунда вроде сластей и игрушек?

— Ты неприятный тип,— язвительно сказал Бобби.— Ты обещал, что будет ружье. А здесь человеку даже покурить нельзя. Я хочу домой.

Чероки пригнал сани к крыльцу, и Бобби водрузили на сиденье. Резвые лошадки бойко рванулись вперед по укатанной снежной дороге. На Чероки была его пятисотдолларовая шуба из новорожденных котиков. Меховая полость приятно грела.

Бобби вытащил из кармана папиросу и принялся чиркать спичкой.

— Брось папиросу!— сказал Чероки спокойно, но каким-то новым голосом.

После некоторого колебания Бобби швырнул папиросу в снег.

— Брось всю коробку,— приказал новый голос.

Мальчик повиновался не сразу, но все же исполнил и этот приказ.

— Эй! — сказал вдруг Бобби.— А ты мне нравишься. Не пойму даже почему. Попробовал бы кто-нибудь так надо мной командовать!

— Послушай, малыш,— сказал Чероки обыкновенным голосом.— А ты не врешь, что твоя мать целовала эту карточку? Ту, что на меня похожа?

— Не вру. Сам видел.

— Ты, кажется, что-то говорил насчет ружья?

— Ну да. А что? Есть у тебя?

— Завтра получишь. С серебряными нашлепками.

Чероки поглядел на часы.

— Половина девятого. Что ж, мы с тобой доберемся до Гранитной Стрелки как раз к празднику, минута в минуту. Тебе не холодно? Садись поближе, сынок.

ОДИН ЧАС ПОЛНОЙ ЖИЗНИ

Существует поговорка, что тот еще не жил полной жизнью, кто не знал бедности, любви и войны. Справедливость такого суждения должна прельстить всякого любителя сокращенной философии. В этих трех условиях заключается все, что стоит знать о жизни. Поверхностный мыслитель, возможно, счел бы, что к этому списку следует прибавить еще и богатство. Но это не так. Когда бедняк находит за подкладкой жилета давным-давно провалившуюся в прореху четверть доллара, он забрасывает лот в такие глубины жизненной радости, до каких не добраться ни одному миллионеру.

По-видимому, так распорядилась мудрая исполнительная власть, которая управляет жизнью, что человек неизбежно проходит через все эти три условия; и никто не может быть избавлен от всех трех.

В сельских местностях эти условия не имеют такого значения. Бедность гнетет меньше, любовь не так горяча, война сводится к дракам из-за соседской курицы или границы участка. Зато в больших городах наш афоризм приобретает особую правдивость и силу, и некоему Джону Гопкинсу досталось в удел испытать все это на себе в сравнительно короткое время.

Квартира Гопкинса была такая же, как тысячи других. На одном окне стоял фикус, на другом сидел блохастый терьер, изнывая от скуки.

Джон Гопкинс был такой же, как тысячи других. За двадцать долларов в неделю он служил в девятиэтажном кирпичном доме, занимаясь не то страхованием жизни, не то подъемниками Бокля, а может быть, педикюром, ссудами, блоками, переделкой горжеток, изготовлением искусственных рук и ног или же обучением вальсу в пять уроков с гарантией. Не наше дело догадываться о призвании мистера Гопкинса, судя по этим внешним признакам.

Миссис Гопкинс была такая же, как тысячи других. Золотой зуб, наклонность к сидячей жизни, охота к перемене мест по воскресеньям, тяга в гастрономический магазин за домашними лакомствами, погоня за дешевкой на распродажах, чувство превосходства по отношению к жилице третьего этажа с настоящими страусовыми перьями на шляпке и двумя фамилиями на двери, тягучие часы, в течение которых она липла к подоконнику, бдительное уклонение от визитов сборщика взносов за мебель, неутомимое внимание к акустическим эффектам мусоропровода — все эти свойства обитательницы нью-йоркского захолустья были ей не чужды.

— Еще один миг, посвященный рассуждениям,— и рассказ двинется с места.

В большом городе происходят важные и неожиданные события. Заворачиваешь за угол и попадаешь острием зонта в глаз старому знакомому из Кутни-Фоллс. Гуляешь в парке, хочешь сорвать гвоздику — и вдруг на тебя нападают бандиты, скорая помощь везет тебя в больницу, ты женишься на сиделке; разводишься, перебиваешься кое-как с хлеба на квас, стоишь в очереди в ночлежку, женишься на богатой наследнице, отдаешь белье в стирку, платишь членские взносы в клуб — и все это в мгновение ока. Бродишь по улицам, кто-то манит тебя пальцем, роняет к твоим ногам платок, на тебя роняют кирпич, лопается трос в лифте или твой банк, ты не ладишь с женой или твой желудок не ладит с готовыми обеда-

ми — судьба швыряет тебя из стороны в сторону, как кусок пробки в вине, откупоренном официантом, которому ты не дал на чай. Город — жизнерадостный малыш, а ты — красная краска, которую он слизывает со своей игрушки.

После уплотненного обеда Джон Гопкинс сидел в своей квартире строгого фасона, тесной, как перчатка. Он сидел на каменном диване и сытыми глазами разглядывал «Искусство на дом» в виде картинки «Буря», прикрепленной кнопками к стене. Миссис Гопкинс вялым голосом жаловалась на кухонный чад из соседней квартиры. Блохастый терьер человеконенавистнически покосился на Гопкинса и презрительно обнажил клыки.

Тут не было ни бедности, ни войны, ни любви; но и к такому бесплодному стволу можно привить эти три основы полной жизни.

Джон Гопкинс попытался вклеить изюминку разговора в пресное тесто существования.

— В конторе ставят новый лифт,— сказал он, отбрасывая личное местоимение,— а шеф начал отпускать бакенбарды.

— Да что ты говоришь! — отозвалась миссис Гопкинс.

— Мистер Уиплз пришел нынче в новом весеннем костюме. Мне очень даже нравится. Такой серый, в...— Он замолчал, вдруг почувствовав, что ему захотелось курить.— Я, пожалуй, пройдусь до угла, куплю себе сигару за пять центов,— заключил он.

Джон Гопкинс взял шляпу и направился к выходу по затхлым коридорам и лестницам доходного дома.

Вечерний воздух был мягок, на улице звонко распевали дети, беззаботно прыгая в такт непонятным словам напева. Их родители сидели на порогах и крылечках, покуривая и болтая на досуге. Как это ни странно, пожарные лестницы давали приют влюбленным парочкам, которые раздували начинающийся пожар, вместо того чтобы потушить его в самом начале.

Табачную лавочку на углу, куда направлялся Джон Гопкинс, содержал некий торговец по фамилии Фрешмейер, который не ждал от жизни ничего хорошего и всю землю рассматривал как бесплодную пустыню. Гопкинс, не знакомый с хозяином, вошел и добродушно спросил «пучок шпината, не дороже трамвайного билета». Этот неуместный намек только усугубил пессимизм Фрешмейера; однако он предложил покупателю товар, довольно близко отвечавший требованию. Гопкинс откусил кончик сигары и закурил ее от газового рожка. Сунув руку в карман, чтобы заплатить за покупку, он не нашел там ни цента.

— Послушайте, дружище, — откровенно объяснил он.— Я вышел из дому без мелочи. Я вам заплачу в первый же раз, как буду проходить мимо.

Сердце Фрешмейера дрогнуло от радости. Этим подтверждалось его убеждение, что весь мир — сплошная мерзость, а человек есть ходячее зло. Не говоря худого слова, он обошел вокруг прилавка и с кулаками набросился на покупателя. Гопкинс был не такой человек, чтобы капитулировать перед впавшим в пессимизм лавочником. Он моментально подставил Фрешмейеру золотисто-лиловый синяк под глазом в уплату за удар, нанесенный сгоряча любителем наличных.

Стремительная атака неприятеля отбросила Гопкинса на тротуар. Там и разыгралось сражение: мирный индеец со своей деревянной улыбкой был повержен в прах, и уличные любители побоищ столпились вокруг, созерцая этот рыцарский поединок.

Но тут появился неизбежный полисмен, что предвещало неприятности и обидчику и его жертве. Джон Гопкинс был мирный обыватель и по вечерам сидел дома, решая ребусы, однако он был не лишен того духа сопротивления, который разгорается в пылу битвы. Он повалил полисмена прямо на выставленные бакалейщиком товары, а Фрешмейеру дал такую затрещину, что тот пожалел было, зачем он не завел обыкновения предоставлять хотя бы некоторым покупателям кредит до пяти центов. После чего Гопкинс бросился бегом по тротуару, а в погоню за ним — табачный торговец и полисмен, мундир которого наглядно доказывал, почему на вывеске бакалейщика было написано: «Яйца дешевле, чем где-либо в городе».

На бегу Гопкинс заметил, что по мостовой, держась наравне с ним, едет большой низкий гоночный автомобиль красного цвета. Автомобиль подъехал к тротуару, и человек за рулем сделал Гопкинсу знак садиться. Он вскочил на ходу и повалился на мягкое оранжевое сиденье рядом с шофером. Большая машина, фыркая все глуше, летела, как альбатрос, уже свернув с улицы на широкую авеню.

Шофер вел машину, не говоря ни слова. Автомобильные очки и дьявольский наряд водителя маскировали его как нельзя лучше.

— Спасибо, друг,— благодарно обратился к нему Гопкинс.— Ты, должно быть, и сам честный малый, тебе противно глядеть, когда двое нападают на одного. Еще немножко, и мне пришлось бы плохо.

Шофер и ухом не повел — будто не слышал. Гопкинс передернул плечами и стал жевать сигару, которую так и не выпускал из зубов в продолжение всей свалки.

Через десять минут автомобиль влетел в распахнутые настежь ворота изящного особняка и остановился. Шофер выскочил из машины и сказал:

— Идите скорей. Мадам объяснит все сама. Вам оказывают большую честь, мсье. Ах, если бы мадам поручила это Арману! Но нет, я всего-навсего шофер.

Оживленно жестикулируя, шофер провел Гопкинса в дом. Его впустили в небольшую, но роскошно убранную гостиную. Навстречу им поднялась дама, молодая и прелестная, как

видение. Ее глаза горели гневом, что было ей весьма к лицу. Тоненькие, как ниточки, сильно изогнутые брови красиво хмурились.

— Мадам,— сказал шофер, низко кланяясь,— имею честь докладывать, что я был у мсье Лонга и не застал его дома. На обратном пути я увидел, что вот этот джентльмен, как это сказать, бьется с неравными силами — на него напали пять... десять... тридцать человек, и жандармы тоже. Да, мадам, он, как это сказать, побил одного... три... восемь полисменов. Если мсье Лонга нет дома, сказал я себе, то этот джентльмен так же сможет оказать услугу мадам, и я привез его сюда.

— Очень хорошо, Арман,— сказала дама,— можете идти.— Она повернулась к Гопкинсу.

— Я посылала шофера за моим кузеном, Уолтером Лонгом. В этом доме находится человек, который обращался со мной дурно и оскорбил меня. Я пожаловалась тете, а она смеется надо мной. Арман говорит, что вы храбры. В наше прозаическое время мало таких людей, которые были бы и храбры и рыцарски благородны. Могу ли я рассчитывать на вашу помощь?

Джон Гопкинс сунул окурок сигары в карман пиджака и, взглянув на это очаровательное существо, впервые в жизни ощутил романтическое волнение. Это была рыцарская любовь, вовсе не означавшая, что Джон Гопкинс изменил квартирке с блохастым терьером и своей подруге жизни. Он женился на ней после пикника, устроенного вторым отделением союза этикетчиц, поспорив со своим приятелем Билли Макманусом на новую шляпу и порцию рыбной солянки. А с этим неземным созданием, которое молило его о помощи, не могло быть и речи о солянке; что же касается шляп, то лишь золотая корона с брильянтами была ее достойна!

— Слушайте,— сказал Джон Гопкинс,— вы мне только покажите этого парня, который действует вам на нервы. До сих пор я, правда, не интересовался драками, но нынче вечером никому не спущу.

— Он там,— сказала дама, указывая на закрытую дверь.— Идите. Вы уверены, что не боитесь?

— Я?— сказал Джон Гопкинс.— Дайте мне только розу из вашего букета, ладно?

Она дала ему красную-красную розу. Джон Гопкинс поцеловал ее, воткнул в жилетный карман, открыл дверь и вошел в комнату. Это была богатая библиотека, освещенная мягким, но сильным светом. В кресле сидел молодой человек, погруженный в чтение.

— Книжки о хорошем тоне — вот что вам нужно читать,— резко сказал Джон Гопкинс.— Подите-ка сюда, я вас проучу. Да как вы смеете грубить даме?

Молодой человек слегка изумился, после чего он томно поднялся с места, ловко схватил Гопкинса за руки и, невзирая на сопротивление, повел его к выходу на улицу.

— Осторожнее, Ральф Бранскомб!— воскликнула дама, которая последовала за ними.— Обращайтесь осторожней с человеком, который доблестно пытался защитить меня.

Молодой человек тихонько вытолкнул Джона Гопкинса на улицу и запер за ним дверь.

— Бесс,— сказал он спокойно,— напрасно ты читаешь исторические романы. Каким образом попал сюда этот субъект?

— Его привез Арман,— сказала молодая дама.— По-моему, это такая низость с твоей стороны, что ты не позволил мне взять сенбернара. Вот потому я и послала Армана за Уолтером. Я так рассердилась на тебя.

— Будь благоразумна, Бесс,— сказал молодой человек, беря ее за руку.— Эта собака опасна. Она перекусала уже нескольких человек на псарне. Пойдем лучше скажем тете, что мы теперь в хорошем настроении.

И они ушли рука об руку.

Джон Гопкинс подошел к своему дому. На крыльце играла пятилетняя дочка швейцара. Гопкинс дал ей красивую красную розу и поднялся к себе.

Миссис Гопкинс лениво завертывала волосы в папильотки.

— Купил себе сигару?— спросила она равнодушно.

— Конечно,— сказал Гопкинс,— и еще прошелся немножко по улице. Вечер хороший.

Он уселся на каменный диван, достал из кармана окурок сигары, закурил его и стал рассматривать грациозные фигуры на картинке «Буря», висевшей против него на стене.

— Я тебе говорил про костюм мистера Уиплза,— сказал он.— Такой серый, в мелкую, совсем незаметную клеточку, и сидит отлично.

ПЕРСИКИ

Медовый месяц был в разгаре. Квартирку украшал новый ковер самого яркого красного цвета, портьеры с фестонами и полдюжины глиняных пивных кружек с оловянными крышками, расставленные в столовой на выступе деревянной панели. Молодым все еще казалось, что они парят в небесах. Ни он, ни она никогда не видали, «как примула желтеет в траве у ручейка»; но если бы подобное зрелище представилось их глазам в указанный период времени, они бесспорно усмотрели бы в нем — ну, все то, что, по мнению поэта, полагается усмотреть в цветущей примуле настоящему человеку.

Новобрачная сидела в качалке, а ее ноги опирались на земной шар. Она утопала в розовых мечтах и в шелку того же оттенка. Ее занимала мысль о том, что говорят по поводу ее свадьбы с Малышом Мак-Гарри в Гренландии, Белуджистане и на острове Тасмания. Впрочем, особого значения это не имело. От Лондона до созвездия Южного Креста не нашлось бы боксера полусреднего веса, способного

продержаться четыре часа — да что часа! четыре раунда — против Малыша Мак-Гарри. И вот уже три недели, как он принадлежит ей; и достаточно прикосновения ее мизинца, чтобы заставить покачнуться того, против кого бессильны кулаки прославленных чемпионов ринга.

Когда любим мы сами, слово «любовь» — синоним самопожертвования и отречения. Когда любят соседи, живущие за стеной, это слово означает самомнение и нахальство.

Новобрачная скрестила свои ножки в туфельках и задумчиво поглядела на потолок, расписанный купидонами.

— Милый,— произнесла она с видом Клеопатры, высказывающей Антонию пожелание, чтобы Рим был доставлен ей на дом в оригинальной упаковке.— Милый, я, пожалуй, съела бы персик.

Малыш Мак-Гарри встал и надел пальто и шляпу. Он был серьезен, строен, сентиментален и сметлив.

— Ну что ж,— сказал он так хладнокровно, как будто речь шла всего лишь о подписании условий матча с чемпионом Англии.— Сейчас пойду принесу.

— Только ты недолго,— сказала новобрачная.— А то я соскучусь без своего гадкого мальчика. И смотри, выбери хороший, спелый.

После длительного прощанья, не менее бурного, чем если бы Малышу предстояло чреватое опасностями путешествие в дальние страны, он вышел на улицу.

Тут он призадумался, и не без оснований, так как дело происходило ранней весной и казалось маловероятным, чтобы где-нибудь в промозглой сырости улиц и в холоде лавок удалось обрести вожделенный сладостный дар золотистой зрелости лета.

Дойдя до угла, где помещалась палатка итальянца, торгующего фруктами, он остановился и окинул презрительным взглядом горы завернутых в папиросную бумагу апельсинов, глянцевитых, румяных яблок и бледных, истосковавшихся по солнцу бананов.

— Персики есть?— обратился он к соотечественнику Данте, влюбленнейшего из влюбленных.

— Нет персиков, синьор,— вздохнул торговец.— Будут разве только через месяц. Сейчас не сезон. Вот апельсины есть хорошие. Возьмите апельсины?

Малыш не удостоил его ответом и продолжал поиски. Он направился к своему давнишнему другу и поклоннику, Джастесу О'Кэллэхэну, содержателю предприятия, которое соединяло в себе дешевый ресторанчик, ночное кафе и кегельбан. О'Кэллэхэн оказался на месте. Он расхаживал по ресторану и наводил порядок.

— Срочное дело, Кэл,— сказал ему Малыш.— Моей старушке взбрело на ум полакомиться персиком. Так что если у тебя есть хоть один персик, давай его скорей сюда. А если они у тебя водятся во множественном числе, давай несколько — пригодятся.

— Весь мой дом к твоим услугам,— отвечал О'Кэллэхэн.— Но только персиков ты в нем не найдешь. Сейчас не сезон. Даже на Бродвее и то, пожалуй, не достать персиков в эту пору года. Жаль мне тебя. Ведь если у женщины на что-нибудь разгорелся аппетит, так ей подавай именно это, а не другое. Да и час поздний, все лучшие фруктовые магазины уже закрыты. Но, может быть, твоя хозяйка помирится на апельсине? Я как раз получил ящик отборных апельсинов, так что если...

— Нет, Кэл, спасибо. По условиям матча требуются персики, и замена не допускается. Пойду искать дальше.

Время близилось к полуночи, когда Малыш вышел на одну из западных авеню. Большинство магазинов уже закрылось, и в тех, которые еще были открыты, его чуть ли не на смех поднимали, как только он заговаривал о персиках.

Но где-то там, за высокими стенами, сидела новобрачная и доверчиво дожидалась заморского гостинца. Так неужели же чемпион в полусреднем весе не раздобудет ей персика? Неужели он не сумеет перешагнуть через преграды сезонов, климатов и календарей, чтобы порадовать свою любимую сочным желтым или розовым плодом?

Впереди показалась освещенная витрина, переливавшаяся всеми красками земного изобилия. Но не успел Малыш заприметить ее, как свет погас. Он помчался во весь дух и настиг фруктовщика в ту минуту, когда тот запирал дверь лавки.

— Персики есть?— спросил он решительно.

— Что вы, сэр! Недели через две-три, не раньше. Сейчас вы их во всем городе не найдете. Если где-нибудь и есть несколько штук, так только тепличные, и то не берусь сказать, где именно. Разве что в одном из самых дорогих отелей, где люди не знают, куда девать деньги. А вот, если угодно, могу предложить превосходные апельсины, только сегодня пароходом доставлена партия.

Дойдя до ближайшего угла, Малыш с минуту постоял в раздумье, потом решительно свернул в темный переулок и направился к дому с зелеными фонарями у крыльца.

— Что, капитан здесь?— спросил он у дежурного полицейского сержанта.

Но в это время сам капитан вынырнул из-за спины дежурного. Он был в штатском и имел вид чрезвычайно занятого человека.

— Здорово, Малыш!— приветствовал он боксера.— А я думал, вы совершаете свадебное путешествие.

— Вчера вернулся. Теперь я вполне оседлый гражданин города Нью-Йорка. Пожалуй, даже займусь муниципальной деятельностью. Скажите-ка мне, капитан, хотели бы вы сегодня ночью накрыть заведение Денвера Дика?

— Хватились!— сказал капитан, покручивая ус.— Денвера прихлопнули еще два месяца назад.

— Правильно,— согласился Малыш.— Два

месяца назад Раффертн выкурнл его с Сорок третьей улицы. А теперь он обосновался в вашем околотке н нгра у него ндет крупнёй, чем когда-либо. У меня с Денвером свон счеты. Хотите, проведу вас к нему?

— В моем околотке?— зарычал капнтан.— Вы в этом уверены, Малыш? Если так, сочту за большую услугу с вашей стороны. А вам что, известен пароль? Как мы попадем туда?

— Взломав дверь,— сказал Малыш.— Ее еще не успелн оковать железом. Возьмнте с собой человек десять. Нет, мне туда вход закрыт. Денвер пытался меня прнкончить. Он думает, что это я выдал его в прошлый раз. Но, между прочим, он ошнбается. Однако поторопитесь, капитан. Мне нужно пораньше вернуться домой.

И десяти минут не прошло, как капитан н двенадцать его подчнненных, следуя за своим проводннком, уже входили в подъезд темного н вполне благопрнстойного с вниду здання, где в дневное время вершнлн свон дела с десяток солидных фнрм.

— Третий этаж, в конце коридора,— негромко сказал Малыш.— Я пойду вперед.

Двое дюжих молодцов, вооруженных топорамн, встали у двери, которую он нм указал.

— Там как будто все тнхо,— с сомненнем в голосе произнес капнтан.— Вы уверены, что не ошнблнсь. Малыш?

— Ломайте дверь,— вместо ответа скомандовал Малыш.— Еслн я ошнбся, я отвечаю.

Топоры с треском врезалнсь в незащнщенную дверь. Через проломы хлынул яркнй свет. Дверь рухнула, н участннкн облавы с револьверами наготове ворвалнсь в помещенне.

Просторная зала была обставлена с крикливой роскошью, отвечавшей вкусам хозянна, уроженца Запада. За несколькнмн столамн шла нгра. С полсотнн завсегдатаев, находнвшихся в зале, бросилнсь к выходу, желая любой ценой ускользнуть нз рук полнции. Заработалн полицейскне дубннкн. Однако большинству нгроков удалось уйтн.

Случилось так, что в эту ночь Денвер Днк удостонл прнтон свонм лнчным прнсутствием. Он н кинулся первым на непрошеных гостей, рассчитывая, что чнсленный перевес позволнт сразу смять участников облавы. Но с той минуты, как он увндел средн ннх Малыша, он уже не думал больше нн о ком н нн о чем. Большой н грузный, как настоящнй тяжеловес, он с восторгом навалнлся на своего более хрупкого врага, н оба, сцепившнсь, покатнлнсь по лестннце вниз. Только на площадке второго этажа, когда онн, наконец, расцепнлнсь н встали на ногн, Малыш смог пустнть в ход свое профессиональное мастерство, остававшееся без применения, пока его стнскнвал в яростном объятни любнтель сильных ощущений весом в двести фунтов, которому грознла потеря нмущества стонмостью в двадцать тысяч долларов.

Уложив своего протнвнлка, Малыш бросился наверх н, пробежав через нгорную залу, очутился в комнате поменьше, отделенной от залы аркой.

Здесь стоял длнннный стол, уставленный ценным фарфором н серебром и ломнвшийся от дорогих н изысканных яств, к которым, как принято считать, питают пристрастие рыцари удачи. В убранстве стола тоже сказывался широкнй размах и экзотические вкусы джентльмена, прнходившегося тезкой столице одного из западных штатов.

Из-под свисающей до полу белоснежной скатерти торчал лакнрованный штиблет сорок пятого размера. Малыш ухватнлся за него н нзвлек на свет божий негра-офнцианта во фраке н белом галстуке.

— Встань!— скомандовал Малыш.— Ты состоишь при этой кормушке?

— Да, сэр, я состоял. Неужелн нас опять сцапали, сэр?

— Похоже на то. Теперь отвечай: есть у тебя тут персикн? Если нет, то, значит, я получил нокаут.

— У меня было три дюжины персиков, сэр, когда началась нгра, но боюсь, что джентльмены съели все до одного. Может быть, вам угодно скушать хорошнй, свежий апельснн, сэр?

— Переверни все вверх дном,— строго приказал Малыш,— но чтобы у меня были персикн. И пошевелнвайся, не то дело кончнтся плохо. Еслн еще кто-нибудь сегодня заговорит со мной об апельсннах, я из него дух вышибу.

Тщательный обыск на столе, отягощенном дорогостоящнмн щедротамн Денвера Дика, помог обнаружнть один-едннственный персик, случайно пощаженный эпикурейскими челюстямн любнтелей азарта. Он тут же был водворен в карман Малыша, н наш неутомимый фуражир пустнлся со своей добычей в обратный путь. Выйдя на улицу, он даже не взглянул в ту сторону, где люди капитана вталкнвали свонх пленников в полнцейский фургон, н быстро зашагал по направлению к дому.

Легко было теперь у него на душе. Так рыцарн Круглого Стола возвращались в Камелот, испытав много опасностей и совершив немало подвигов во славу свонх прекрасных дам. Подобно нм, Малыш получил приказание от своей дамы н сумел его выполннть. Правда, дело касалось всего только персика, но разве не подвнгом было раздобыть средн ночи этот персик в городе, еще скованном февральскнмн снегамн? Она попроснла персик, она была его женой; н вот персик лежит у него в кармане, согретый ладонью, которою он придержнвал его из страха, как бы не выронить и не потерять.

По дороге Малыш зашел в ночную аптеку и сказал хозянну, вопросительно уставившемуся на него сквозь очки:

— Послушайте, любезнейший, я хочу, чтобы вы проверилн мон ребра, все ли они целы. У

меия вышла маленькая размолвка с приятелем, н мне пришлось сосчитать ступенн на одном нлн двух этажах.

Аптекарь вннмательно осмотрел его.

— Ребра все целы,— гласило выиесеииое нм заключенне.— Но вот здесь имеется кровоподтек, судя по которому можно предположить, что вы свалились с небоскреба «Утюг», н ие одии раз, а по меньшей мере дважды.

— Не имеет значення,— сказал Малыш.— Я только попрошу у вас платяную щетку.

В уютном свете лампы под розовым абажуром сидела новобрачная н ждала. Нет, не перевелись еще чудеса иа белом свете. Ведь вот одно лишь словечко о том, что ей чего-то хочется — пусть это будет самый пустяк: цветочек, граиат нли — ах да, перснк,— и ее супруг отважно пускается в иочь, в широкий мир, который ие в силах против него устоять, н ее желаиие исполняется.

И в самом деле — вот он склоиился над ее креслом н вкладывает ей в руку перснк.

— Гадкий мальчнк!— влюбленно проворковала она.— Разве я просила персик? Я бы гораздо охотнее съела апельснн.

Благословеииа будь, новобрачная!

ПОКА ЖДЕТ АВТОМОБИЛЬ

Как только иачало смеркаться, в этот тихнй уголок тихого малеиького парка опять пришла девушка в сером платье. Оиа села на скамью и открыла кннгу, так как еще с полчаса можно было читать при диевиом свете.

Повторяем: оиа была в простом сером платье — простом ровио иастолько, чтобы ие бросалась в глаза безупречность его покроя н стнля. Негустая вуаль спускалась с шляпки в виде тюрбаиа иа лицо, сиявшее спокойной, строгой красотой. Девушка приходнла сюда в это же самое время н вчера н позавчера, н был некто, кто зиал об этом.

Молодой человек, зиавшнй об этом, бродил неподалеку, возлагая жертвы на алтарь Случая, в иадежде иа милость этого велнкого идола. Его благочестне было вознаграждено,— девушка перевериула страиицу, книга выскользиула у иее из рук н упала, отлетев от скамьн иа целых два шага.

Не теряя нн секунды, молодой человек алчно риулся к яркому томнку н подал его девушке, строго прндержнваясь того стнля, который укоренился в нашнх парках и другнх общественных местах и представляет собой смесь галаитностн с надеждой, умеряемых почтением к постовому полисмену на углу. Прнятиым голосом ои рискнул отпустнть незначительное замечание отиосительио погоды — обычиая вступительиая тема, ответствеиная за миогие иесчастья на земле,— и замер иа месте, ожидая своей участи.

Девушка ие спеша окинула взглядом его скромный аккуратный костюм н лицо, не отличавшееся особой выразнтельностью.

— Можете сесть, еслн хотнте,— сказала она глубокнм, нетороплнвым контральто.— Право, мие даже хочется, чтобы вы сели. Все равно уже темно н чнтать трудно. Я предпочитаю поболтать.

Раб Случая с готовиостью опустнлся иа скамью.

— Известно лн вам,— начал он, изрекая формулу, которой обычно открывают мнтинг ораторы в парке,— что вы самая что нн на есть потрясающая девушка, какую я когдалнбо видел? Я вчера не спускал с вас глаз. Или вы, деточка, даже не заметнли, что коекто совсем одурел от вашнх прелестных глазеиок?

— Кто бы ни были *вы*,— пронзиесла девушка ледяным тоном,— прошу не забывать, что я — ледн. Я прощаю вам слова, с которымн вы только что обратнлнсь ко мне,— заблуждение ваше, несомненно, вполне естествеино для человека вашего круга. Я предложила вам сесть; если мое прнглашение позволяет вам называть меия «деточкой», я беру его назад.

— Ради бога, простите,— взмолился молодой человек. Самодовольство, написаииое иа его лице, сменнлось выраженнем смнрення н раскаяиия.— Я ошнбся; поннмаете, я хочу сказать, что обычно девушкн в парке... вы этого, конечио, не знаете, ио...

— Оставнм эту тему. Я, конечио, это знаю. Лучше расскажите мне об всех этих людях, которые проходят мнмо нас, каждый своим путем. Куда ндут онн? Почему так спешат? Счастливы ли они?

Молодой человек мгновенно утратил игрнвый вид. Он ответнл не сразу — трудно было поиять, какая собственно роль ему предназначена.

— Да, очеиь интересно иаблюдать за инми,— промямлил он, решнв, накоиец, что постиг настроение своей собеседннцы.— Чудесная загадка жизни. Одии ндут ужннать, другне... гм... в другне места. Хотелось бы узнать, как они жнвут.

— Мне — нет,— сказала девушка.— Я не настолько любознательна. Я прнхожу сюда посндеть только за тем, чтобы хоть неиадолго стать ближе к великому, трепещущему сердцу человечества. Моя жнзнь проходнт так далеко от него, что я ннкогда не слышу его бнення. Скажнте, догадываетесь лн вы, почему я так говорю с вамн, мнстер...

— Паркенстэкер, — подсказал молодой человек н взглянул вопроснтельно н с надеждой.

— Нет,— сказала девушка, подняв тонкий пальчик н слегка улыбнувшись.— Оиа слишком хорошо нзвестна. Нет ннкакой возможиостн помешать газетам печатать некоторые фамнлнн. И даже портреты. Эта вуалетка н шляпа моей горннчной делают меня «инкогнито». Если бы вы знални, как смотрит на меня шофер всякий раз, как думает, что я не замечаю его взглядов. Скажу откровенно: существует всего пять нлн шесть фамнлнй, принадлежа-

щих к святая святых; и моя, по случайности рождения, входит в их число. Я говорю все это вам, мистер Стекенпот...

— Паркенстэкер,— скромно поправил молодой человек.

—...мистер Паркенстэкер, потому что мне хотелось хоть раз в жизни поговорить с естественным человеком — с человеком, не испорченным презренным блеском богатства и так называемым «высоким общественным положением». Ах, вы не поверите, как я устала от денег — вечно деньги, деньги! И от всех, кто окружает меня,— все пляшут, как марионетки, и все на один лад. Я просто больна от развлечений, бриллиантов, выездов, общества, от роскоши всякого рода.

— А я всегда был склонен думать,— осмелился нерешительно заметить молодой человек,— что деньги, должно быть, все-таки недурная вещь.

— Достаток в средствах, конечно, желателен. Но когда у вас столько миллионов, что...— она заключила фразу жестом отчаяния.— Однообразие, рутина,— продолжала она,— вот что нагоняет тоску. Выезды, обеды, театры, балы, ужины — и на всем позолота бьющего через край богатства. Порою даже хруст льдинки в моем бокале с шампанским способен свести меня с ума.

Мистер Паркенстэкер, казалось, слушал ее с неподдельным интересом.

— Мне всегда нравилось,— проговорил он,— читать и слушать о жизни богачей и великосветского общества. Должно быть, я немножко сноб. Но я люблю обо всем иметь точные сведения. У меня составилось представление, что шампанское замораживают в бутылках, а не кладут лед прямо в бокалы.

Девушка рассмеялась мелодичным смехом — его замечание, видно, позабавило ее от души.

— Да будет вам известно,— объяснила она снисходительным тоном,— что мы, люди праздного сословия, часто развлекаемся именно тем, что нарушаем установленные традиции. Как раз последнее время модно класть лед в шампанское. Эта причуда вошла в обычай с обеда в Уолдорфе, который давали в честь приезда татарского князя. Но скоро эта прихоть сменится другой. Неделю тому назад на званом обеде на Мэдисон-авеню возле каждого прибора была положена зеленая лайковая перчатка, которую полагалось надеть, кушая маслины.

— Да,— признался молодой человек смиренно,— все эти тонкости, все эти забавы интимных кругов высшего света остаются неизвестными широкой публике.

— Иногда,— продолжала девушка, принимая его признание в невежестве легким кивком головы,— иногда я думаю, что если б я могла полюбить, то только человека из низшего класса. Какого-нибудь труженика, а не трутня. Но безусловно требования богатства и знатности окажутся сильней моих склонностей. Сейчас, например, меня осаждают двое. Один из них герцог немецкого княжества. Я подозреваю, что у него есть или была жена, которую он довел до сумасшествия своей необузданностью и жестокостью. Другой претендент — английский маркиз, такой чопорный и расчетливый, что я, пожалуй, предпочту свирепость герцога. Но что побуждает меня говорить все это вам, мистер Покенстэкер?

— Паркенстэкер,— едва слышно пролепетал молодой человек.— Честное слово, вы не можете себе представить, как я ценю ваше доверие.

Девушка окинула его спокойным, безразличным взглядом, подчеркнувшим разницу их общественного положения.

— Какая у вас профессия, мистер Паркенстэкер?— спросила она.

— Очень скромная. Но я рассчитываю коечего добиться в жизни. Вы это серьезно сказали, что можете полюбить человека из низшего класса?

— Да, конечно. Но я сказала: «могла бы». Не забудьте про герцога и маркиза. Да, ни одна профессия не показалась бы мне слишком низкой, лишь бы сам человек мне нравился.

— Я работаю,— объявил мистер Паркенстэкер, — в одном ресторане.

Девушка слегка вздрогнула.

— Но не в качестве официанта?— спросила она почти умоляюще.— Всякий труд благороден, но... личное обслуживание, вы понимаете, лакеи и...

— Нет, я не официант. Я кассир в...— Напротив, на улице, идущей вдоль парка, сияли электрические буквы вывески «ресторан».— Я служу кассиром вон в том ресторане.

Девушка взглянула на крохотные часики на браслете тонкой работы и поспешно встала. Она сунула книгу в изящную сумочку, висевшую у пояса, в которой книга едва помещалась.

— Почему вы не на работе?— спросила девушка.

— Я сегодня в ночной смене,— сказал молодой человек.— В моем распоряжении еще целый час. Но ведь это не последняя наша встреча? Могу я надеяться?..

— Не знаю. Возможно. А впрочем, может, мой каприз больше не повторится. Я должна спешить. Меня ждет званый обед, а потом ложа в театре — опять, увы, все тот же неразрывный круг. Вы, вероятно, когда шли сюда, заметили автомобиль на углу возле парка? Весь белый.

— И с красным колесами?— спросил молодой человек, задумчиво сдвинув брови.

— Да. Я всегда приезжаю сюда в этом авто. Пьер ждет меня у входа. Он уверен, что я провожу время в магазине на площади, по ту сторону парка. Представляете вы себе путы жизни, в которой мы вынуждены обманывать даже собственных шоферов? До свиданья.

— Но уже совсем стемнело,— сказал мистер Паркенстэкер,— а в парке столько всяких грубиянов. Разрешите мне проводить...

— Если вы хоть сколько-нибудь считаетесь с моими желаниями,— решительно ответила девушка,— вы останетесь на этой скамье еще десять минут после того, как я уйду. Я вовсе не ставлю вам это в вину, но вы, по всей вероятности, осведомлены о том, что обычно на автомобилях стоят монограммы их владельцев. Еще раз до свиданья.

Быстро и с достоинством удалилась она в темноту аллеи. Молодой человек глядел вслед ее стройной фигуре, пока она не вышла из парка, направляясь к углу, где стоял автомобиль. Затем, не колеблясь, он стал предательски красться следом за ней, прячась за деревьями и кустами, все время идя параллельно пути, по которому шла девушка, ни на секунду не теряя ее из виду.

Дойдя до угла, девушка повернула в сторону белого автомобиля, мельком взглянула на него, прошла мимо и стала переходить улицу. Под прикрытием стоявшего возле парка кеба молодой человек следил взглядом за каждым ее движением. Ступив на противоположный тротуар, девушка толкнула дверь ресторана с сияющей вывеской. Ресторан был из числа тех, где все сверкает, все выкрашено в белую краску, всюду стекло и где можно пообедать дешево и шикарно. Девушка прошла через весь ресторан, скрылась куда-то в глубине его и тут же вынырнула вновь, но уже без шляпы и вуалетки.

Сразу за входной стеклянной дверью находилась касса. Рыжеволосая девушка, сидевшая за ней, решительно взглянула на часы и стала слезать с табурета. Девушка в сером платье заняла ее место.

Молодой человек сунул руки в карманы и медленно пошел назад. На углу он споткнулся о маленький томик в бумажной обертке, валявшийся на земле. По яркой обложке он узнал книгу, которую читала девушка. Он небрежно поднял ее и прочел заголовок: «Новые сказки Шехерезады»; имя автора было Стивенсон. Молодой человек уронил книгу в траву и с минуту стоял в нерешительности. Потом открыл дверцу белого автомобиля, сел, откинувшись на подушки, и сказал шоферу три слова:

— В клуб, Анри.

КВАДРАТУРА КРУГА

Рискуя надоесть вам, автор считает своим долгом предпослать этому рассказу о сильных страстях вступление геометрического характера.

Природа движется по кругу. Искусство — по прямой линии. Все натуральное округлено, все искусственное угловато. Человек, заблудившийся в метель, сам того не сознавая, описывает круги; ноги горожанина, приученные к прямоугольным комнатам и площадям, уводят его по прямой линии прочь от него самого.

Круглые глаза ребенка служат типичным примером невинности; прищуренные, суженные до прямой линии глаза кокетки свидетельствуют о вторжении Искусства. Прямая линия рта говорит о хитрости и лукавстве; и кто же не читал самых вдохновенных лирических излияний Природы на губах, округлившихся для невинного поцелуя?

Красота — это Природа, достигшая совершенства, округленность — это ее главный атрибут. Возьмите, например, полную луну, золотой шар над входом в ссудную кассу, купола храмов, круглый пирог с черникой, обручальное кольцо, арену цирка, круговую чашу, монету, которую вы даете на чай официанту. С другой стороны, прямая линия свидетельствует об отклонении от Природы. Сравните только пояс Венеры с прямыми складочками английской блузки.

Когда мы начинаем двигаться по прямой линии и огибать острые углы, наша натура терпит изменения. Таким образом, Природа, более гибкая, чем Искусство, приспособляется к его более жестким канонам. В результате нередко получается весьма курьезное явление, например: голубая роза, древесный спирт, штат Миссури, голосующий за республиканцев, цветная капуста в сухарях и житель Нью-Йорка.

Природные свойства быстрее всего утрачиваются в большом городе. Причину этого надо искать не в этике, а в геометрии. Прямые линии улиц и зданий, прямолинейность законов и обычаев, тротуары, никогда не отклоняющиеся от прямой линии, строгие, жесткие правила, не допускающие компромисса ни в чем, даже в отдыхе и развлечениях,— все это бросает холодный вызов кривой линии Природы.

Поэтому можно сказать, что большой город разрешил задачу о квадратуре круга. И можно прибавить, что это математическое введение предшествует рассказу об одной кентуккийской вендетте, которую судьба привела в город, имеющий обыкновение обламывать и обминать все, что в него входит, и придавать ему форму своих углов.

Эта вендетта началась в Кэмберлендских горах между семействами Фолуэл и Гаркнесс. Первой жертвой кровной вражды пала охотничья собака Билла Гаркнесса, тренированная на опоссума. Гаркнессы возместили эту тяжелую утрату, укокошив главу рода Фолуэлов. Фолуэлы не задержались с ответом. Они смазали дробовики и отправили Билла Гаркнесса вслед за его собакой в ту страну, где опоссум сам слезает к охотнику с дерева, не дожидаясь, чтобы дерево срубили.

Вендетта процветала в течение сорока лет. Гаркнессов пристреливали через освещенные окна их домов, за плугом, во сне, по дороге с молитвенных собраний, на дуэли, в трезвом виде и наоборот, поодиночке и семейными группами, подготовленными к переходу в лучший мир и в нераскаянном состоянии. Ветви родословного древа Фолуэлов отсекались точно таким же образом, в полном согласии с традициями и обычаями их страны.

В конце концов, после такой усиленной стрижки родословного дерева, в живых осталось по одному человеку с каждой стороны. И тут Кол Гаркнесс, рассудив, вероятно, что продолжение фамильной распри приняло бы уже чересчур личный характер, неожиданно скрылся из Кэмберленда, игнорируя все права Сэма, последнего мстителя из рода Фолуэлов.

Через год после этого Сэм Фолуэл узнал, что его наследственный враг, здравый и невредимый, живет в Нью-Йорке. Сэм вышел во двор, перевернул кверху дном большой котел для стирки белья, наскреб со дна сажи, смешал ее со свиным салом и начистил этой смесью сапоги. Потом надел дешевый костюм когда-то орехового цвета, а теперь перекрашенный в черный, белую рубашку и воротничок и уложил в ковровый саквояж белье, достойное спартанца. Он снял с гвоздя дробовик, но тут же со вздохом повесил его обратно. Какой бы похвальной и высоконравственной ни считалась эта привычка в Кэмберленде, неизвестно еще, что скажут в Нью-Йорке, если он начнет охотиться на белок среди небоскребов Бродвея. Старенький, но надежный кольт, покоившийся много лет в ящике комода, показался ему самым подходящим оружием для того, чтобы перенести вендетту в столичные сферы. Этот револьвер, вместе с охотничьим ножом в кожаных ножнах, Сэм уложил в ковровый саквояж. И, проезжая верхом на муле мимо кедровой рощи к станции железной дороги, он обернулся и окинул мрачным взглядом кучу белых сосновых надгробий — родовое кладбище Фолуэлов.

Сэм Фолуэл прибыл в Нью-Йорк поздно вечером. Все еще следуя свободным законам природы, движущейся по кругу, он сначала не заметил грозных, безжалостных, острых и жестких углов большого города, затаившегося во мраке и готового сомкнуться вокруг его сердца и мозга и отштамповать его наподобие остальных своих жертв. Кебмен выхватил Сэма из гущи пассажиров, как он сам, бывало, выхватывал орех из вороха опавших листьев, и умчал в гостиницу, соответствующую его сапогам и ковровому саквояжу.

На следующее утро последний из Фолуэлов сделал вылазку в город, где скрывался последний из Гаркнессов. Кольт он засунул под пиджак и укрепил на узком ремешке; охотничий нож висел у него между лопаток, на полдюйма от воротника. Ему было известно одно — что Кол Гаркнесс ездит с фургоном где-то в этом городе и что он, Сэм Фолуэл, должен его убить,— и как только он ступил на тротуар, глаза его налились кровью и сердце загорелось жаждою мести.

Шум и грохот центральных авеню завлекал его все дальше и дальше. Ему казалось, что вот-вот он встретит на улице Кола с кувшином для пива в одной руке, с хлыстом в другой и без пиджака, точь-в-точь как где-нибудь во Франкфурте или Лорел-Сити. Но прошел почти час, а Кол все еще не попадался ему навстречу. Может быть, он поджидал Сэма в засаде, готовясь застрелить его из окна или из-за двери. Некоторое время Сэм зорко следил за всеми дверьми и окнами.

К полудню городу надоело играть с ним, как кошка с мышью, и он вдруг прижал Сэма своими прямыми линиями.

Сэм Фолуэл стоял на месте скрещения двух больших прямых артерий города. Он посмотрел на все четыре стороны и увидел нашу планету, вырванную из своей орбиты и превращенную с помощью рулетки и уровня в прямоугольную плоскость, нарезанную на участки. Все живое двигалось по дорогам, по колеям, по рельсам, уложенное в систему, введенное в границы. Корнем жизни был кубический корень, мерой жизни была квадратная мера. Люди вереницей проходили мимо, ужасный шум и грохот оглушили его.

Сэм прислонился к острому углу каменного здания. Чужие лица мелькали мимо него тысячами, и ни одно из них не обратилось к нему. Ему казалось, что он уже умер, что он призрак и его никто не видит. И город поразил его сердце тоской одиночества.

Какой-то толстяк, отделившись от потока прохожих, остановился в нескольких шагах от него, дожидаясь трамвая. Сэм незаметно подобрался к нему поближе и заорал ему в ухо, стараясь перекричать уличный шум.

— У Ранкинсов свиньи весили куда больше наших, да ведь в их них местах желуди совсем другие, много лучше, чем у нас...

Толстяк отодвинулся подальше и стал покупать жареные каштаны, чтобы скрыть свой испуг.

Сэм почувствовал, что необходимо выпить. На той стороне улицы мужчины входили и выходили через вращающуюся дверь. Сквозь нее мелькала блестящая стойка, уставленная бутылками. Мститель перешел дорогу и попытался войти. И здесь опять Искусство преобразило знакомый круг представлений. Рука Сэма не находила дверной ручки — она тщетно скользила по прямоугольной дубовой панели, окованной медью, без единого выступа, хотя бы с булавочную головку величиной, за который можно было бы ухватиться.

Смущенный, красный, растерянный, он отошел от бесполезной двери и сел на ступеньки. Дубинка из акации тронула его в ребро.

— Проходи! — сказал полисмен.— Ты здесь давненько околачиваешься.

На следующем перекрестке резкий свисток оглушил Сэма. Он обернулся и увидел какого-то злодея, посылающего ему мрачные взгляды из-за дымящейся на жаровне горки земляных орехов. Он хотел перейти улицу. Какая-то громадная машина, без лошадей, с голосом быка и запахом коптящей лампы, промчалась мимо, ободрав ему колени. Кеб задел его ступицей, а извозчик дал ему понять, что любезности выдуманы не для таких случаев. Шофер, яростно названивая в звонок, впервые в жизни оказался солидарен с извозчиком. Крупная дама в шелковой жакетке «шанжан» толкнула его локтем в спину, а мальчишка-газетчик, не торопясь, швырял в него банановыми корками и пригова-

ривал: «И не хочется, да нельзя упускать такой случай!»

Кол Гаркнесс, кончив работу и поставив фургон под навес, завернул за острый угол того самого здания, которому смелый замысел архитектора придал форму безопасной бритвы. В толпе спешащих прохожих, всего в трех шагах впереди себя, он увидел последнего кровного врага всех своих родных и близких.

Он остановился, как вкопанный, и в первое мгновение растерялся, застигнутый врасплох без оружия. Но Сэм Фолуэл уже заметил его своими зоркими глазами горца.

Последовал прыжок, поток прохожих на мгновение заколебался и покрылся рябью, и голос Сэма крикнул:

— Здорово, Кол! До чего же я рад тебя видеть!

И на углу Бродвея, Пятой авеню и Двадцать третьей улицы кровные враги из Кэмберленда пожали друг другу руки.

ПОГРЕБОК И РОЗА

Мисс Пози Кэрингтон заслуженно пользовалась славой. Жизнь ее началась под малообещающей фамилией Богс, в деревушке Кранбери Корнерс. В восемнадцать лет она приобрела фамилию Кэрингтон и положение хористки в столичном театре фарса. После этого она легко одолела положенные ступени от «фигурантки», участницы знаменитого октета «Пташка» в нашумевшей музыкальной комедии «Вздор и врали», к сольному номеру в танце букашек в «Фоль де Роль» и, наконец, к роли Тойнет в оперетке «Купальный халат короля» — роли, завоевавшей расположение критиков и создавшей ей успех. К моменту нашего рассказа мисс Кэрингтон купалась в славе, лести и шампанском, и дальновидный герр Тимоти Гольдштейн, антрепренер, заручился ее подписью на солидном документе, гласившем, что мисс Пози согласна блистать весь наступающий сезон в новой пьесе Дайд Рича «При свете газа».

Незамедлительно к герру Тимоти явился молодой талантливый сын века, актер на характерные роли, мистер Хайсмис, рассчитывавший получить ангажемент на роль Соля Хэйтосера, главного мужского комического персонажа в пьесе «При свете газа».

— Милый мой,— сказал ему Гольдштейн,— берите роль, если только вам удастся ее получить. Мисс Кэрингтон меня все равно не послушает. Она уже отвергла с полдюжины лучших актеров на амплуа «деревенских простаков». И говорит, что ноги ее не будет на сцене, пока не раздобудут настоящего Хэйтосера. Она, видите ли, выросла в провинции, и когда этакое оранжерейное растеньице с Бродвея, понатыкав в волосы соломинок, пытается изображать полевую травку, мисс Пози просто из себя выходит. Я спросил ее, шутки ради, не подойдет ли для этой роли Ленман Томпсон. «Нет,— заявила она.— Не желаю ни его, ни Джона Дрю, ни Джима Корбета,— никого из этих щеголей, которые путают турнепс с турникетом. Мне чтобы было без подделок». Так вот, мой милый, хотите играть Соля Хэйтосера — сумейте убедить мисс Кэрингтон. Желаю удачи.

На следующий день Хайсмис уже ехал в Кранберн Корнерс. Он пробыл в этом глухом и скучном местечке три дня. Он разыскал Богсов и вызубрил назубок всю историю их рода до третьего и четвертого поколений включительно. Он тщательно изучил события и местный колорит Кранберн Корнерс. Деревня не поспевала за мисс Кэрингтон. На взгляд Хайсмиса, там, со времени отбытия единственной жрицы Терпсихоры, произошло так же мало существенных перемен, как бывает на сцене, когда предполагается, что «с тех пор прошло четыре года». Приняв, подобно хамелеону, окраску Кранбери Корнерс, Хайсмис вернулся в город хамелеоновских превращений.

Все произошло в маленьком погребке — именно здесь пришлось Хайсмису блеснуть своим актерским искусством. Нет необходимости уточнять место действия: существует только один погребок, где вы можете рассчитывать встретить мисс Пози Кэрингтон по окончании спектакля «Купальный халат короля».

За одним из столиков сидела небольшая оживленная компания, к которой тянулись взгляды всех присутствующих. Миниатюрная, пикантная, задорная, очаровательная, упоенная славой, мисс Кэрингтон по праву должна быть названа первой. За ней герр Гольдштейн, громкоголосый, курчавый, неуклюжий, чуточку встревоженный, как медведь, каким-то чудом поймавший в лапы бабочку. Следующий — некий служитель прессы, грустный, вечно настороженный, расценивающий каждую обращенную к нему фразу как возможный материал для корреспонденции и поглощающий свои омары а ля Ньюбург в величественном молчании. И, наконец, молодой человек с пробором и с именем, которое сверкало золотом на оборотной стороне ресторанных счетов. Они сидели за столиком, а музыканты играли, лакеи сновали взад и вперед, выполняя свои сложные обязанности, неизменно обернувшись спиной ко всем нуждающимся в их услугах, и все это было очень мило и весело, потому что происходило на девять футов ниже тротуара.

В одиннадцать сорок пять в погребок вошло некое существо. Первая скрипка вместо ля взяла бемоль; кларнет пустил петуха в середине фиоритуры; мисс Кэрингтон фыркнула, а юноша с пробором проглотил косточку от маслины.

Вид у вновь вошедшего был восхитительно и безупречно деревенский. Тощий, нескладный, неповоротливый парень с льняными волосами, с разинутым ртом, неуклюжий, одуревший от обилия света и публики. На нем был костюм цвета орехового масла и ярко-голубой галстук, из рукавов на четыре дюйма торчали костлявые

руки, а из-под брюк на такую же длину высовывались лодыжки в белых носках. Он опрокинул стул, уселся на другой, закрутил винтом ногу вокруг ножки столика и заискивающе улыбнулся подошедшему к нему лакею.

— Мне бы стаканчик имбирного пива,— сказал он в ответ на вежливый вопрос официанта.

Взоры всего погребка устремились на пришельца. Он был свеж, как молодой редис, и незатейлив, как грабли. Вытаращив глаза, он сразу же принялся блуждать взглядом по сторонам, словно высматривая, не забрели ли свиньи на грядки с картофелем. Наконец, его взгляд остановился на мисс Кэрингтон. Он встал и пошел к ее столику с широкой сияющей улыбкой, красней от приятного смущения.

— Как поживаете, мисс Пози?— спросил он с акцентом, не оставляющим сомнения в его происхождении.— Или вы не узнаете меня? Я ведь Билл Самерс — помните Самерсов, которые жили как раз за кузницей? Ну ясно, я малость подрос с тех пор, как вы уехали из Кранберн Корнерс. А знаете, Лиза Перри так и полагала, что я, очень даже возможно, могу встретиться с вами в городе. Лиза ведь, знаете, вышла замуж за Бэна Станфилда, и она говорит...

— Да что вы?— перебила его мисс Пози с живостью.— Чтобы Лиза Перри вышла замуж? С ее-то веснушками?!

— Вышла замуж в июне,— ухмыльнулся сплетник.— Теперь она переехала в старый Татам-Плейс. А Хэм Райли, тот стал святошей. Старая мисс Близерс продала свой домишко капитану Спуиеру; у Уотерсов младшая дочка сбежала с учителем музыки; в марте сгорело здание суда; вашего дядюшку Уайли выбрали констеблем; Матильда Хоскинс загнала себе иглу в руку и умерла. А Том Билд приударяет за Салли Лазроп — говорят, ни одного вечера не пропускает, все торчит у них на крылечке.

— За этой лупоглазой?— воскликнула мисс Кэрингтон несколько резко.— Но ведь Том Билд когда-то... Простите, друзья, я сейчас. Знакомьтесь. Это мой старый приятель, мистер... как вас? Да, мистер Самерс. Мистер Гольдштейн, мистер Рикетс, мистер... о, а как же ваша фамилия? Ну, все равно: Джонни. А теперь пойдемте вон туда, расскажите мне еще что-нибудь.

Она повлекла его за собой к пустому столику, стоявшему в углу. Герр Гольдштейн пожал жирными плечами и подозвал официанта. Репортер слегка оживился и заказал абсент. Юноша с пробором погрузился в меланхолию. Посетители погребка смеялись, звенели стаканами и наслаждались спектаклем, который Пози давала им сверх своей обычной программы. Некоторые скептики перешептывались насчет «рекламы» и улыбались с понимающим видом.

Пози Кэрингтон оперлась на руки своим очаровательным подбородком с ямочкой и забыла про публику — способность, принесшая ей лавры.

— Я что-то не припоминаю никакого Билла Самерса,— сказала она задумчиво, глядя прямо в невинные голубые глаза сельского жителя.— Но вообще-то Самерсов я помню. У нас там, наверное, не много произошло перемен. Вы моих давно видали?

И тут Хайсмис пустил в ход свой козырь. Роль Соля Хэйтосера требовала не только комизма, но и пафоса. Пусть мисс Кэрингтон убедится, что и с этим он справляется не хуже.

— Мисс Пози,— начал «Билл Самерс».— Я заходил в ваш родительский дом всего дня три тому назад. Да, правду сказать, особо больших перемен там нет. Вот сиреневый куст под окном кухни вырос на целый фут, а вяз во дворе засох, пришлось его срубить. И все-таки все словно бы не то, что было раньше.

— Как мама?— спросила мисс Кэрингтон.

— Когда я в последний раз видел ее, она сидела на крылечке, вязала дорожку на стол,— сказал «Билл».— Она постарела, мисс Пози. Но в доме все по-прежнему. Ваша матушка предложила мне присесть. «Только, Уильям, не троньте ту плетеную качалку,— сказала она.— Ее не касались с тех пор, как уехала Пози. И этот фартук, который она начала подрубать,— он тоже так вот и лежит с того дня, как она сама бросила его на ручку качалки. Я все надеюсь,— говорит она,— что когда-нибудь Пози еще дошьет этот рубец».

Мисс Кэрингтон властным жестом подозвала лакея.

— Шампанского — пинту, сухого,— приказала она коротко.— Счет Гольдштейну.

— Солнце светило прямо на крыльцо,— продолжал кранберийский летописец,— и ваша матушка сидела как раз против света. Я, значит, и говорю, что, может, ей лучше пересесть немножко в сторону. «Нет, Уильям,— говорит она,— стоит мне только сесть вот так да начать посматривать на дорогу, и я уж не могу сдвинуться с места. Всякий день, как только выберется свободная минутка, я гляжу через изгородь, высматриваю, не идет ли моя Пози. Она ушла от нас ночью, а наутро мы видели в пыли на дороге следы ее маленьких башмачков. И до сих пор я все думаю, что когда-нибудь она вернется назад по этой же самой дороге, когда устанет от шумной жизни и вспомнит о своей старой матери».

— Когда я уходил,— закончил «Билл»,— я сорвал вот это с куста перед вашим домом. Мне подумалось, может, я и впрямь увижу вас в городе, ну, и вам приятно будет получить что-нибудь из родного дома.

Он вытащил из кармана пиджака розу — блекнущую, желтую, бархатистую розу, поникшую головкой в душной атмосфере этого вульгарного погребка, как девственница на римской арене перед горячим дыханием львов.

Громкий, но мелодичный смех мисс Пози заглушил звуки оркестра, исполнявшего «Колокольчики».

— Ах, бог ты мой,— воскликнула она весело.— Ну есть ли что на свете скучнее нашего Кранбери? Право, теперь бы, кажется, я не могла бы пробыть там и двух часов — просто умерла бы со скуки. Ну, я очень рада, мистер Самерс, что повидалась с вами. А теперь, пожалуй, мне пора отправляться домой да хорошенько выспаться.

Она приколола желтую розу к своему чудесному элегантному шелковому платью, встала и повелительно кивнула в сторону герра Гольдштейна.

Все трое ее спутников и «Билл Самерс» проводили мисс Пози к поджидавшему ее кебу. Когда все ее оборки и ленты были благополучно размещены, мисс Кэрингтон на прощанье одарила всех ослепительным блеском зубок и глаз.

— Зайдите навестить меня, Билл, прежде чем поедете домой,— крикнула она, и блестящий экипаж тронулся.

Хайсмис, как был, в своем маскарадном костюме, отправился с герром Гольдштейном в маленькое кафе.

— Ну, каково, а? — спросил актер, улыбаясь.— Придется ей дать мне Соля Хэйтосера, как по-вашему? Прелестная мисс ни на секунду не усомнилась.

— Я не слышал, о чем вы там разговаривали,— сказал Гольдштейн,— но костюм ваш и манеры — о'кей. Пью за ваш успех. Советую завтра же, с утра, заглянуть к мисс Кэрингтон и атаковать ее насчет роли. Не может быть, чтобы она осталась равнодушна к вашим способностям.

В одиннадцать сорок пять утра на следующий день Хайсмис, элегантный, одетый по последней моде, с уверенным видом, с цветком фуксии в петлице, явился к мисс Кэрингтон в ее роскошные апартаменты в отеле.

К нему вышла горничная актрисы, француженка.

— Мне очень жаль,— сказала мадемуазель Гортенз,— но мне поручено передать это всем. Ах, как жаль! Мисс Кэрингтон разорваль всё контракт с театром и уехаль жить в этот, как это? Да, в Кранбери Корнэр.

ТРЕСТ, КОТОРЫЙ ЛОПНУЛ

— Трест имеет свое слабое место,— сказал Джефф Питерс.

— Это напоминает мне,— сказал я,— бессмысленные изречения вроде: «Почему существует на свете полисмен?»

— Ну нет,— сказал Джефф.— Между полисменом и трестом нет ничего общего. То, что я сказал,— это эпиграмма... ось... или, так сказать, квинтэссенция. А значит она, что трест и похож и не похож на яйцо. Когда хочешь расколоть яйцо, бьешь его снаружи. А трест можно разбить лишь изнутри. Сиди на нем и жди, когда птенчик разнесет всю скорлупу. Поглядите, какой выводок новоиспеченных колледжей и библиотек щебечет и чирикает по всей стране. Да, сэр, каждый трест носит в своей груди семена собственной гибели, как петух, который в штате Джорджия вздумает запеть слишком близко от сборища негров-методистов, или тот член республиканской партии, который выставляет свою кандидатуру в губернаторы Техаса.

Я шутя спросил Джеффа, не приводилось ли ему на протяжении его пестрой, полосатой, клетчатой и крапленой карьеры стоять во главе предприятия, которому можно было бы дать наименование «треста». К моему удивлению, он признал за собой этот грех.

— Один-единственный раз,— сказал он.— И никогда печать штата Нью-Джерси не скрепляла документа, который давал бы право на более солидный и верный образчик законного ограбления ближних. Все было к нашим услугам — вода, ветер, полиция, выдержка и безраздельная монополия на ценный продукт, чрезвычайно нужный потребителям. Ни один враг монополий и трестов не мог бы найти в нашем предприятии никакого изъяна. В сравнении с ним маленькая нефтяная афера Рокфеллера казалась жалкой керосиновой лавчонкой. И все-таки мы прогорели.

— Возникли, вероятно, какие-нибудь неожиданные препятствия? — спросил я.

— Нет, сэр, все было именно так, как я сказал. Мы сами себя погубили. Это был случай самоликвидации. Люлька оказалась с трещинкой, как выразился Альфред Теннисон.

Вы помните, я уже рассказывал вам, что мы работали несколько лет в компании с Энди Таккером. Этот Энди был гениальный мастак на всякие военные хитрости. Каждый доллар в руке у другого он воспринимал как личное для себя оскорбление, если не мог воспринять его как добычу. Он был человек образованный, и к тому же полезных сведений у него была уйма. Он почерпнул из книг богатейший опыт и мог часами говорить на любую тему, насчет идей и всяких словопрений. Нет такого жульничества, которого бы он не испробовал, начиная с лекций о Палестине, которые он оживлял, показывая с помощью волшебного фонаря снимки ежегодного съезда закройщиков готового платья в Атлантик-Сити, и кончая ввозом в Коннектикут целого моря поддельного древесного спирта, добытого из мускатных орехов.

Как-то весной нам с Энди случилось на короткое время побывать в Мексике, где один капиталист из Филадельфии заплатил нам две тысячи пятьсот долларов за половину паев серебряного рудника в Чихуахуа. Да нет, такой рудник существовал. Все было в порядке. Другая половина паев стоила двести или триста тысяч долларов. Я часто думал потом: кому принадлежал этот рудник?

Возвращаясь в Соединенные Штаты, мы с Энди споткнулись об один городишко в Техасе, на берегу Рио-Гранде. Назывался горо-

дишко Птичий Город, но жили там вовсе не птицы. Там было две тысячи душ населения, все больше мужчины. На мой взгляд, возможность существовать им давали главным образом густые заросли чапарраля, окружавшие город. Иные из жителей были скотопромышленники, иные — картежники, иные — лошадиные барышники, иные — и таких было много — работали по части контрабанды. Мы с Энди поселились в гостинице, которая представляла собой нечто среднее между книжным шкафом и садом на крыше. Чуть мы прибыли туда, пошел дождь. Как говорится, залез Ной на гору Арарат и отвернул краны небесные.

Надо сказать, что хотя мы с Энди и непьющие, но в городе было три кабака, и все жители целый день и добрую половину ночи шагали по треугольнику из одного в другой. Каждому было отлично известно, что ему делать со своими деньгами.

На третий день дождь чуть-чуть перестал, и мы с Энди отправились за город полюбоваться прегрязной природой. Птичий Город был построен между Рио-Гранде и широкой ложбиной, где прежде протекала река. Сейчас, когда река вздулась от дождей, дамба, отделявшая ее от старого русла, была размыта и совсем сползала в воду. Энди долго смотрел на нее. Ум у этого человека никогда не дремал. Не сходя с места, он открыл мне идею, которая осенила его. Вот тогда-то мы и основали трест, а потом вернулись в город и пустили в ход свою идею.

Первым делом мы отправились в главный салун, который назывался «Голубая змея», и приобрели его в собственность. Это стоило нам тысячу двести долларов. А потом мы зашли на минутку в бар мексиканца Джо, поговорили о погоде и так, между делом, купили его за пятьсот. Третий нам охотно уступили за четыреста.

Проснувшись на следующее утро, Птичий Город увидел, что он превратился в остров. Река прорвала дамбу и хлынула в старое русло; весь город был окружен ревущими потоками воды. Дождь лил не переставая; на северо-западе висели тяжелые тучи, предвещавшие на ближайшие две недели еще штук шесть среднегодовых осадков. Но главная беда была впереди.

Птичий Город выпорхнул из гнезда, отряхнул перышки и поскакал за утренней выпивкой. И ах! Бар мексиканца закрыт, другой пункт спасения утопающих — тоже. Естественно, из всех глоток разом вырывается крик изумления и жажды, и жители скопом несутся в «Голубую змею». И что же они видят в «Голубой змее»?

За одним концом стойки сидит Джефферсон Питерс, этакий восьминогий спрут-эксплуататор, справа у него кольт и слева у него кольт, и он готов дать сдачи либо долларами, либо пулей. В заведении — три бармена, а на стене вывеска в десять футов длины: «Каждая выпивка — доллар». Энди сидит на несгораемой кассе, на нем шикарный синий костюм, в зубах первоклассная сигара, вид выжидательный. Тут же начальник полиции с двумя полисменами: трест обещал им бесплатную выпивку.

Да, сэр, не прошло и десяти минут, как Птичий Город понял, что дверца клетки захлопнулась. Мы ждали бунта, но все обошлось спокойно. Жители знали, что они в наших руках. Ближайшая станция железной дороги находилась за тридцать миль, и можно было с уверенностью сказать, что вода в реке спадет не раньше, чем через две недели, а до той поры переправа невозможна. И жители выругались, но очень учтиво, а потом стали сыпать доллары к нам на прилавок так исправно, что звон стоял, как от попурри на ксилофоне.

В Птичьем Городе было около полутора тысяч взрослых мужчин, достигших легкомысленного возраста; чтобы не умереть от тоски, большинству из них требовалось от трех до двадцати стаканов в день. Пока не схлынет вода, «Голубая змея» оставалась единственным местом, где они могли получить их. Это было и красиво и просто, как всякое подлинно великое жульничество.

К десяти часам утра серебряные доллары, сыпавшиеся на стойку, немного замедлили темп и стали вместо джиги наигрывать тустепы и марши. Но я глянул в окно и увидел, что сотни две наших клиентов вытянулись длинным хвостом перед городской сберегательной и ссудной кассой, и понял, что они хлопочут о новых долларах, которые высосет у них наш восьминог своими мокрыми и скользкими щупальцами.

В полдень все ушли по домам обедать, как и подобает фешенебельным людям. Мы разрешили барменам воспользоваться этим кратким затишьем и тоже пойти закусить, а сами стали подсчитывать выручку. Мы заработали тысячу триста долларов. По нашему подсчету выходило, что, если Птичий Город останется островом еще две недели, у нашего треста будет достаточно средств, чтобы пожертвовать Чикагскому университету новое общежитие с обитыми войлоком стенами для всех профессоров и доцентов и подарить ферму каждому добродетельному бедняку в Техасе, если участок земли он купит за собственный счет.

Энди — того так и распирало от гордости, потому что ведь план первоначально зародился в его предпосылках. Он слез с несгораемой кассы и закурил самую большую сигару, какая только нашлась в салуне.

— Джефф,— говорит он,— я думаю, что во всем мире не найти пауков-эксплуататоров, столь изобретательных по части угнетения рабочего класса, как торговый дом «Питерс, Таккер и Сатана».

Мы нанесли мелкому потребителю чувствительнейший удар в область солнечного сплетения. Что, не так?

— Верно,— говорю я,— выходит, что ничего нам не останется, как заняться гастритом и гольфом или заказать себе шотландские

юбочки и ехать охотиться иа лисиц. Этот фокус с выпивкой, по-видимому, удался. И мне он по душе,— говорю я,— ибо худой жир лучше доброй чахотки.

Энди иаливает себе стаканчик нашей лучшей ячмеиной и препровождает его по назначеиию. Это была его первая выпивка за все время, что я его зиал.

— Вроде как излияние богам,— пояснил ои.

Почтив таким образом языческих идолов, ои осушил еще стаканчик — за преуспевание иашего дела. А потом и пошло — он пил за всю промышлеиность, начииая от Северной тихоокеаиской дороги и коичая всякой мелочью вроде заводов маргарина, сндиката учебииков и федерации шотландских горняков.

— Эиди, Энди,— говорю я ему,— это очень похвально с твоей стороны, что ты пьешь за здоровье наших братских монополий, но смотри, дружок, не увлекайся тостами. Ты ведь зиаешь, что самые наши знаменитые и всеми иенавидимые архимиллиардеры не вкушают ничего, кроме жидкого чая с сухариками.

Энди ушел за перегородку и через несколько минут вышел оттуда в парадном костюме. Во взгляде у него было что-то возвышеиное и смертоиосное, этакий, я бы сказал, благородиый и праведный вызов. Очень не понравился мие этот взгляд. Я всматривался в Энди с беспокойством: какую штуку выкинет с ним виски? В жизни бывают два случая, которые неизвестно чем кончаются: когда мужчина выпьет в первый раз и когда женщнна выпьет в последиий.

За какой-нибудь час «муха» у Энди выросла в целого скорпиона. Снаружи он был вполне благопристоен и умудрялся сохраиять равновесие, ио внутри ои был весь начинен сюрпризами и экспромтами.

— Джефф,— говорит он,— ты знаешь, что я такое? Я кратер, живой вулканический кратер.

— Эта гипотеза,— говорю я,— не нуждается ии в каких доказательствах.

— Да, я огнедышащий кратер. Из меня так и пышет пламя, а виутри клокочут слова и комбинации слов, которые требуют выхода. Миллиоиы синонимов и частей речи так и прут из меня иа простор, и я ие успокоюсь, пока ие произнесу какую-нибудь этакую речь. Когда я выпью,— говорит Энди,— меия всегда влечет к ораторскому искусству.

— Нет ничего хуже,— говорю я.

— С самого раннего детства,— продолжает Эиди,— алкоголь возбуждал во мне позывы к риторике и декламации. Да что, во время второй избирательиой кампании Брайаиа мне давали по три порции джина, и я, бывало, говорил о серебре на два часа дольше самого Билли. Но в коице концов мне дали возможность убедиться иа собствениом опыте, что золото лучше.

— Если тебе уж так приспичило освободиться от лишних слов,— говорю я,— ступай к реке и поговори, сколько нужно. Помиится, уже был один такой старый болтун,— звали его Каитарид,— который ходил на берег моря и там облегчал свою глотку.

— Нет,— говорит Энди,— мие иужна аудитория, публика. Я чувствую, что дай мне сейчас волю — и сеиатора Бэвриджа прозовут Юным Сфинксом Уобаша. Я должен собрать аудиторию, Джефф, и утихомирить свой ораторский зуд, иначе ои пойдет виутрь и я буду чувствовать себя ходячим собраиием сочииений миссис Саутворт в роскошном переплете с золотым обрезом.

— А на какую тему ты хотел бы поупражиять свои голосовые связки? — спрашиваю я.— Есть ли у тебя какие-нибудь теоремы и тезисы?

— Тема любая,— говорит Энди,— для меня безразлично. Я одинаково красноречив во всех областях. Могу поговорить о русской иммиграции, или о поэзии Китса, или о новом тарифе, или о кабильской словесиости, или о водосточных трубах, и будь уверен: мои слушатели будут попеременно то плакать, то хиыкать, то рыдать, то обливаться слезами.

— Ну что ж, Эиди,— говорю я ему,— если уж тебе совсем невтерпеж, идн вылей весь избыток своих словесных ресурсов на голову какому-нибудь здешнему жнтелю, который подобрее и повыносливее. Мы с нашими подручными и без тебя тут управимся. В городе скоро кончат обедать, а соленая свинина с бобами, как известно, вызывает жажду. К полуночи у нас будет еще полторы тысячи долларов.

И вот Эндн выходит из «Голубой змеи», и я вижу, как он останавливает на улице каких-то прохожих и вступает с ними в разговор. Не прошло и десяти минут, как вокруг него собралась небольшая кучка людей, а вскоре я увидел, что он стоит на углу, говорит что-то и машет руками, а перед ним уже порядочная толпа. Потом, он повернулся и пошел, а толпа за иим, а он все говорит. И ои повел их по главиой улице Птичьего Города, и по дороге к ним приставали еще и еще прохожие. Это напомнило мне старый фокус, о котором я читал в кингах, как один дудочник все играл на дудке и до того доигрался, что увел с собой всех детей, какие только были в городе.

Пробило час, потом два, потом три, а ни одиа птица так и не залетела к нам выпить. На улицах было пусто, одни утки, да изредка женщииа пройдет мимо в лавчонку. А между тем дождик почти перестал.

Какой-то мужчина остановился у иашей двери, чтобы соскрести грязь, налипшую иа сапоги.

— Милый,— говорю я ему,— что случилось? Сегодия утром здесь царило лихорадочное веселье, а теперь весь город похож иа развалины Тира и Сифона, где по стенам ползает одинокая ящерица.

— Весь город,— отвечает он,— собрался у Сперри, на складах шерсти, и слушает речь

вашего друга-приятеля. Что и говорить, он умеет-таки извлекать из себя всякие звуки касательно разных материй.

— Вот оно что,— говорю я.— Ну, надеюсь, что он сделает перерыв, sine qua non[1], очень скоро, потому что от этого страдает торговля.

До самого вечера к нам не заглянул ни один клиент. В шесть часов два мексиканца привезли Энди в салун: он возлежал на спине их осла. Мы уложили пьяного в постель, а он все еще бормотал, жестикулируя руками и ногами.

Я закрыл кассу и пошел разузнать, что случилось. Вскоре мне попался человек, который рассказал мне всю историю. Оказывается, Энди говорил два часа подряд. Он произнес самую великолепную речь, какую, по словам этого человека, когда-либо слышали не только в Техасе, но на всем земном шаре.

— О чем же он говорил? — спросил я.

— О вреде пьянства,— ответил тот.— И когда он кончил, все жители Птичьего Города подписали бумагу, что в течение целого года в рот не возьмут спиртного.

СУПРУЖЕСТВО КАК ТОЧНАЯ НАУКА

— Вы уже слыхали от меня,— сказал Джефф Питерс,— что женское коварство никогда не внушало мне слишком большого доверия. Даже в самом невинном жульничестве невозможно полагаться на женщин как на соучастников и компаньонов.

— Комплимент заслуженный,— сказал я.— По-моему, у них есть все права называться честнейшим полом.

— А чего им и не быть честными,— сказал Джефф,— на то и мужчины, чтобы жульничать для них либо работать на них сверхурочно. Лишь до тех пор они годятся для бизнеса, покуда и чувства и волосы у них еще не слишком далеки от натуральных. А потом подавай им дублера — тяжеловоза мужчину с одышкой и рыжими баками, с пятью ребятами и заложенным и перезаложенным домом. Взять, к примеру, хоть эту вдову, которую мы с Энди Таккером попросили оказать нам содействие, чтобы провести небольшую матримониальную затею в городишке Каире.

Когда у вас достаточно денег на рекламу — скажем, пачка толщиной с тонкий конец фургонного дышла,— открывайте брачную контору. У нас было около шести тысяч долларов, и мы рассчитывали удвоить эту сумму в два месяца,— дольше такими делами заниматься нельзя, не имея на то официального разрешения от штата Нью-Джерси.

Мы составили объявление такого примерно сорта:

«Симпатичная вдова, прекрасной наружности, тридцати двух лет, с капиталом в три тысячи долларов, обладающая обширным поместьем, желала бы вторично выйти замуж. Мужа хотела бы иметь не богатого, но нежного сердцем, так как, по ее убеждению, солидные добродетели чаще встречаются среди бедняков. Ничего не имеет против старого или некрасивого мужа, если будет ей верен и сумеет распорядиться ее капиталом.

Желающие вступить в брак благоволят обращаться в брачную контору Питерса и Таккера, Каир, штат Иллинойс на имя

Одинокой».

— До сих пор все идет хорошо,— сказал я, когда мы состряпали это литературное произведение.— А теперь — где мы возьмем эту женщину?

Энди смотрит на меня с холодным раздражением.

— Джефф,— говорит он,— я и не знал, что ты такой реалист в искусстве. Ну на что тебе женщина? При чем здесь женщина? Когда ты продаешь подмоченные акции на бирже, разве ты хлопочешь о том, чтобы с них и вправду капала вода? Что общего между брачным объявлением и какой-то женщиной?

— Слушай,— говорю я,— и запомни раз навсегда. Во всех моих незаконных отклонениях от легальной буквы закона я всегда держался того правила, чтобы продаваемый товар был налицо, чтобы его можно было видеть и во всякое время предъявить покупателю. Только таким способом, а также путем тщательного изучения городового устава и расписания поездов мне удавалось избежать столкновения с полицией, даже когда бумажки в пять долларов и сигары оказывалось недостаточно. Так вот, чтобы не провалить нашу затею, мы должны обзавестись симпатичной вдовой — или другим эквивалентным товаром для предъявления клиентам — красивой или безобразной, с наличием или без наличия статей, перечисленных в нашем каталоге. Иначе — камера мирового судьи.

Энди задумывается и отменяет свое первоначальное мнение.

— Ладно,— говорит он,— может быть, и в самом деле тут необходима вдова, на случай, если почтовое или судебное ведомство вздумает сделать ревизию нашей конторы. Но где же мы сыщем такую вдову, что согласится тратить время на брачные шашни, которые заведомо не кончатся браком?

Я ответил ему, что у меня есть на примете именно такая вдова. Старый мой приятель Зики Троттер, который торговал содовой водой и дергал зубы в палатке на ярмарках, около года назад сделал из своей жены вдову, хлебнув какого-то снадобья от несварения желудка вместо того зелья, которым он имел обыкновение наклюкиваться. Я часто бывал у них в доме, и мне казалось, что нам удастся завербовать эту женщину.

До городишка, где она жила, было всего

[1] Без которого невозможно (*лат.*).

шестьдесят миль, и я сейчас же покатил туда поездом и нашел ее иа прежнем месте, в том же домике, с теми же подсолнечннками в саду н цыплятами на опрокииутом корыте. Миссис Троттер вполне подходила под наше объявлеиие, если, конечно, не считать пустяков: оиа была значительно старше, прнчем не нмела ни деиег, ни краснвой наружности. Но ее можно было легко обработать, вид у нее был не противный, и я был рад, что могу почтнть память покойного друга, дав его вдове прнличный заработок.

— Благородное ли дело вы затеяли, мистер Пнтерс?— спросила она, когда я рассказал ей мои планы.

— Миссис Троттер!— воскликнул я.— Мы с Энди Таккером высчнтали, что по крайней мере три тысячи мужчин, обитающнх в этой безнравственной и обширной стране, попытаются, прочтя объявление в газете, получить вашу прекрасиую руку, а вместе с ней и ваши несуществующие деньги и воображаемое ваше поместье. Из этого числа не меньше трех тысяч таких, которые могут предложнть вам взамен лишь свое полумертвое тело н ленивые, жадные рукн,— презренные прохвосты, неудачникн, лодыри, польстнвшиеся на ваше богатство.

— Мы с Энди,— говорю я,— намерены дать этим социальным паразитам хороший урок. С большнм трудом,— говорю я,— мы с Эиди отказались от мысли основать корпорацию под названием Великое Моральное и Милосердное Матримониальное Агентство. Ну, теперь вы видите, какая у нас высокая н благородная цель?

— Да, да,— отвечает она,— мне давно бы следовало знать, что вы, мистер Питерс, нн на что худое не способны. Но в чем будут заключаться мон обязанностн? Неужели мне придется отказывать каждому из этих трех тысяч мерзавцев в отдельности или мне будет предоставлено право отвергать их гуртом — десяткамн, дюжинами?

— Ваша должность, мнссис Троттер,— говорю я,— будет простой синекурой. Мы поселим вас в номере тнхой гостиницы, и иикакнх забот у вас не будет. Всю переписку с клнентами н вообще все дела по брачному бюро мы с Энди берем на себя. Но, конечно,— говорю я,— может случиться, что какой-иибудь пылкий вздыхатель, у которого хватит капитала на железнодорожный билет, приедет в Канр, чтобы лнчно завоевать ваше сердце... В таком случае вам придется потрудиться самой: собственноручно указать ему на дверь. Платить мы вам будем двадцать пять долларов в неделю, и оплата гостиницы за наш счет.

Услышав это, миссис Троттер сказала:

— Через пять минут я готова. Я только возьму пудреницу н оставлю у соседки ключ от парадной двери. Можете считать, что я уже на службе: жалование должно мне ндтн с этой мииуты.

И вот я везу миссис Троттер в Каир. Прнвез, поместил ее в тихом семейном отеле, подальше от нашей квартиры, чтобы не было никаких подозреннй. Потом пошел н рассказал обо всем Эндн Таккеру.

— Отлично,— говорит Эндн Таккер.— Теперь, когда твоя совесть спокойна, когда у тебя есть н крючок н приманка, давай-ка примемся за рыбиую ловлю.

Мы пустилн наше объявление по всей этой местностн. Одного объявления вполне хватнло. Сделай мы рекламу пошире, нам прншлось бы нанять столько клерков и девиц с завивкой перманент, что хруст жевательной резинки дошел бы до самого директора почт и телеграфов. Мы положнли на имя миссис Троттер две тысячи долларов в банк и чековую книжку дали ей на руки, чтобы она могла показывать ее сомневающимся. Я знал, что она женщина честная, н не боялся доверить ей деньги.

Одно это объявление доставило нам уйму работы, по двенадцать часов в сутки мы отвечалн на полученные пнсьма.

Поступало их штук сто в день.

Я не подозревал никогда, что на свете есть столько любящих, но бедных мужчин, которые хотели бы жениться на снмпатичной вдове и взвалить на себя бремя забот о ее капитале.

Большннство из ннх сообщало, что онн сидят без гроша, не имеют определенных занятий н что нх никто не понимает, и все же, по их словам, у ннх остались такие большие запасы любвн н прочнх мужскнх достоннств, что вдовушка будет счастливейшей женщиной, черпая нз этнх запасов.

Каждый клиент получал ответ от конторы Питерса н Таккера. Каждому сообщали, что его искреннее, интересное письмо произвело на вдову глубокое впечатленне и что она просит написать ей подробнее и приложить, еслн возможно, фотографию. Питерс и Таккер прнсовокупляли к сему, что нх гонорар за передачу второго письма в прекрасные ручки вдовы выражается в сумме два доллара, каковые деньги и следует приложить к пнсьму.

Теперь вы видите, как прост и красив был наш план. Около девяноста процентов этих благороднейших искателей вдовьей руки раздобыли каким-то манером по два доллара и прислали нх нам. Вот и все. Ннкаких хлопот. Конечно, нам прншлось поработать; мы с Энди даже поворчалн немного: легко ли целый день вскрывать конверты и вынnмать оттуда доллар за долларом!

Были и такие клненты, которые являлнсь лично. Их мы направляли к миссис Троттер, и она разговарнвала с ними сама; только трое или четверо вернулись к контору, чтобы попросить у нас денег на обратный путь. Когда началн прибывать письма нз наиболее отдаленных районов, мы с Энди сталн вынимать из конвертов по двестн долларов в день.

Как-то после обеда, когда наша работа была в полном разгаре и я складывал деньги в сигариые ящнкн: в однн ящнк по два доллара, в другой — по одному, а Эндн насвистывал: «Не для нее венчальный звон»,— входнт к нам

вдруг какой-то малеиький шустрый субъект и так шарит глазами по стеиам, будто он напал иа след пропавшей из музея картииы Гейисборо. Чуть я увидел его, я почувствовал гордость, потому что иаше дело правильное и придраться к иему иевозможио.

— У вас сегодня что-то очень миого писем,— говорит человечек.

— Идем,— говорю я и беру шляпу.— Мы вас уже давио поджидаем. Я покажу вам иаш товар. В добром ли здоровье был Тедди, когда вы уезжали из Вашингтоиа?

Я повел его в гостииицу «Ривервью» и позиакомил с миссис Троттер. Потом показал ему баиковую кийжку, где зиачились две тысячи долларов, положенных на ее имя.

— Как будто все в порядке,— говорит сыщик.

— Да,— говорю я,— и если вы холостой человек, я позволю вам поговорить с этой дамой. С вас мы не потребуем двух долларов.

— Спасибо,— отвечал он.— Если бы я был холостой, я бы, пожалуй... Счастливо оставаться, мистер Питерс.

К концу трех месяцев у нас набралось что-то около пяти тысяч долларов, и мы решили, что пора остаиовиться: отовсюду иа нас сыпались жалобы, да и миссис Троттер устала,— ее одолели поклонники, приходившие лично взгляиуть иа иее, и, кажется, ей это ие очень-то иравилось.

И вот, когда мы взялись за ликвидацию дела, я пошел к миссис Троттер, чтобы уплатить ей жалованье за последнюю неделю, попрощаться с ней и взять у нее чековую книжку на две тысячи долларов, которую мы дали ей на временное хранение.

Вхожу к ией в иомер. Вижу: оиа сидит и плачет, как девочка, которая не хочет идти в школу.

— Ну, иу,— говорю я,— о чем вы плачете? Кто-нибудь обидел вас или вы соскучились по дому?

— Нет, мистер Питерс,— отвечает оиа.— Я скажу вам всю правду. Вы всегда были другом Зики, и я ие скрою от вас ничего. Мистер Питерс, я влюблена. Я влюблена. Я влюблеиа в одного человека, влюблена так сильио, что ие могу жить без иего. В нем воплотился весь мой идеал, который я лелеяла всю жизнь.

— Так в чем же дело?— говорю я.— Берите его себе иа здоровье. Коиечио, если ваша любовь взаимиая. Испытывает ли ои по отиошеиию к вам те особые болезиеииые чувства, какие вы испытываете по отиошению к иему?

— Да,— отвечает оиа.— Он одии из тех джентльмеиов, которые приходили ко мие по вашему объявлеиию, и потому ои ие хочет жениться, если я не дам ему двух тысяч. Его имя Уильям Уилкиисои.

Тут оиа сиова в истерику.

— Миссис Троттер,— говорю я ей,— нет человека, который более меня уважал бы сердечные чувства женщины. Кроме того, вы были когда-то спутиицей жизни одного из моих лучших друзей. Если бы это зависело только от меия, я сказал бы: берите себе эти две тысячи и будьте счастливы с избраииком вашего сердца. Мы легко можем отдать вам эти деиьги, так как из ваших поклоиииков мы выкачали больше пяти тысяч. Но,— прибавил я,— я должеи посоветоваться с Эиди Таккером. Ои добрый человек, ио делец. Мы пайщики в равной доле. Я поговорю с иим и посмотрю, что мы можем сделать для вас.

Я вериулся к Эиди и рассказал ему все, что случилось.

— Так я и зиал,— говорит Эиди.— Я все время предчувствовал, что должио произойти что-ибудь в этом роде. Нельзя полагаться иа жеищину в таком предприятии, где затрагиваются сердечные струны.

— Но, Эиди,— говорю я,— горько думать, что по нашей вине сердце жеищины будет разбито.

— О, коиечио,— говорит Энди.— И потому я скажу тебе, Джефф, что я иамереи сделать. У тебя всегда был мягкий и иежиый характер, я же прозаичеи, суховат, подозрителеи. Но я готов пойти тебе навстречу. Ступай к миссис Троттер и скажи ей: пусть возьмет из баика эти две тысячи долларов, даст их своему избраиику и будет счастлива.

Я вскакиваю и целых пять мииут пожимаю Эиди руку, а потом бегу иазад к миссис Троттер и сообщаю ей иаше решеиие, и оиа плачет от радости так же бурио, как только что плакала от горя.

А через два дия мы упаковали свои вещи и приготовились к отъезду из города.

— Не думаешь ли ты, что тебе следовало бы перед отъездом нанести визит миссис Троттер?— спрашиваю я у него.— Оиа была бы очеиь рада позиакомиться с тобой и выразить тебе свою благодариость.

— Боюсь, что это невозможио,— отвечает Эиди.— Как бы иам иа поезд ие опоздать.

Я в это время как раз надевал иа себя иаши доллары, упаковаииые в особый кушак,— мы всегда перевозили деиьги таким способом, как вдруг Эиди выиимает из кармаиа целую пачку крупных банкнот и просит приобщить их к остальиым капиталам.

— Что это такое?— спрашиваю я.

— Это две тысячи от миссис Троттер.

— Как же они попали к тебе?

— Сама мие дала,— отвечает Эиди.— Я целый месяц бывал у иее вечерами... по три раза в иеделю...

— Так ты и есть Уильям Уилкиисои?— спрашиваю я.

— Был до вчерашиего дия,— отвечает Эиди.

ВОЛШЕБНЫЙ ПРОФИЛЬ

Калифов жеиского пола иемиого. По праву рождеиия, по склоииости, иистиикту и устройству своих голосовых связок все жеищины —

Шехерезады. Каждый день сотни тысяч Шехерезад рассказывают тысячу и одну сказку своим султанам. Но тем из них, которые не остерегутся, достается в конце концов шелковый шнурок.

Мне, однако, довелось услышать сказку об одной такой султанше. Сказка эта не вполне арабская, потому что в нее введена Золушка, которая орудовала кухонным полотенцем совсем в другую эпоху и в другой стране. Итак, если вы не против смешения времен и стран, то мы приступим к делу.

В Нью-Йорке есть одна старая-престарая гостиница. Гравюры с нее вы видели в журналах. Ее построили — позвольте-ка — еще в то время, когда к северу от Четырнадцатой улицы не было ровно ничего, кроме индейской тропы на Бостон да конторы Гаммерштейна. Скоро старую гостиницу снесут. И в то время, когда начнут ломать массивные стены и с грохотом посыплются кирпичи по желобам, на соседних углах соберутся толпы жителей, оплакивая разрушение дорогого им памятника старины. Гражданские чувства сильны в Новом Багдаде; а пуще всех будет лить слезы и громче всех будет поносить иконоборцев тот гражданин (родом из Терри-Хот), который умиленно хранит единственное воспоминание о гостинице — как в 1873 году его там вытолкали в шею, с трудом оторвав от стойки с бесплатной закуской.

В этом отеле всегда останавливалась миссис Мэгги Браун. Миссис Браун была костлявая женщина лет шестидесяти, в порыжелом черном платье и с сумочкой из кожи того допотопного животного, которое Адам решил назвать аллигатором. Она всегда занимала в гостинице маленькую приемную и спальню на самом верху, ценою два доллара в день. И все время, пока она жила там, к ней толпами бегали просители, остроносые, с тревожным взглядом, вечно куда-то спешившие. Ибо Мэгги Браун занимала третье место среди капиталисток всего мира, а эти беспокойные господа были всего-навсего городские маклеры и дельцы, стремившиеся сделать небольшой заем миллионов этак в десять у старухи с доисторической сумочкой.

Стенографисткой и машинисткой в отеле «Акрополь» (ну вот я и проговорился!) была мисс Ида Бэйтс. Она казалась слепком с античных образцов. Ее красота была совершенна. Кто-то из галантных стариков, желая выразить свое уважение даме, сказал так: «Любовь к ней равнялась гуманитарному образованию». Так вот, один только взгляд на прическу и аккуратную белую блузку мисс Бэйтс равнялся полному курсу заочного обучения по любому предмету. Иногда она кое-что переписывала для меня, и поскольку она отказывалась брать деньги вперед, то привыкла считать меня чем-то вроде друга и протеже. Она была неизменно ласкова и добродушна, и даже комми по сбыту свинцовых белил или торговец мехами не посмел бы в ее присутствии выйти из границ благопристойности. Весь штат «Акрополя» мгновенно встал бы на ее защиту, начиная с хозяина, жившего в Вене, и кончая старшим портье, вот уже шестнадцать лет прикованным к постели.

Как-то днем, проходя мимо машинописного святилища мисс Бэйтс, я увидел на ее месте черноволосое существо — без сомнения, одушевленное,— стукавшее указательными пальцами по клавишам. Размышляя о превратности всего земного, я прошел мимо. На следующий день я уехал отдыхать и пробыл в отъезде две недели. По возвращении я заглянул в вестибюль «Акрополя» и не без сердечного трепета увидел, что мисс Бэйтс, по-прежнему классически безупречная и благожелательная, накрывает чехлом свою машинку. Рабочий день кончился, но она пригласила меня присесть на минутку на стул для клиентов. Мисс Бэйтс объяснила свое отсутствие, а также и возвращение в отель «Акрополь» следующим или приблизительно таким образом:

— Ну, дорогой мой, каково пишется?

— Ничего себе,— ответил я.— Почти так же, как печатается.

— Сочувствую вам,— сказала она.— Хорошая машинка — это для рассказа самое главное. Вы меня вспоминали, ведь верно?

— Я не знаю никого,— ответил я,— кто умел бы лучше вас поставить на место запятые и постояльцев в гостинице. Но вы ведь тоже уезжали. Я видел за вашим ремингтоном какую-то пачку жевательной резинки.

— Я собиралась вам про это рассказать, да вы меня прервали,— сказала мисс Бэйтс.— Вы, конечно, слышали про Мэгги Браун, которая здесь останавливается. Так вот, она стоит сорок миллионов долларов. Живет она в Джерси в десятидолларовой квартирке. У нее всегда больше наличных, чем у десяти кандидатов в вице-президенты. Не знаю, где она держит деньги, может быть, в чулке, знаю только, что она очень популярна в той части города, где поклоняются золотому тельцу.

Так вот, недели две тому назад миссис Браун останавливается в дверях и глазеет на меня минут десять. Я сижу к ней боком и переписываю под копирку проспект медных разработок для одного симпатичного старичка из Тонопы. Но я всегда вижу, что делается кругом. Когда у меня срочная работа, мне все видно сквозь боковые гребенки, а не то я оставляю незастегнутой одну пуговицу на спине и тогда вижу, кто стоит сзади. Я даже не оглянулась, потому что зарабатываю долларов восемнадцать—девятнадцать в неделю и ничего другого мне не нужно.

В тот вечер она к концу работы присылает за мной и просит зайти к ней в номер. Я было думала, что придется перепечатывать страниц двадцать долговых расписок, залоговых квитанций и договоров и получить центов десять чаевых, но все-таки пошла. Ну, дорогой мой, и удивилась же я. Мэгги Браун вдруг заговорила по-человечески.

— Детка,— говорит она,— красивее вас я никого за всю свою жизнь не видала. Я хочу,

чтобы вы бросили работу н перешлн жнть ко мие. У меия иет иикого на свете, говорнт, кроме мужа да одного-двух сыновей, н я ии с кем из иих не поддерживаю отиошеиий. Онн своим траижирством только обремеияют трудящуюся женщниу. Я хочу взять вас в дочки. Говорят, будто бы я скупая и корыстиая, а в газетах печатают враки, будто бы я сама иа себя готовлю н стираю. Это вранье,— продолжает оиа.— Я всю стирку отдаю на сторону, кроме разве иосовых платков, чулок да иижннх юбок и воротиичков и разиой мелочи в этом роде. У меня сорок миллнонов долларов иаличными деньгамн, в бумагах и облигацнях, такнх же верных, как привилегированные «Стандард-Ойл» иа церковиой ярмарке. Я одииокая старая женщииа и иуждаюсь в блнзком человеке. Вы самое красивое создаиие, какое я в жизии видела,— говорит она.— Хотнте вы перебраться ко мне? Вот увидят тогда, умею я тратить деньги илн иет,— говорит оиа.

Ну, мнлый мой, что же мие было делать? Коиечно, я ие устояла. Да н сказать вам по правде, я тоже иачала прнвязываться к миссис Браун. Вовсе не нз-за сорока миллиоиов н ие радн того, что она могла для меня сделать. Я ведь тоже была совсем одна на свете. Всякому хочется иметь кого-ннбудь, кому можно было бы рассказать про болн в левом плече и про то, как быстро изнашнваются лакнрованные туфли, когда иа иих появятся трещнннкн. А ведь ие станешь про это говорнть с мужчннамн, которых встречаешь в гостиннцах,— оин только того н дожндаются.

И вот я броснла работу в гостинице н переехала к миссис Брауи. Не знаю уж, чем я ей так понравнлась. Она глядела на меия по полчаса, когда я сидела н читала что-иибудь нли просматрнвала журналы.

Как-то я говорю ей:

— Может, я вам напоминаю покойную родственницу нлн подругу детства, мнссис Браун? Я заметила, что ннога вы так н еднте меня глазамн.

— Лицо у вас,— говорнт она,— точь-в-точь такое, как у моего дорогого друга, лучшего друга, какой у меня был. Но я вас люблю и ради вас самой, деточка,— говорит она.

И как вы думаете, мой мнлый, что она сделала? Расшиблась в прах, как волна на пляже Коии-Айлеида. Она отвезла меня к модиой портиихе и велела одеть меня с ног до головы à la carte — за деньгами дело ие стаиет. Заказ был срочиый, и мадам заперла парадиую дверь н усадила весь свой штат за работу.

Потом мы переехали — куда бы вы думали? Нет, отгадайте. Вот это верно — в отель «Бонтон». Мы заиялн номер в шесть комнат, и это стоило иам сто долларов в деиь. Я сама видела счет. Тут я н начала привязываться к старушке.

А потом, когда мне сталн прнвозить платье за платьем — о!— вам я про ннх рассказывать не стану, вы все равно ннчего не поймете. А я начала звать ее тетей Мэгн. Вы, конечио, чнталн про Золушку. Так вот, радость Золушки в ту мннуту, когда прииц иадевал ей иа ногу туфельку трндцать первый иомер, даже и сравииться не может с тем, что я тогда чувствовала. Передо мной оиа была просто иеудачница.

Потом тетя Мэгги сказала, что хочет закатить для моего первого выезда баикет в отеле «Боитои»— такой, чтобы съехалнсь все старые голлаидские фамнлин с Пятой авеию.

— Я ведь выезжала и раиьше, тетя Мэггн,— говорю я.— Но можио иачать снова. Только, зиаете ли, говорю, ведь это самый шикарный отель в городе. И зиаете ли, вы уж меия нзвините, ио очеиь трудио собрать всю эту аристократию вместе, если вы раиьше ие пробовалн.

— Не беспокойтесь, деточка,— говорит тетя Мэгги.— Я не рассылаю приглашеиий, а отдаю приказ. У меня будет пятьдесят человек гостей, которых ие замаиншь вместе нн иа какой прнем, разве только к королю Эдуарду нли к Уильяму Треверсу Джерому. Это, коиечио, мужчииы, н все оии мие должиы нлн собираются занять. Жеиы прнедут ие все, но очень многне явятся.

Да, хотелось бы мие, чтоб и вы присутствовали иа этом баикете. Обедеииый сервиз был весь из золота и хрусталя. Собралось человек сорок мужчин и восемь дам, кроме нас с тетей Мэгги. Вы бы не узиали третьей капнталистки во всем мнре. На ией было иовое чериое шелковое платье с такнм множеством бисера, что ои стучал, словио град по крыше,— мие это пришлось слышать, когда я иочевала в грозу у одной подруги в студии иа самом верхием этаже.

А мое платье! — слушайте, мой мнлый, я для вас даром тратить слова не иамереиа. Оно было все сплошь из кружев ручиой работы — там, где вообще что-ибудь было,— и обошлось в трнста долларов. Я сама видела счет. Мужчины былн все лысые нлн с седымн баками и все время перебрасывались остроумными репликамн насчет трехпроцентных бумаг, Брайана н видов на урожай хлопка.

Слева от меня сидел какой-то баикир, или что-нибудь вроде, судя по разговору, а справа — молодой человек, который сказал, что он газетный художник. Он был единствеииый... вот про это я и хотела вам рассказать.

После обеда мы с мнссис Брауи пошли к себе иаверх. Нам пришлось протискиваться сквозь толпу репортеров, заполоннвших вестнбюль и коридоры. Вот что деиьгн для вас могут сделать. Скажите, вы не зиаете случайио одиого газетного художиика по фамнлин Латроп — такой высокий, краснвые глаза, ннтересиый в разговоре. Нет, ие помию, в какой газете он работает. Ну, ладио.

Прншли мы иаверх, и мнсснс Браун позвоиила, чтобы ей иемедлеиио подали счет. Счет прислали — ои был иа шестьсот долларов. Я сама видела. Тетя Мэггн упала в обморок. Я уложила ее на софу и расстегиула бисериый панцирь.

— Деточка,— говорит оиа, возвратившись к жизии,— что это было? Повысили квартирную плату или ввели подоходиый налог?

— Так, небольшой обед,— говорю я.— Не о чем беспоконться, это же капля в денежном море. Сядьте и придите в себя — можно и выехать, если ничего другого ие остается.

И как вы думаете, мой милый, что случилось с тетей Мэгги? Оиа струсила. Скорей увезла меня из этого отеля «Бонтон», едва дождавшись девяти часов утра. Мы переехали в меблирашки в иижнем конце Вест-Сайда. Она сняла одиу комнату, где вода была этажом ниже, а свет — этажом выше. После того как мы переехали, у нас в комнате только и было что модиых платьев на полторы тысячи долларов да газовая плита с одиой конфоркой.

Тетя Мэгги переживала острый приступ скупости. Я думаю, каждому случается разойтись вовсю хоть единожды в жизни. Мужчина швыряет деньги на выпивку, а женщина сходит с ума из-за тряпок. Но прн сорока миллионах, знаете лн! Хотела бы я видеть такую картину — кстати, о картинах, ие встречали ли вы газетного художника по фамилии Латроп, такой высокий — ах да, я уже спрашивала у вас, правда? Он был очень внимателен ко мие за обедом. У иего такой голос! Мне нравится. Он, должио быть, подумал, что тетя Мэгги завещает мне сколько-нибудь из своих миллионов.

Так вот, мой мнлый, через три дня это облегчениое домашнее хозяйство надоело мне до смерти. Тетя Мэггн была все так же ласкова. Оиа просто глаз с меня не сводила. Но позвольте мне сказать вам, это была такая скряга, просто скряга из скряг, всем скрягам скряга. Она твердо решила не тратить больше семидесяти пяти центов в день. Мы готовили себе обед в комнате. И вот я, нмея на тысячу долларов самых модных платьев, выделывала всякие фокусы на газовой плите с одной конфоркой.

Повторяю, на третий день я сбежала. У меня в голове не вязалось, как это можно готовить на пятнадцать центов тушеных почек в стопятидесятидолларовом домашнем платье со вставкой из валансьенскнх кружев. И вот я нду за шкаф и переодеваюсь в самое дешевое платье из тех, что миссис Браун мне купила,— вот это самое, что на мне,— не так плохо за семьдесят пять долларов, правда? А свои платья я оставила на квартире у сестры, в Бруклиие.

— Миссис Браун, бывшая тетя Мэгги,— говорю я ей,— сейчас я начну переставлять одну ногу за другой попеременно так, чтобы как можно скорей уйти подальше от этой квартиры. Я ие поклонница денег,— говорю я,— но есть вещи, которых я не терплю. Еще туда-сюда сказочное чудовище, о котором мне приходилось читать, будто оно одним дыханием может напустить и холод и жару. Но я не терплю, когда дело бросают на полдороге. Говорят, будто вы скопнли сорок миллионов — ну, так у вас никогда меньше не будет. А ведь я к вам привязалась.

Тут бывшая тетя Мэгги ударяется в слезы. Обещает переехать в шикарную комнату с водой и двумя газовыми конфорками.

— Я потратила уйму денег, девочка,— говорит она.— На время нам надо будет сократиться. Вы самое красивое созданье, какое я только видела, говорит, и мие ие хочется, чтобы вы от меня уходили.

Ну, вы меня понимаете, не правда ли? Я пошла прямо в «Акрополь», попросилась на старую работу, и меня взяли. Так как же, вы говорили, у вас с рассказами? Я зиаю, вы много потеряли оттого, что не я их переписывала. А рисуики к иим вы когда-нибудь заказываете? Да, кстати, ие зиакомы ли вы с одним газетиым художником...ах, что это я! Ведь я вас уже спрашивала. Хотела бы я знать, в какой газете он работает. Странно, только мне все думается, что он и ие думал о деньгах, которые, как я думала, может мне завещать старуха Браун. Если б я знала кого-нибудь из газетных редакторов, я бы...

За дверью послышались легкие шаги. Мисс Бэйтс увидела, кто это, сквозь заднюю гребенку в прическе. Она вдруг порозовела, эта мраморная статуя,— чудо, которое видели только я да Пигмалиои.

— Ведь вы извините меня?— сказала она мне, превращаясь в очаровательную просительницу.— Это... это мистер Латроп. Может быть, он и в самом деле не из-за денег, может быть, он и правда...

Разумеется, меня прнгласилн на свадьбу. После церемонии я отвел Латропа в сторону.

— Вы художник,— сказал я.— Неужели вы до сих пор не поняли, почему Мэгги Браун так сильно полюбила мисс Бэйтс, то есть бывшую мисс Бэйтс? Позвольте, я вам покажу.

На новобрачной было простое белое платье, падавшее красивыми складками, наподобие одежды древних греков. Я сорвал несколько листьев с гирлянды, украшавшей маленькую гостиную, сделал из них венок и, возложнв его на блестящие каштановые косы урожденной Бэйтс, заставнл ее повернуться в профнль к мужу.

— Клянусь честью!— воскликнул он.— Ведь Ида вылитая женская головка на серебряном долларе!

МЛАДЕНЦЫ В ДЖУНГЛЯХ

Как-то раз в Литл-Роке говорит мие Монтэгю Силвер, первый на всем Западе ловкач и пройдоха:

— Если ты когда-нибудь выживешь из ума, Билли, или почувствуешь, что ты уже слишком стар, чтобы по-честному заниматься надувательством взрослых людей, поезжай в Нью-Йорк. На Западе каждую минуту рождается на свет один простак, ио в Нью-Йорке их просто мечут, как икру, так что и ие сосчитать.

Прошло два года, и вот замечаю я, что имена русских адмнралов стали вылетать у меня

из памяти, и над левым ухом появилось несколько седых волосков; тут я понял, что пришло время воспользоваться советом Силвера.

Я вкатился в Нью-Йорк в один прекрасный день около полудня и сразу же пошел прогуляться по Бродвею. Вдруг вижу — Силвер собственной персоной: наверчено на нем разной шикарной галантереи, и он стоит, прислонясь к стене какого-то отеля, и полирует себе лунки на ногтях шелковым платочком.

— Склероз мозга или преждевременная старость?— спрашиваю я его.

— А, Билли!— говорит Силвер.— Рад тебя видеть. Да, у нас на Западе, знаешь ли, все что-то очень поумнели. А Нью-Йорк я себе давно уже приберегал на сладкое. Конечно, не очень это красиво обирать таких людей, как нью-йоркские жители. Ведь они считать умеют только до трех, танцевать только от печки, а думают раз в год по обещанию. Не хотел бы я, чтобы моя мать знала, что я обчищаю таких несмысленышей. Она меня не для того воспитывала.

— А что, у дверей, где написано: «Принимают в чистку», уже толпится очередь?— спрашиваю я.

— Да нет,— говорит Силвер.— В наши дни и без рекламы можно обойтись. Я ведь здесь только месяц. Но я готов приступить; и все учащиеся воскресной школы Вилли Манхэттена, изъявившие желание сделать свой вклад в это благородное предприятие, благоволят послать свои фотографии для помещения в «Ивнинг дейли».

— Я тут знакомился с городом,— говорит дальше Силвер,— читал каждый день газеты и, могу сказать, изучил его так, как кошка в ратуше изучила повадки полисменов-ирландцев. Люди здесь такие, что, если ты не торопишься вынуть у них деньги из кармана, они просто кидаются на пол, визжат и дрыгают ногами. Пойдем ко мне, Билли, я тебе порасскажу, как и что. По старой дружбе я готов заняться этим городом с тобой на пару.

Повел меня Силвер в свой номер в отеле. Там у него валяется масса всякой всячины.

— Есть много способов выкачивать деньги из этих столичных олухов,— говорит Силвер,— больше даже, чем способов варить рис в Чарлстоне, Южная Каролина. Они клюют на любую приманку. У большинства из них мозги устроены с переключателем. Чем они умнее и ученее, тем меньше у них здравого смысла. Вот только недавно один человек продал Дж. П. Моргану писанный маслом портрет Рокфеллера-младшего, выдав его за знаменитую картину Андреа дель Сарто «Иоанн Креститель в молодости».

Видишь там, в уголке, кипу печатных брошюрок? Так вот, имей в виду, что это золотые россыпи. Я тут на днях стал было распродавать их, но через два часа должен был прекратить торговлю. Почему? Меня арестовали за то, что я застопорил уличное движение. Люди дрались из-за каждого экземпляра. По дороге в участок я успел продать десяток полисмену, который меня вел. Но после этого я их изъял из обращения. Не могу, понимаешь, просто так брать у людей деньги. Хочу, чтобы они хоть немножко подумали, прежде чем отдавать их мне, иначе это ранит мое самолюбие. Пусть хотя бы попробуют угадать, какой буквы не хватает в слове «Чик-го», или прикупить к паре девяток, прежде чем доставать кошелек из кармана.

А то вот еще было одно дело, которое далось мне так легко, что пришлось от него отказаться. Видишь на столе бутылку синих чернил? Я изобразил у себя на рисунке татуировку в виде якоря, пошел в один банк и представился там как племянник адмирала Дьюи. Мне тут же предложили выдать тысячу долларов под вексель с переводом на дядю, да на беду я не знал его инициалов. Но по этому примеру ты можешь судить, до чего легко работать в этом городе. Грабители, например, так те просто не войдут в дом, если там не приготовлен горячий ужин и нет достаточного штата прислуги с высшим образованием. В любом районе бандиты дырявят граждан без всякого затруднения, и это рассматривается как простой случай оскорбления действием.

— Монти,— говорю я, как только Силвер затормозил,— может, ты и правильно разделал Манхэттен в своем резюме, но что-то мне не верится. Я здесь всего два часа, но у меня нет такого впечатления, что этот городишко уже выложен для нас на тарелочку и даже ложка рядом. На мой вкус, ему не хватает rus in urbe[1]. Меня бы, прямо скажу, больше устроило, если бы у здешних граждан порой торчали соломинки в волосах и они питали пристрастие к бархатным жилетам и брелокам с гирю величиной. Боюсь, что не так уж они просты.

— Все понятно, Билли,— говорит Силвер.— Ты заболел эмигрантской болезнью. Само собой, Нью-Йорк чуть побольше, чем Литл-Рок или Европа, и приезжему человеку с непривычки страшновато. Но ничего, это у тебя пройдет. Я же тебе говорю, мне иной раз хочется отшлепать здешних жителей за то, что они не присылают мне все свои деньги уложенными в корзины для белья и обрызганными жидкостью от насекомых. А то еще тащись за ними на улицу! Знаешь, кто в этом городе ходит в брильянтах? Жены мазуриков и невесты шулеров. Облапошить нью-йоркца легче, чем вышить голубую розу на салфеточке. Меня только одна вещь беспокоит — как бы мои сигары не поломались, когда у меня все карманы будут набиты двадцатками.

— Что ж, дай бог, чтоб ты оказался прав, Монти,— говорю я,— только лучше бы мне всетаки сидеть в Литл-Роке и не гнаться за большими доходами. Даже в неурожайный год там всегда наберется десяток-другой фермеров, готовых поставить свое имя на подписном листе в пользу постройки нового здания для поч-

[1]Сельский элемент в городе *(лат.)*.

ты, который можно учесть в местном банке сотни за две долларов. А у здешних людей, сдается мне, чересчур развит инстинкт самосохранения и сохранения своего кошелька. Боюсь, что у нас с тобой для такой игры тренировки маловато.

— Напрасные опасения,— говорит Силвер.— Я знаю настоящую цену этому Кретинтауну близ Разиньвилля, и это так же верно, как то, что Северная река — это Гудзон, а Восточная река — вообще не река. Да тут в четырех кварталах от Бродвея живут люди, которые в жизни не видели никаких домов, кроме небоскребов. Живой, деятельный, энергичный житель Запада за каких-нибудь три месяца должен сделаться здесь достаточно заметной фигурой, чтобы заслужить либо снисхождение Джерома, либо осуждение Лоусона.

— Оставим гиперболы,— говорю я,— и скажи, можешь ли ты предложить конкретный способ облегчить здешнее общество на доллар-другой, не обращаясь к Армии спасения и не падая в обморок на крыльце особняка мисс Эллен Гулд?

— Могу предложить хоть двадцать способов,— говорит Силвер.— Сколько у тебя капиталу, Билли?

— Тысяча,— отвечаю.

— А у меня тысяча двести,— говорит он.— Составим компанию и будем делать большие дела. Есть столько возможностей нажить миллион, что я просто не знаю, с какой начинать.

На следующее утро Силвер встречает меня в вестибюле отеля, и я вижу, что он так и пыжится от удовольствия.

— Сегодня мы познакомимся с Дж. П. Морганом,— говорит он.— Тут у меня есть один знакомый в отеле, который хочет нас ему представить. Он его близкий приятель. Говорит, что тот очень любит приезжих с Запада.

— Вот это уже похоже на дело!— говорю я.— Очень буду рад познакомиться с мистером Морганом.

— Да,— говорит Силвер,— нам, пожалуй, не помешает завести знакомства среди финансовых воротил. Мне нравится, что в Нью-Йорке так радушно встречают приезжих.

Фамилия знакомого Силвера была Клейн. В три часа Клейн явился к Силверу в номер вместе со своим приятелем с Уолл-стрита. Мистер Морган был немного похож на свои портреты: левая нога у него была обернута мохнатым полотенцем, и он ходил, опираясь на палку.

— Это мистер Силвер, а это мистер Пескад,— говорит Клейн.— Я думаю, нет нужды,— говорит он,— называть имя великого финансового...

– Ну, ну, ладно, Клейн,— говорит мистер Морган.— Рад познакомиться с вами, джентльмены; меня очень интересует Запад. Клейн сказал мне, что вы из Литл-Рока. У меня как будто имеется парочка железных дорог в тех краях. Может, кому из вас, ребята, охота перекинуться в покер, так я...

— Пирпонт, Пирпонт,— перебивает Клейн.— Вы что, забыли?

— Ах, извините, джентльмены!— говорит Морган.— С тех пор как у меня сделалась подагра, я иногда играю в картишки со знакомыми, которые навещают меня в моем особняке. Скажите, никому из вас не приходилось там, на Западе, встречать Одноглазого Питера? Он жил в Сиэтле, Нью-Мексико.

Не дожидаясь нашего ответа, мистер Морган вдруг сердито застучал палкой об пол и принялся расхаживать по комнате взад и вперед, браня кого-то громким голосом.

— Что, Пирпонт, наверное, на Уолл-стрите опять стараются сбить курс ваших акций?— спрашивает Клейн с усмешкой.

— Какие там еще акции!— грозно рычит мистер Морган.— Это я расстраиваюсь из-за той картины, за которой специально посылал человека в Европу. Только сегодня получил от него телеграмму, что он ищет ее по всей Италии и не может найти. Я бы завтрашний день заплатил за эту картину пятьдесят тысяч долларов — да что пятьдесят! Семьдесят пять тысяч заплатил бы. Я дал своему человеку à la carte: покупать за любую цену. Просто не понимаю, почему картинные галлереи терпят, что настоящий да Винчи...

— Как, мистер Морган?—говорит Клейн.— Разве не все картины да Винчи находятся в вашей коллекции?

— А что это за картина, мистер Морган?— спрашивает Силвер.— Наверно, она величиной с боковую стену небоскреба «Утюг»?

— Вы, я вижу, не очень разбираетесь в искусстве, мистер Силвер,— говорит Морган.— Это картинка размером двадцать семь дюймов на сорок два, и называется она «Досуг любви». Нарисовано на ней несколько барышень-манекенш, которые танцуют тустеп на берегу лиловой речки. В телеграмме говорится, что скорей всего эта картинка уже вывезена в Америку. А без нее моя коллекция не полна. Ну, мне пора, джентльмены. Наш брат, финансист, должен, знаете, соблюдать режим.

Мистер Морган уехал от нас в кебе вместе с Клейном. После их ухода мы с Силвером долго говорили о том, как простодушны и доверчивы великие люди; Силвер сказал, что обмануть такого человека, как мистер Морган, было бы просто бессовестно; а я сказал, что, на мой взгляд, это было бы неосторожно.

После обеда Клейн предложил пройтись по городу, и мы втроем, я, он и Силвер, отправились на Седьмую авеню посмотреть, какие там есть достопримечательности. В витрине у закладчика Клейн вдруг увидел запонки, которые ему ужасно понравились. Он вошел в лавку, чтобы купить их, а мы вошли вместе с ним.

Когда мы вернулись в отель и Клейн ушел к себе, Силвер вдруг кидается ко мне и начинает размахивать руками.

— Видал?— говорит он.— Ты ее видал, Билли?

— Кого — ее?— спрашиваю.

— Да ту самую картнику, за которой охотнтся Морган. Оиа внснт у закладчнка, прямо иад его конторкой. Я только не хотел ннчего говорить прн Клейие. Будь уверен, это та самая. Барышии прямо как живые, из таких, что носят платья сорок шестого размера, но там-то они обходятся без платьев. И все так меланхоличио выбрыкивают ногами, и речка тут же, и берег. Сколько, мистер Морган сказал, он бы отдал за эту картину? Ну, неужели не понимаешь? Ведь хозяин лавки наверняка не знает, что у него там за сокровище.

На следующее утро лавка еще не успела открыться, а мы с Силвером уже были тут как тут, словно двое забулдыг, которым не терпится раздобыть денег на выпивку под заклад воскресного костюма. Входнм мы в лавку и начинаем рассматривать цепочки для часов.

— Это что за мазня у вас там внсит, иад конторкой?— говорнт Силвер хозяину как бы между прочнм.— Вообще говоря, иикудышиая картинка, ио мие иа ией прнглянулась вои та рыжеиькая, с острыми лопатками. Я бы вам предложил за нее два доллара с четвертью, да боюсь, как бы вы ие разбили какие-нибудь хрупкие предметы, когда броситесь поскорее снимать ее с гвоздя.

Хозяии усмехается и продолжает раскладывать перед иами часовые цепочки накладного золота.

— Эту картину,— говорит он,— принес мне в заклад одии итальянец год тому назад. Я ему дал под нее пятьсот долларов. Это «Досуг любви» Леоиардо да Винчи. Как раз два дня тому назад истек законный срок, так что сейчас она уже поступила в продажу как невыкупленный заклад. Вот, рекомендую эту цепочку, очеиь модный фасои.

Полчаса спустя мы с Силвером вышли из лавки с картиной под мышкой, заплатив за нее ростовщику две тысячи иаличными. Силвер сразу же сел в кеб и покатил к Моргану в баик. Я вериулся в отель, снжу и дожидаюсь. Через два часа является Силвер.

— Ну, как, застал мнстера Моргана?— спрашиваю я.— Сколько ои заплатнл за картнну?

Снлвер садится и начннает перебнрать бахрому скатертн.

— Мистера Моргаиа мне застать не удалось,— говорит он,— потому что мистер Моргаи уже второй месяц путешествует по Европе. Но вот чего я ие могу поиять, Бнлли: эта самая картинка продается во всех универсальных магазииах и стоит вместе с рамкой три доллара сорок восемь цеитов. А за рамку отдельно просят три доллара пятьдесят цеитов — как же это получается, хотел бы я зиать?

ВОЖДЬ КРАСНОКОЖИХ

Дельце как будто подвертывалось выгодное. Но погодите, дайте я сам сиачала расскажу. Мы были тогда с Биллом Дрнсколлом на Юге, в штате Алабама. Там иас и осенила блестящая идея иасчет похнщення. Должно быть, как говарнвал потом Билл, «нашло времеиное помрачеиие ума»,— только мы-то об этом догадалнсь много позже.

Есть там один городишко, плоский, как блин, н, конечно, называется «Вершнны». Живет в нем самая безобндиая н всем довольная деревенщнна, какой впору только плясать вокруг майского шеста.

У нас с Биллом было в то время долларов шестьсот объединенного капитала, а требовалось иам еще ровно две тысячи на проведение жульнической спекуляции земельными участками в Западном Иллинойсе. Мы поговорили об этом, сидя на крыльце гостиницы. Чадолюбие, говорили мы, сильно развито в полудеревеискнх общииах; а поэтому, а также и по другим причниам плаи похищеиня легче будет осуществить здесь, чем в радиусе действия газет, которые подиимают в таких случаях шум, рассылая во все стороиы переодетых корреспондентов. Мы знали, что городишко ие может послать за нами в погоию ничего страшнее коистеблей, да каких-нибудь сентиментальиых ищеек, да двух-трех обличительных заметок в «Еженедельном бюджете фермера». Как будто получалось недурно.

Мы выбрали иашей жертвой единственного сына самого видиого из горожаи, по имени Эбенезер Дорсет. Папаша был человек почтенный и прижимистый, любитель просрочеиных закладиых, честиый и неподкупный церковиый сборщик. Сыиок был мальчишка лет десяти, с выпуклыми веснушками по всему лицу и волосами приблизнтельио такого цвета, как обложка журнала, который покупаешь обычио в киоске, спеша иа поезд. Мы с Биллом рассчитывали, что Эбенезер сразу выложит нам за сынка две тысячи долларов, никак не меньше. Но погодите, дайте я вам сначала расскажу.

Мнлях в двух от города есть иевысокая гора. поросшая густым кедровннком. В задием склоие этой горы нмеется пещера. Там мы сложнлн провнзню.

Одиажды вечером, после захода солнца, мы проехали в шарабаие мнмо дома старнка Дорсета. Мальчишка был иа улице н швырял камиямн в котеика, сидевшего иа заборе.

— Эй, мальчик!— говорил Бнлл.— Хочешь получнть пакетик ледеицов и прокатнться?

Мальчишка засветил Бнллу в самый глаз обломком кирпнча.

— Это обойдется старнку в лишннх пятьсот долларов,— сказал Бнлл, перелезая через колесо.

Мальчншка этот дрался, как бурый медведь среднего веса, ио в конце коицов мы его запихали иа дио шарабаиа н поехали. Мы отвелн мальчншку в пещеру, а лошадь я привязал в кедровннке. Когда стемиело, я отвез шарабан в деревушку, где мы его ианнмали, мнлях в трех от иас, а оттуда прогулялся к горе пешком.

Смотрю, Билл закленвает липкнм пластырем

царапины и ссадины на своей физиономии. Позади большой скалы у входа в пещеру горит костер, и мальчишка с двумя ястребиными перьями в рыжих волосах следит за кипящим кофейником. Подхожу я, а он нацелился в меня палкой и говорит:

— А, проклятый бледнолицый, как ты смеешь являться в лагерь Вождя Краснокожих, грозы равнин?

— Сейчас он еще ничего,— говорит Билл, закатывая штаны, чтобы разглядеть ссадины на голенях.— Мы играем в индейцев. Цирк по сравнению с нами — просто виды Палестины в волшебном фонаре. Я старый охотник Хенк, пленник Вождя Краснокожих, и на рассвете с меня снимут скальп. Святые мученики! И здоров же лягаться этот мальчишка!

Да, сэр, мальчишка, видимо, веселился вовсю. Жить в пещере ему понравилось, он и думать забыл, что он сам пленник. Меня он тут же окрестил Змеиным Глазом и Соглядатаем и объявил, что, когда его храбрые воины вернутся из похода, я буду изжарен на костре, как только взойдет солнце.

Потом мы сели ужинать, и мальчишка, набив рот хлебом с грудинкой, начал болтать. Он произнес застольную речь в таком роде:

— Мне тут здорово нравится. Я никогда еще не жил в лесу; зато у меня был один раз ручной опоссум, а в прошлый день рождения мне исполнилось девять лет. Терпеть не могу ходить в школу. Крысы сожрали шестнадцать штук яиц из-под рябой курицы тетки Джимми Талбота. А настоящие индейцы тут в лесу есть? Я хочу еще подливки. Ветер отчего дует? Оттого, что деревья качаются? У нас было пять штук щенят. Хенк, отчего у тебя нос такой красный? У моего отца денег видимо-невидимо. А звезды горячие? В субботу я два раза отлупил Эда Уокера. Не люблю девчонок! Жабу не очень-то поймаешь, разве только на веревочку. Быки ревут или нет? Почему апельсины круглые? А кровати у вас в пещере есть? Амос Меррей — шестипалый. Попугай умеет говорить, а обезьяны и рыба нет. Дюжина — это сколько будет?

Каждые пять минут мальчишка вспоминал, что он краснокожий, и, схватив палку, которую он называл ружьем, крался на цыпочках ко входу в пещеру выслеживать лазутчиков ненавистных бледнолицых. Время от времени он испускал военный клич, от которого бросало в дрожь старого охотника Хенка. Билла этот мальчишка запугал с самого начала.

— Вождь Краснокожих,— говорю я ему,— а домой тебе разве не хочется?

— А ну их, чего я там не видал?— говорит он.— Дома ничего нет интересного. В школу ходить я не люблю. Мне нравится жить в лесу. Ты ведь не отведешь меня домой, Змеиный Глаз?

— Пока не собираюсь,— говорю я.— Мы еще поживем тут в пещере.

— Ну ладно,— говорит он.— Вот здорово! Мне никогда в жизни не было так весело!

Мы легли спать часов в одиннадцать. Расстелили на землю шерстяные и стеганые одеяла, посередине уложили Вождя Краснокожих, а сами легли с краю. Что он сбежит, мы не боялись. Часа три он, не давая нам спать, все вскакивал, хватал свое ружье; при каждом треске сучка и шорохе листев его юному воображению чудилось, будто к пещере подкрадывается шайка разбойников, и он верещал на ухо то мне, то Биллу: «Тише, приятель!» Под конец я заснул тревожным сном и во сне видел, будто меня похитил и приковал к дереву свирепый пират с рыжими волосами.

На рассвете меня разбудил страшный визг Билла. Не крики, или вопли, или вой, или рев, какого можно было бы ожидать от голосовых связок мужчины,— нет, прямо-таки неприличный, ужасающий, унизительный визг, каким визжит женщина, увидев привидение или гусеницу. Ужасно слышать, как на утренней заре в пещере визжит без умолку толстый, сильный, отчаянной храбрости мужчина.

Я вскочил с постели посмотреть, что такое делается. Вождь Краснокожих сидел на груди Билла, вцепившись одной рукой ему в волосы. В другой руке он держал острый ножик, которым мы обыкновенно резали грудинку, и самым деловитым и недвусмысленным образом пытался снять с Билла скальп, выполняя приговор, который вынес ему вчера вечером.

Я отнял у мальчишки ножик и опять уложил его спать. Но с этой самой минуты дух Билла был сломлен. Он улегся на своем краю постели, однако больше уже не сомкнул глаз за все то время, что мальчик был с нами. Я было задремал ненадолго, но к восходу солнца вдруг вспомнил, что Вождь Краснокожих обещался сжечь меня на костре, как только взойдет солнце. Не то чтобы я нервничал или боялся, а все-таки сел, закурил трубку и прислонился к скале.

— Чего ты поднялся в такую рань, Сэм?— спросил меня Билл.

— Я?— говорю.— Что-то плечо ломит. Думаю, может, легче станет, если посидеть немного.

— Врешь ты,— говорит Билл.— Ты боишься. Тебя он хотел сжечь на рассвете, и ты боишься, что он так и сделает. И сжег бы, если бы нашел спички. Ведь это просто ужас, Сэм. Уж не думаешь ли ты, что кто-нибудь станет платить деньги за то, чтобы такой дьяволенок вернулся домой?

— Думаю,— говорю я.— Вот как раз таких-то хулиганов и обожают родители. А теперь вы с Вождем Краснокожих вставайте и готовьте завтрак, а я поднимусь на гору и произведу разведку.

Я взошел на вершину маленькой горы и обвел взглядом окрестности. В направлении города я ожидал увидеть дюжих фермеров, с косами и вилами рыскающих в поисках подлых похитителей. А вместо того я увидел мирный пейзаж, и оживлял его единственный человек, пахавший на сером муле. Никто не бродил с баграми вдоль реки; всадники не скакали взад и вперед и не сообщали безутешным родителям, что пока

еще ничего не известно. Сонным спокойствием лесов веяло от той части Алабамы, которая простиралась перед моими глазами.

— Может быть,— сказал я самому себе,— еще не обнаружено, что волки унесли ягненочка из загона. Помоги, боже, волкам!— И я спустился с горы завтракать.

Подхожу ближе к пещере и вижу, что Билл стоит, прижавшись к стенке, и едва дышит, а мальчишка собирается его трахнуть камнем чуть ли не с кокосовый орех величиной.

— Он сунул мне за шиворот с пылу горячую картошку,— объяснил Билл,— и раздавил ее ногой, а я ему надрал уши. Ружье с тобой, Сэм?

Я отнял у мальчишки камень и кое-как уладил это недоразумение.

— Я тебе покажу!— говорит мальчишка Биллу.— Еще ни один человек не ударил Вождя Краснокожих, не поплатившись за это. Так что ты берегись!

После завтрака мальчишка достает из кармана кусок кожи, обмотанный бечевкой, и идет из пещеры, разматывая бечевку на ходу.

— Что это он теперь затеял?— тревожно спрашивает Билл.— Как ты думаешь, Сэм, он не убежит домой?

— Не бойся,— говорю я.— Он, кажется, вовсе не такой уж домосед. Однако нам нужно придумать какой-то план насчет выкупа. Не видно, чтобы в городе особенно беспокоились из-за того, что он пропал, а может быть, еще не пронюхали насчет похищения. Родные, может, думают, что он остался ночевать у тети Джейн или у кого-нибудь из соседей. Во всяком случае сегодня его должны хватиться. К вечеру мы пошлем его отцу письмо и потребуем две тысячи долларов выкупа.

И тут мы услышали что-то вроде военного клича, какой, должно быть, испустил Давид, когда нокаутировал чемпиона Голиафа. Оказывается, Вождь Краснокожих вытащил из кармана пращу и теперь крутил ее над головой.

Я увернулся и услышал глухой тяжелый стук и что-то похожее на вздох лошади, когда с нее снимают седло. Черный камень величиной с яйцо стукнул Билла по голове как раз позади левого уха. Он сразу весь обмяк и упал головою в костер, прямо на кастрюлю с кипятком для мытья посуды. Я вытащил его из огня и целых полчаса поливал холодной водой.

Понемножку Билл пришел в себя, сел, пощупал за ухом и говорит:

— Сэм, знаешь, кто у меня любимый герой в Библии?

— Ты погоди,— говорю я.— Мало-помалу придешь в чувство.

— Царь Ирод,— говорит он.— Ты ведь не уйдешь, Сэм, не оставишь меня одного?

Я вышел из пещеры, поймал мальчишку и начал так его трясти, что веснушки застучали друг о друга.

— Если ты не будешь вести себя как следует,— говорю я,— я тебя сию минуту отправлю домой. Ну, будешь ты слушаться или нет?

— Я ведь только пошутил,— сказал он, надувшись.— Я не хотел обижать старика Хенка. А он зачем меня ударил? Я буду слушаться, Змеиный Глаз, только ты не отправляй меня домой и позволь мне сегодня играть в разведчиков.

— Я этой игры не знаю,— сказал я.— Это уж вы решайте с мистером Биллом. Сегодня он будет с тобой играть. Я сейчас ухожу ненадолго по делу. Теперь ступай помирись с ним да попроси прощения за то, что ты его ушиб, а не то сейчас же отправишься домой.

Я заставил их пожать друг другу руки, потом отвел Билла в сторонку и сказал ему, что ухожу в деревушку Поплар-Ков, в трех милях от пещеры, и попробую узнать, как смотрят в городе на похищение младенца. Кроме того, я думаю, что будет лучше в этот же день послать угрожающее письмо старику Дорсету с требованием выкупа и наказом, как именно следует его уплатить.

— Ты знаешь, Сэм, — говорит Билл, — я всегда был готов за тебя в огонь и воду, не моргнул глазом во время землетрясения, игры в покер, динамитных взрывов, полицейских облав, нападений на поезда и циклонов. Я никогда ничего не боялся, пока мы не украли эту двуногую ракету. Он меня доконал. Ты ведь не оставишь меня с ним надолго, Сэм?

— Я вернусь к вечеру, что-нибудь около этого,— говорю я.— Твое дело занимать и успокаивать ребенка, пока я не вернусь. А сейчас мы с тобой напишем письмо старику Дорсету.

Мы с Биллом взяли бумагу и карандаш и стали сочинять письмо, а Вождь Краснокожих тем временем расхаживал взад и вперед, закутавшись в одеяло и охраняя вход в пещеру. Билл со слезами просил меня назначить выкуп в полторы тысячи долларов вместо двух.

— Я вовсе не пытаюсь унизить прославленную, с моральной точки зрения, родительскую любовь, но ведь мы имеем дело с людьми, а какой же человек нашел бы в себе силы заплатить две тысячи долларов за эту веснушчатую дикую кошку! Я согласен рискнуть: пускай будет полторы тысячи долларов. Разницу можешь отнести на мой счет.

Чтобы утешить Билла, я согласился, и мы с ним вместе состряпали такое письмо:

«Эбенезеру Дорсету, эсквайру.

Мы спрятали вашего мальчика в надежном месте, далеко от города. Не только вы, но даже самые ловкие сыщики напрасно будут его искать. Окончательные, единственные условия, на которых вы можете получить его обратно, следующие: мы требуем за его возвращение полторы тысячи долларов; деньги должны быть оставлены сегодня в полночь на том же месте и в той же коробочке, что и ваш ответ,— где именно, будет сказано ниже. Если вы согласны на эти условия, пришлите ответ в письменном виде с кем-нибудь одним к половине девятого. За бродом через Совиный ручей

по дороге к Тополевой роще растут три больших дерева на расстоянии ста ярдов одно от другого, у самой изгороди, что идет мимо пшеничного поля, с правой стороны. Под столбом этой нзгороди, напротив третьего дерева, ваш посланный найдет небольшую картонную коробочку.

Он должеи положить ответ в эту коробку и немедленно вернуться в город.

Если вы попытаетесь выдать нас или не выполнить иаших требований, как сказаио, вы никогда больше не увидите вашего сына.

Еслн вы уплатите деньгн, как сказаио, он будет вам возвращен целым и невреднмым в течеиие трех часов. Этн условия окончательны, и, если вы на них не согласнтесь, всякие дальнейшие сообщения будут прерваны.

Два злодея».

Я написал адрес Дорсета и положил письмо в карман. Когда я уже собрался в путь, мальчишка подходит ко мне и говорнт:

— Змеиный Глаз, ты сказал, что мне можно играть в разведчика, пока тебя не будет.

— Играй, конечно,— говорю я.— Вот мистер Билл с тобой поиграет. А что это за игра такая?

— Я разведчик,— говорит Вождь Красиокожих,— и должен скакать иа заставу, предупредить поселенцев, что индейцы идут. Мне надоело самому быть индейцем. Я хочу быть разведчиком.

— Ну, ладно,— говорю я.— По-моему, вреда от этого не будет. Мистер Билл поможет тебе отразить нападение свирепых дикарей.

— А что мне надо делать?— спрашивает Билл, подозрительно глядя на мальчишку.

— Ты будешь конь,— говорит разведчнк.— Становись на четвереиьки. А то как же я доскачу до заставы без коня?

— Ты уж лучше займи его,— сказал я,— пока иаш план не будет приведен в действие. Порезвись немножко.

Билл становится иа четвереньки, и в глазах у него появляется такое выражение, как у кролика, попавшего в западню.

— Далеко ли до заставы, малыш?— спрашивает он довольно-таки хриплым голосом.

— Девяиосто миль,— отвечает разведчик.— И тебе придется поторопиться, чтобы попасть туда вовремя. Ну, пошел!

Разведчик вскакивает Биллу на спину и воизает пятки ему в бока.

— Радн бога,— говорит Билл,— возвращайся, Сэм, как можно скорее! Жалко, что мы назначили такой выкуп, иадо бы ие больше тысячи. Слушай, ты перестаиь меия лягать, а не то я вскочу и огрею тебя как следует!

Я отправился в Поплар-Ков, заглянул на почту н в лавку, посидел там, поговорил немиого с фермерами, которые приходили за покупками. Один бородач слышал, будто бы весь город переполошился из-за того, что у Эбенезера Дорсета пропал нли украден мальчишка. Это-то мне и нужно было знать. Я купил табаку, справился мимоходом, почем нынче горох, незаметно опустил письмо в ящнк и ушел. Почтмейстер сказал мне, что через час проедет мимо почтальои и заберет городскую почту.

Когда я вернулся в пещеру, ни Билла, ни мальчишки нигде ие было видно. Я произвел разведку в окрестиостях пещеры, отважнлся раза два аукнуть, ио мие никто не ответил. Я закурил трубку и уселся на моховую кочку ожидать дальнейших событий.

Приблизительио через полчаса в кустах зашелестело, н Билл выкатился на поляику перед пещерой. За инм крался мальчишка, ступая бесшумно, как разведчик, и ухмыляясь во всю ширь своей физиоиомии. Билл остаиовился, снял шляпу и вытер лнцо красиым платком. Мальчишка остановился футах в восьми позади него.

— Сэм,— говорит Билл,— пожалуй, ты сочтешь меия предателем, ио я просто ие мог терпеть. Я взрослый человек, способен к самозащите, н привычки у меня мужественные, однако бывают случаи, когда все идет прахом — и самомнение и самообладаиие. Мальчик ушел. Я отослал его домой. Все кончено. Бывали мученики в старое время, которые скорее были готовы принять смерть, чем расстаться с любимой профессией. Но никто из них не подвергался такнм сверхъестествеиным пыткам, как я. Мне хотелось остаться вериым нашему грабительскому уставу, ио сил ие хватило.

— Что такое случилось, Билл?— спрашиваю я.

— Я проскакал все девяносто миль до заставы, нн дюймом меньше,— отвечает Билл.— Потом, когда поселенцы были спасеиы, мие дали овса. Песок — иеважная замена овсу. А потом я битый час должен был объясиять, почему в дырках иичего иету, зачем дорога идет в обе стороиы н отчего трава зелеиая. Говорю тебе, Сэм, есть предел человеческому терпеиию. Хватаю мальчишку за шиворот и тащу с горы вииз. По дороге он меня лягает, все иоги от колеи книзу у меия в сиияках; два-три укуса в руку и в большой палец мие придется прижечь. Зато ои ушел, — продолжает Билл, — ушел домой. Я показал ему дорогу в город, да еще и подшвыриул его пиком футов на восемь вперед. Жалко, что выкуп мы теряем, ну, да ведь либо это, либо мие отправляться в сумасшедшнй дом.

Билл пыхтит и отдувается, но его ярко-розовая физиономия выражает иеизъясиимый мир и полиое довольство.

— Билл,— говорю я,— у вас в семье ведь нет сердечных болезией?

— Нет,— говорнт Билл,— иичего такого хроиического, кроме малярии и несчастных случаев. А что?

— Тогда можешь обернуться,— говорю я,— и поглядеть, что у тебя за спиной.

Билл оборачивается, видит мальчишку, разом бледиеет, плюхается на землю и иачинает бессмысленно хвататься за траву и мелкие щепочки. Целый час я опасался за его рассудок. После этого я сказал ему, что, по-моему, надо кончать это дело моментальио и что мы успеем получить выкуп и смыться еще до полуночи.

Так что Билл немного подбодрился, настолько даже, что через силу улыбнулся мальчишке и пообещал ему изображать русских в войне с японцами, как только ему станет чуточку полегче.

Я придумал, как получить выкуп без всякого риска быть захваченным противной стороной, и мой план одобрил бы всякий профессиональный похититель. Дерево, под которое должны были положить ответ, а потом и деньги, стояло у самой дороги; вдоль дороги была изгородь, а за ней с обеих сторон — большие голые поля. Если бы того, кто придет за письмом, подстерегала шайка констеблей, его увидели бы издалека на дороге или посреди поля. Так нет же, голубчики! В половине девятого я уже сидел на этом дереве, спрятавшись не хуже древесной лягушки, и поджидал, когда появится посланный.

Ровно в назначенный час подъезжает на велосипеде мальчишка-подросток, находит картонную коробку под столбом, засовывает в нее сложенную бумажку и укатывает обратно в город.

Я подождал еще час, пока не уверился, что подвоха тут нет. Слез с дерева, достал записку из коробки, прокрался вдоль изгороди до самого леса и через полчаса был уже в пещере. Там я вскрыл записку, подсел поближе к фонарю и прочел ее Биллу. Она была написана чернилами, очень неразборчиво, и самая суть ее заключалась в следующем:

«Двум злодеям.

Джентльмены, с сегодняшней почтой я получил ваше письмо насчет выкупа, который вы просите за то, чтобы вернуть мне сына. Думаю, что вы запрашиваете лишнее, а потому делаю вам со своей стороны контрпредложение и полагаю, что вы его примете. Вы приводите Джонни домой и платите мне двести пятьдесят долларов наличными, а я соглашаюсь взять его у вас с рук долой. Лучше приходите ночью, а то соседи думают, что он пропал без вести, и я не отвечаю за то, что они сделают с человеком, который приведет Джонни домой.

С совершенным почтением

Эбенезер Дорсет».

— Великие пираты!— говорю я.— Да ведь этакой наглости...

Но тут я взглянул на Билла и замолчал. У него в глазах я заметил такое умоляющее выражение, какого не видел прежде ни у бессловесных, ни у говорящих животных.

— Сэм,— говорит он,— что такое двести пятьдесят долларов в конце концов? Деньги у нас есть. Еще одна ночь с этим мальчишкой, и придется меня свезти в сумасшедший дом. Кроме того, что мистер Дорсет настоящий джентльмен, он, по-моему, еще и расточитель, если делает нам такое великодушное предложение. Ведь ты не собираешься упускать такой случай, а?

— Сказать тебе по правде, Билл,— говорю я,— это сокровище что-то и мне действует на нервы. Мы отвезем его домой, заплатим выкуп и смоемся куда-нибудь подальше.

В ту же ночь мы отвезли мальчишку домой. Мы его уговорили — наплели, будто бы отец купил ему винтовку с серебряной насечкой и мокасины и будто бы завтра мы с ним поедем охотиться на медведя.

Было ровно двенадцать часов ночи, когда мы постучались в парадную дверь Эбенезера. Как раз в ту самую минуту, когда я должен был извлекать полторы тысячи долларов из коробки под деревом, Билл отсчитывал двести пятьдесят долларов в руку Дорсету.

Как только мальчишка обнаружил, что мы собираемся оставить его дома, он поднял такой вой не хуже пароходной сирены и вцепился в ногу Билла, словно пиявка. Отец отдирал его от ноги, как липкий пластырь.

— Сколько времени вы сможете его держать?— спрашивает Билл.

— Силы у меня уж не те, что прежде,— говорит старик Дорсет,— но думаю, что за десять минут могу вам ручаться.

— Этого довольно, — говорит Билл. — В десять минут я пересеку Центральные, Южные и Среднезападные штаты и свободно успею добежать до канадской границы.

Хотя ночь была очень темная, Билл очень толст, а я умел очень быстро бегать, я нагнал его только в полутора милях от города.

КОЛОВРАЩЕНИЕ ЖИЗНИ

Мировой судья Бинаджа Уиддеп сидел на крылечке суда и курил самодельную бузиновую трубку. Кэмберлендский горный кряж, голубовато-серый в вечернем мареве, тянулся к зениту, загромоздив полнеба. Рябая чванливая курица проковыляла по «главному проспекту» поселка, бессмысленно клохча.

На дороге послышался скрип колес, заклубилось облачко пыли и показалась запряженная быком двуколка, а в ней — Рэнси Билбро со своей половиной. Двуколка остановилась перед зданием суда, и супружеская чета вылезла из нее. Рэнси Билбро состоял преимущественно из дубленой коричневой кожи, увенчанной на высоте шести футов копной желтых волос. Невозмутимый покой родных молчаливых гор одевал его словно броней. В наружности его жены прежде всего бросалось в глаза большое количество ситца, много острых углов и следы нюхательного табака. Сквозь все это проглядывало беспокойство не вполне осознанных желаний и глухой протест обманутой молодости, не замечающей, что она уже прошла.

Мировой судья сунул ноги в башмаки, из уважения к своему званию, и поднялся, чтобы пропустить супругов.

— Мы, вот,— сказала женщина, и голос ее прозвучал, как гудение ветра в ветвях сосен,— хотим развестись.— Она взглянула на мужа, не усмотрел ли он какой-нибудь неясности, неточности, уклончивости, пристрастия или

стремления к личиой выгоде в том, как оиа изложила сущиость дела.

— Развестись,— повторил Рэиси, подкрепляя свои слова торжествеииым кивком.— Мы, вот, ие можем ужиться, хоть ты тресни! В горах-то у иас глушь — одииоко, стало быть, жить-то. Ну, когда муж илн, к примеру, жена стараются друг для дружки — еще куда ии шло. А уж когда оиа шипит, как дикая кошка, или сидит иахохлившись, что твоя сова, человеку-то мочи иет жить с ией вместе.

— Да когда ои бездельиик и чумовой,— без особеииого жара сказала жеищииа.— Валаидается с разиыми погаицами, с самогоищиками, а после дрыхиет деиь-деиьской, иалакавшись виски, да еще целая иапасть с его собаками — корми их!

— Да когда оиа швыряется крышками от кастрюль,— в тои ей забубиил Рэиси,— да еще окатила кипятком лучшего охотиичьего пса иа весь Кэмберлеид, а чтоб мужу похлебку сварить, так иет ее, а уж иочь-то всю как есть глаз сомкиуть ие дает, все пилит за всякую пустяковину.

— Да когда он иа податиых чииовииков с кулаками лезет и иа все горы ославился как самый что ии иа есть иикудышиый пропойца,— тут иешто усиешь?

Мировой судья ие спеша приступил к исполиеиию своих обязаииостей. Ои предложил спорящим стороиам табурет и свой едииствениый стул, раскрыл свод закоиов и углубился в перечеиь статей. Потом протер очки и пододвииул к себе чериильиицу.

— В закоие и его уложении, — иачал судья,— иичего ие говорится иасчет развода в смысле, так сказать, его включаемости в юрисдикцию даииого суда. Но, с точки зреиия справедливости, коистнтуции и Священного писаиия, всякая сделка хороша только постольку, поскольку ее можно расторгиуть. Еслн мнровой судья может сочетать какую-лнбо пару узамн брака, ясно, что он может, если потребуется, и развести ее. Наш суд вынесет решение о разводе и позволит себе надеяться, что Верховный суд оставит это решенне в снле.

Рэнси Билбро вытащил нз кармаиа штанов небольшой кисет. Из кисета он вытряхнул на стол пятидолларовую бумажку.

— Продал медвежью шкуру и трех лиснц,— сказал ои.— Вот все наши денежкн, больше иету.

— Устаиовлеииая судом плата за развод,— сказал судья,— равняется пяти долларам.— С подчеркиуто равнодушным видом он сунул бумажку в карман своего домотканого жилета. Затем с заметиым физическим н умственным иапряжеиием иацарапал на четвертушке листа постаиовлеиие о разводе, переписал его на другую четвертушку и прочел вслух. Рэиси Билбро и его супруга выслушали приговор о своем полиом и обоюдиом раскабалеиии:

«Сим доводится до всеобщего сведеиия, что Рэиси Билбро и его жеиа Эриэла Билбро, будучи в здравом уме и твердой памяти, личио предстали сегодия передо миой и дали обещаиие отныие и впредь не любить и ие почитать друг друга и ни в чем друг другу ие повииоваться, ии в радости, ин в горе, после чего и были привлечеиы к суду для расторжеиия брака в нитересах соблюдеиия обществеииого спокойствия и достоинства Штата. От слова ие отступать, и да поможет вам бог. Бинаджа Унддеп, мировой судья округа Пьедмонта. В округе Пьедмоите, штат Теннесси».

Судья уже протягивал одиу из бумажек Рэиси, ио голос Эриэлы приостаиовил вручеиие документа. Оба мужчины уставились иа иее. В лице этой женщины их иеповоротливый мужской ум столкиулся с чем-то иепредвидениым.

— Судья, ты погоди-ка давать ему эту бумагу. Так ие все ладио будет. Ты иаперед защити мои права. Пусть заплатит мие паисиои. Это разве дело — сам получил развод, а жеиа что? Живи, как знаешь? А я вот иадумала отправиться к братцу Эду иа Свиной хребет, так мие иужио пару башмаков купить н табаку, да еще то да се. Колн Рэнси мог заплатить разводные, так пусть н мне платнт паисион.

Рэиси Билбро онемел от этого удара. Ни о каком паисноне прежде у них разговору ие было. Но ведь женщииы всегда преподиосят мужчинам ошеломляющие сюрпрнзы.

Мировой судья Бииаджа Унддеп поиял, что этот вопрос может быть разрешеи только в юридическом порядке. Свод закоиов хранил н на сей счет гробовое молчаиие, одиако иогн жеищины были босы, а тропа на Свииой хребет — крута и кремннста.

— Эрнэла Билбро,— вопросил Бинаджа Унддеп судейскнм голосом,—какой пеисион полагаете вы достаточным н соразмерным по делу, которое в настоящую миичту слушается в суде?

— Я полагаю,— отвечала женщнна,— на башмакн н на все про все, стало быть, пять долларов. Это не бог весть какой паисион, но до братца Эда, может, н доберусь.

— Названная сумма,— сказал судья,— не представляется суду непомерной. Рэиси Бнлбро, по решенню суда вам надлежит уплатнть нстице пять долларов, дабы постаиовление о разводе могло войтн в силу.

— А где нх взять-то,— с тяжелым вздохом отвечал Рэнси,— может, я бы н наскреб где. Кто ж его знал, что она потребует паисион.

— Слушанне дела откладывается,— объявнл судья.— Завтра вы оба должны явнться, дабы выполннть постановление суда. После чего вам будет выдано на рукн свидетельство о разводе.

Бииаджа Унддеп уселся иа крыльце и иачал расшнуровывать башмакн.

— Что ж, к дядюшке Зайе поедем, что ли?— сказал Рэнсн.— Переночуем у иего.— Ои влез в двуколку, Эрнэла забралась в иее с другой стороиы. Малеиький рыжий бычок, повииуясь удару веревочной вожжи, не торопясь описал полу-

круг и потащился куда следовало. Двуколка, вздымая облака пыли, затарахтела по дороге.

Судья Бинаджа Уиддеп выкурил свою бузиновую трубку. Потом достал еженедельную газету и принялся за чтение. Он читал до самых сумерек, а когда строчки стали расплываться у него перед глазами, зажег сальную свечу на столе и продолжал читать, пока не взошла луна, возвестив время ужина.

Судья жил в бревенчатой хижине на склоне холма, у сухого тополя. Направляясь домой, ои перебрался через ручеек, проложивший себе путь в лавровых зарослях. Темная фигура выступила из-за деревьев и иаправила ему в грудь дуло ружья. Низко надвинутая шляпа и какой-то лоскут закрывали лицо грабителя.

— Давай деньги,— сказала фигура,— да помалкивай. Я зол как черт, и палец, вишь, так и пляшет иа спуске...

— П-п-пять долларов — все, что у меия есть,— пробормотал судья, доставая бумажку из жилетного кармана.

— Сверии ее,— последовал приказ,— и засунь в ствол ружья.

Бумажка была новенькая и хрустящая. Даже дрожащим от страха неуклюжим пальцам нетрудно было свернуть ее трубочкой и (что потребовало бóльших усилий!) засуиуть в ствол ружья.

— Ну ладно, ступай теперь,— сказал грабитель.

Судья не стал мешкать.

На другой день маленький рыжий бычок приволок двуколку к крыльцу суда. Судья Бинаджа Уиддеп с утра сидел обутый, так как поджидал посетителей. В его присутствии Рэнси Билбро вручил жеие пятидолларовую бумажку. Судья впился в нее взглядом. Оиа закручивалась с концов, словно была ие так давно свериута трубочкой и засунута в ствол ружья. Но Бииаджа Уиддеп воздержался от замечаний. Мало ли чего — иикакой бумажке не заказаио скручиваться. Судья вручил каждому из супругов свидетельство о расторжеиин брака. Онн в неловком молчаини стояли рядом, медленно складывая получеииые нмн гараитин свободы. Эриэла бросила робкий, неуверенный взгляд на мужа.

— Ты, стало быть, домой теперь, иа двуколке... Хлеб в шкафу, в жестяной коробке. Сало я положила в котелок — от собак подальше. Не позабудь часы-то завести иа ночь.

— А ты, зиачит, к братцу Эду?— с тоико разыгранным безразличием спросил Рэнси.

— Да вот до ночи иадо бы добраться. Не больно-то оии там обрадуются, когда меня увидят, да куда ж больше пойдешь. А путь-то туда знаешь какой. Пойду уж, стало быть... Надо бы, значит, попрощаться нам с тобой, Рэиси... да ведь ты, может, и ие захочешь попрощаться-то.

— Может, я, конечно, собака,— голосом мучеиика проговорил Рэиси,— ие захочу, видишь ты, попрощаться!.. Оно, конечно, когда кому иевтерпеж уйти, так тому, может, н не до прощаиья...

Эриэла молчала. Она тщательно сложила пятидолларовую бумажку и свидетельство о разводе и сунула их за пазуху. Бинаджа Уиддеп скорбным взглядом проводил исчезнувшую банкиоту.

Мысли его текли свонм путем, и последующие его слова показалн, что он, может быть, принадлежал либо к довольио распространенной категорин чутких душ, либо к значительно более редкой разновидности — к финансовым гениям.

— Одииоко тебе будет нынче в старой-то хижине, а, Рэиси?— сказала Эриэла.

Рэиси Билбро глядел в сторону, на Кэмберлендский кряж — светло-синий сейчас, в лучах солнца. Ои не смотрел на Эриэлу.

— А то нет, что ли,— сказал он.— Так ведь когда кто начнет с ума сходить да кричать насчет развода, так разве ж того силком удержишь?

— Так когда ж кто другой сам хотел развода,— сказала Эриэла, адресуясь к табуретке.— Видать, кто-то не больно уж хочет, чтоб кто-то остался.

— Да когда б кто сказал, что не хочет.

— Да когда б кто сказал, что хочет. Пойду-ка я к братцу Эду. Пора уж.

— Видать, теперь никто уж ие заведет наших часов.

— Может, мне поехать с тобой, Рэиси, иа двуколке, завести тебе часы?

На лице горца не отразилось никаких чувств. Но он протянул огромную ручищу, и худая, корнчневая от загара рука жены исчезла в ней. На мгновение жесткие черты Эриэлы просветлели, словно озаренные изнутри.

— Уж я прнгляжу, чтоб собаки ие донимали тебя,— сказал Рэнсн.— Скотииа я был, как есть скотииа. Ты уж заведи часы, Эрнэла.

— Сердце-то у меия там осталось, Рэнси, в нашей хижине,— шепиула Эриэла.— Где ты — там н оио. И я ие стану больше беситься-то. Поедем домой, Рэнси, может, еще поспеем засветло.

Забыв о присутствии судьи, оии направились было к двери, ио Бииаджа Уиддеп окликнул их.

— Именем штата Теинессн,— сказал он,— запрещаю вам нарушать его порядки и установлеиия. Суду чрезвычайно отрадно и не скажу как радостио видеть, что развеялись тучи раздора н взаимонепонимания, омрачавшие союз двух любящих сердец. Тем не менее суд прнзваи стоять на страже нравственности и моральной чистоты Штата и он иапоминает вам, что вы разведены по всем правилам и, стало быть, больше не муж и жеиа и, как не таковые, лишаетесь права пользоваться благами, кои составляют исключнтельную привилегию матримоиального состояния.

Эриэла схватила мужа за руку. Что он там говорит, этот судья? Он хочет отнять у иее Рэнси теперь, когда жизнь дала им обоим хороший урок?

— Однако,— продолжал судья,— суд готов снять с вас неправомочия, налагаемые фактом бракоразвода, и может хоть сейчас приступить

к совершению торжественного обряда бракосочетания, дабы все стало на свое место и тяжущиеся стороны могли повергнуть себя вновь в благородное и возвышенное матримониальное состояние. Плата за вышеозначенный обряд в вышеизложенном случае составит, короче говоря, пять долларов.

В последних словах судьи Эриэла уловила для себя слабый проблеск надежды. Рука ее проворно скользнула за пазуху, и оттуда, выпущенной на свободу голубкой, выпорхнула пятидолларовая бумажка и, сложив крылышки, опустилась на стол судьи. Бронзовые щеки Эриэлы зарделись, когда она, стоя рука об руку с Рэнси, слушала слова, вновь скрепляющие их союз.

Рэнси помог ей взобраться в двуколку и сел рядом. Маленький рыжий бычок снова описал полукруг, и они — все так же рука с рукой — покатили к себе в горы.

Мировой судья Бенаджа Уиддеп уселся на крыльце и стащил с ног башмаки. Пощупал еще раз засунутую в жилетный карман пятидолларовую бумажку. Закурил свою бузиновую трубку. Рябая чванливая курица проковыляла по «главному проспекту» поселка, бессмысленно клохча.

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

В двадцати милях к западу от Таксона «Вечерний экспресс» остановился у водокачки набрать воды. Кроме воды, паровоз этого знаменитого экспресса захватил и еще кое-что, не столь для него полезное.

В то время как кочегар отцеплял шланг, Боб Тидбол, «Акула» Додсон и индеец-метис из племени криков, по прозвищу Джон Большая Собака, влезли на паровоз и показали машинисту три круглых отверстия своих карманных артиллерийских орудий. Это произвело на машиниста такое сильное впечатление, что он мгновенно вскинул обе руки вверх, как это делают при восклицании: «Да что вы! Быть не может!» По короткой команде Акулы Додсона, который был начальником атакующего отряда, машинист сошел на рельсы и отцепил паровоз с тендером. После этого Джон Большая Собака, забравшись на груду угля, шутки ради направил на машиниста и кочегара два револьвера и предложил им отвести паровоз на пятьдесят ярдов от состава и ожидать дальнейших распоряжений.

Акула Додсон и Боб Тидбол не стали пропускать сквозь грохот такую бедную золотом породу, как пассажиры, а направились прямиком к богатым россыпям почтового вагона. Проводника они застали врасплох — он был в полной уверенности, что «Вечерний экспресс» не набирает ничего вреднее и опаснее чистой воды. Пока Боб Тидбол выбивал это пагубное заблуждение из его головы ручкой шестизарядного кольта, Акула Додсон, не теряя времени, закладывал динамитный патрон под сейф почтового вагона.

Сейф взорвался, дав тридцать тысяч долларов чистой прибыли золотом и кредитками. Пассажиры то там, то здесь высовывались из окон поглядеть, где это гремит гром. Старший кондуктор дернул за веревку от звонка, но она, безжизненно повисув, не оказала никакого сопротивления. Акула Додсон и Боб Тидбол, побросав добычу в крепкий брезентовый мешок, спрыгнули наземь и, спотыкаясь на высоких каблуках, побежали к паровозу.

Машинист, угрюмо, но благоразумно повинуясь их команде, погнал паровоз прочь от неподвижного состава. Но еще до этого проводник почтового вагона, очнувшись от гипноза, выскочил на насыпь с винчестером в руках и принял активное участие в игре. Джон Большая Собака, сидевший на тендере с углем, сделал неверный ход, подставив себя под выстрел, и проводник прихлопнул его козырным тузом. Рыцарь большой дороги скатился наземь с пулей между лопаток, и таким образом доля добычи каждого из его партнеров увеличилась на одну шестую.

В двух милях от водокачки машинисту было приказано остановиться. Бандиты вызывающе помахали ему на прощанье ручкой и, скатившись вниз по крутому откосу, исчезли в густых зарослях, окаймлявших путь. Через пять минут, с треском проломившись сквозь кусты чапарраля, они очутились на поляне, где к нижним ветвям деревьев были привязаны три лошади. Одна из них дожидалась Джона Большой Собаки, которому уже не суждено было ездить на ней ни днем, ни ночью. Сняв с этой лошади седло и уздечку, бандиты отпустили ее на волю. На остальных двух они сели сами, взвалив мешок на луку седла, и поскакали быстро, но озираясь по сторонам, сначала через лес, затем по дикому, пустынному ущелью. Здесь лошадь Боба Тидбола поскользнулась на мшистом валуне и сломала переднюю ногу. Бандиты тут же пристрелили ее и уселись держать совет. Проделав такой длинный, извилистый путь, они были пока в безопасности — время еще терпело. Много миль и часов отделяло их от самой быстрой погони. Лошадь Акулы Додсона, волоча уздечку по земле и поводя боками, благодарно щипала траву на берегу ручья. Боб Тидбол развязал мешок и, смеясь, как ребенок, выгреб из него аккуратно заклеенные пачки новеньких кредиток и единственный мешочек с золотом.

— Послушай-ка, старый разбойник,— весело обратился он к Додсону,— а ведь ты оказался прав, дело-то выгорело. Ну и голова у тебя, прямо министр финансов. Кому угодно в Аризоне можешь дать сто очков вперед.

— Как же нам быть с лошадью, Боб? Засиживаться здесь нельзя. Они еще до рассвета пустятся за нами в погоню.

— Ну, твой Боливар выдержит пока что и двоих,— ответил жизнерадостный Боб.— Заберем первую же лошадь, какая нам подвер-

нется. Черт возьми, хорош улов, а? Тут тридцать тысяч, если верить тому, что иа бумажках напечатано,— по пятнадцатн тысяч на брата.

— Я думал, будет больше,— сказал Акула Додсон, слегка подталкивая пачки с деньгами носком сапога. И он окннул задумчнвым взглядом мокрые бока своего заморенного коня.

— Старик Болнвар почти выдохся,— сказал он с расстановкой.— Жалко, что твоя гнедая сломала ногу.

— Еще бы не жалко,— простодушио ответил Боб,— да ведь с этим ничего не поделаешь. Боливар у тебя двужильный — он нас довезет куда надо, а там мы сменим лошадей. А ведь, прах побери, смешио, что ты с Востока, чужак здесь, а мы на Западе, у себя дома, и все-таки тебе в подметки не годимся. Из какого ты штата?

— Из штата Нью-Йорк,— ответил Акула Додсои, садясь иа валун и пожевывая веточку.— Я родился на ферме в округе Олстер. Семнадцати лет я убежал из дому. И на Запад-то я попал случайно. Шел я по дороге с узелком в руках, хотел попасть в Нью-Йорк. Думал, попаду туда и начну деньги загребать. Мне всегда казалось, что я для этого и родился. Дошел я до перекрестка и ие знаю, куда мие идти. С полчаса я раздумывал, как мие быть, потом повериул налево. К вечеру я нагнал циркачей-ковбоев и с ними двннулся на Запад. Я часто думаю, что было бы со мной, если бы я выбрал другую дорогу.

— По-моему, было бы то же самое,— философски ответил Боб Тидбол.— Дело не в дороге, которую мы выбираем; то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу.

Акула Додсон встал и прнслоннлся к дереву.

— Очень мне жалко, что твоя гнедая сломала ногу, Боб,— повторил он с чувством.

— И мне тоже,— согласился Боб,— хорошая была лошадка. Ну, да Боливар нас вывезет. Пожалуй, нам пора и двигаться, Акула. Сейчас я все это уложу обратно, и в путь; рыба ищет где глубже, а человек где лучше.

Боб Тидбол уложил добычу в мешок и крепко завязал его веревкой. Подняв глаза, он увидел дуло сорокапятикалиберного кольта, из которого целился в него бестрепетной рукой Акула Додсон.

— Брось ты этн шуточки,— ухмыляясь, сказал Боб.— Пора двигаться.

— Сиди, как сидишь! — сказал Акула.— Ты отсюда не двинешься, Боб. Мне очень неприятио это говорить, но место есть только для одного. Боливар выдохся, и двоих ему не снести.

— Мы с тобой были товарищами целых три года, Акула Додсон,— спокойно ответил Боб.— Не один раз мы вместе с тобой рисковали жизнью. Я всегда был с тобой честен, думал, что ты человек. Слышал я о тебе кое-что неладное, будто бы ты убил двоих ни за что ни про что, да не поверил. Если ты пошутил, Акула, убери кольт и бежим скорее. А если хочешь стрелять — стреляй, чериая душа, стреляй, тарантул!

Лицо Акулы Додсона выразило глубокую печаль.

— Ты не поверишь, Боб,— вздохиул ои,— как мне жаль, что твоя гнедая сломала ногу.

И его лицо мгновеино измеиилось — теперь оно выражало холодную жестокость и неумолимую алчность. Душа этого человека проглянула на минуту, как выглядывает иногда лицо злодея из окна почтенного буржуазного дома.

В самом деле, Бобу не суждено было двииуться с места. Раздался выстрел вероломного друга, и негодующим эхом ответили ему камениые стены ущелья. А невольный сообщник злодея — Боливар — быстро уиес прочь последиего из шайки, ограбившей «Вечерний экспресс»,— коню не пришлось нести двойной груз.

Но когда Акула Додсон скакал по лесу, деревья перед ним словно застлало туманом, револьвер в правой руке стал изогнутой ручкой дубового кресла, обивка седла была какая-то страииая, и, открыв глаза, он увидел, что его ноги упираются ие в стремена, а в письменный стол мореного дуба.

Так вот я н говорю, что Додсои, глава маклерской конторы «Додсон н Деккер», Уолл стрнт, открыл глаза. Рядом с креслом стоял довереиный клерк Пнбоди, ие решаясь заговорнть. Под окном глухо грохотали колеса, усыпнтельно жужжал электрический вентилятор.

— Кхм! Пибоди,— моргая, сказал Додсон.— Я, кажется, уснул. Видел любопытнейший сон. В чем дело, Пибоди?

— Мистер Уильямс от «Трэси и Уильямс» ждет вас, сэр. Он пришел рассчитаться за Икс, Игрек, Зет. Он попался с ними, сэр, если припомните.

— Да, помню. А какая на них расценка сегодня?

— Один восемьдесят пять, сэр.

— Ну вот и рассчитайтесь с ним по этой цене.

— Простите, сэр,— сказал Пибоди, волнуясь,— я говорил с Уильямсом. Он ваш старый друг, мистер Додсон, а ведь вы скупили все Икс, Игрек, Зет. Мне кажется, вы могли бы, то есть... Может быть, вы не помните, что он продал их вам по девяносто восемь. Если он будет рассчитываться по теперешней цене, ои должен будет лишиться всего капитала и продать свой дом.

Лицо Додсона мгновенно измеиилось — теперь оно выражало холодную жестокость и неумолимую алчность. Душа этого человека проглянула на минуту, как выглядывает иногда лнцо злодея из окна почтенного буржуазного дома.

— Пусть платит один восемьдесят пять,— сказал Додсон.— Боливару не снести двоих.

ЧАРОДЕЙНЫЕ ХЛЕБЦЫ

Мисс Марта Мичем содержала маленькую булочную на углу (ту самую, знаете? где три ступеньки вниз и, когда открываешь дверь, дребезжит колокольчик).

Мисс Марте стукнуло сорок, на ее счету в банке лежало две тысячи долларов, у нее было два вставных зуба и чувствительное сердце. Немало женщин повыходило замуж, имея на то гораздо меньше шансов, чем мисс Марта.

Раза два-три на неделе в ее булочной появлялся покупатель, которым она мало-помалу заинтересовалась. Это был человек средних лет, в очках и с темной бородкой, аккуратно подстриженной клинышком.

Он говорил по-английски с сильным немецким акцентом. Костюм на нем — старенький, неотутюженный, местами подштопанный — сидел мешковато. И тем не менее вид у него был опрятный, а главное — манеры хорошие.

Этот покупатель всегда брал два черствых хлебца. Свежие хлебцы стоили пять центов штука. Черствые — два на пять центов. И ни разу он не спросил ничего другого.

Однажды мисс Марта заметила у него на пальцах следы красной и коричневой краски. Тогда она решила, что он художник и очень нуждается. Наверно, живет где-нибудь на чердаке, питается черствым хлебом и мечтает о разных вкусных вещах, которых так много в булочной у мисс Марты.

Принимаясь теперь за свой завтрак — телячья отбивная, сдобочки, джем и чай,— мисс Марта частенько испускала вздох и сокрушалась, что этот художник, такой деликатный, воспитанный, вместо того чтобы делить с ней ее вкусную трапезу, гложет сухие корки у себя на чердаке, где гуляет сквозняк. Сердце у мисс Марты было, как вы уже знаете, чувствительное.

Решив проверить свою догадку о профессии этого человека, она вынесла из задней комнаты в булочную картину, купленную когда-то на аукционе, и поставила ее на полку позади прилавка.

На картине изображалась сценка из венецианской жизни: на самом видном — вернее, на самом *водном* месте высилось великолепное мраморное палаццо (если верить подписи). Остальное пространство было занято гондолами (дама, сидевшая в одной из них, вела пальчиком по воде), облаками, небом и обилием светотени. Ни один художник не сможет пройти мимо такой картины, не обратив на нее внимания.

Через два дня покупатель зашел в булочную.

— Два шерствых хлебца, пожалюйста.

И когда мисс Марта стала заворачивать хлебцы в бумагу, он сказал:

— Какой у фас красивый картина, мадам.

— Да?— Мисс Марта пришла в восторг от собственной хитрости.— Я так люблю искусство и... (Не рано ли говорить: «и художников»?) — Найдя подходящую замену, мисс Марта заключила: — ...и живопись. Вам нравится эта картина?

— Тфорец нарисован неправильно,— ответил покупатель.— Неферный перспектив. До свидания, мадам.

Он взял свои хлебцы, поклонился и быстро вышел.

Да, тут и сомневаться нечего, он художник. Мисс Марта унесла картину обратно в заднюю комнату.

Какой мягкий, добрый свет излучали его глаза из-за очков! Какой у него высокий лоб! С первого взгляда разобраться в перспективе — и жить на черством хлебе! Но гениям нередко приходится бороться за существование, прежде чем мир признает их.

А как выиграло бы искусство и перспектива, если бы такого гения поддержать двумя тысячами долларов на банковском счету, булочной и чувствительным сердцем... Но вы начинаете грезить наяву, мисс Марта!

Теперь, заходя в булочную, покупатель задерживался у прилавка минуту-другую, чтобы поболтать с хозяйкой. Ее приветливость, видимо, радовала его.

Он продолжал покупать черствый хлеб. Ничего, кроме черствого хлеба, ни пирожных, ни пирожков, ни ее восхитительного песочного печенья.

Мисс Марте казалось, что он похудел за последнее время, стал какой-то грустный. Ей так хотелось добавить чего-нибудь вкусного к его скудным покупкам, но всякий раз мужество покидало ее. Она не осмеливалась нанести ему обиду. Ведь эти художники такие гордые.

Мисс Марта стала появляться за прилавком в шелковой блузе — белой, в синий горошек. В комнате позади булочной она состряпала некую таинственную смесь из айвовых семечек и буры. Многие употребляют это средство для придания белизны коже.

В один прекрасный день покупатель зашел в булочную, положил на прилавок, как обычно, монету в пять центов и спросил свои всегдашние черствые хлебцы. Мисс Марта только протянула руку к полке, как вдруг на улице раздался рев сирены, грохот колес, и мимо булочной пронеслась пожарная машина.

Покупатель бросился к двери, как сделал бы каждый на его месте. Мисс Марта, осененная блестящей мыслью, воспользовалась этим.

На нижней полке под прилавком лежал фунт сливочного масла, который молочник принес ей минут десять назад. Мисс Марта надрезала ножом черствые хлебцы, вложила в каждый по солидному куску масла и крепко прижала верхние половинки к нижним.

Когда покупатель вернулся от двери, она уже завертывала хлебцы в бумагу.

После коротенькой, но особенно приятной

беседы он ушел, и мисс Марта молча улыбнулась, хотя сердце у нее билось неспокойно.

Может быть, она слишком много себе позволила? А что, если он обидится? Нет, вряд ли! Съедобные вещи не цветы — у них нет своего языка. Сливочное масло вовсе не обозначает нескромности со стороны женщины.

В тот день мисс Марта много думала обо всем этом. Она представляла себе, как он обнаружит ее невинную хитрость.

Вот он откладывает в сторону свои кисти и палитру. На мольберте у него стоит картина с безукоризненной перспективой.

Он собирается позавтракать сухим хлебом с водицей. Разрезает хлебцы и... ах!

Мисс Марта залилась румянцем. Подумает ли он о руке, которая положила в хлебцы масло? Захочет ли...

Звонок на двери злобно треньккнул. Кто-то входил в булочную, громко стуча ногами. Мисс Марта выбежала из задней комнаты. У прилавка стояли двое мужчин. Какой-то молодой человек с трубкой — его она видела впервые; второй был ее художник.

Весь красный, в сдвинутой на затылок шляпе, взлохмаченный, он сжал кулаки и яростно затряс ими перед лицом мисс Марты. *Перед лицом мисс Марты!*

— Dummkopf! — что есть силы закричал он по-немецки. Потом: — Tausendonfer!— или что-то в этом роде.

Молодой человек потянул его к выходу.

— Я не хочу уходить,— свирепо огрызнулся тот,— пока я не сказал ей все до конца.

Под его кулаками прилавок мисс Марты превратился в турецкий барабан.

— Вы мне испортиль!— кричал он, сверкая на нее сквозь очки своими голубыми глазами.— Я все, все скажу! *Вы нахальный старый кошка!*

Мисс Марта в изнеможении прислонилась спиной к хлебным полкам и положила руку на свою шелковую блузку — белую, в синий горошек. Молодой человек схватил художника за шиворот.

— Пойдемте! Высказались — и довольно.— Он вытащил своего разъяренного приятеля на улицу и вернулся к мисс Марте.

— Вам все-таки не мешает знать, сударыня,— сказал он,— из-за чего разыгрался весь скандал. Это Блюмбергер. Он чертежник. Мы с ним работаем вместе в одной строительной конторе. Блюмбергер три месяца, не разгибая спины, трудился над проектом здания нового муниципалитета. Готовил его к конкурсу. Вчера вечером он кончил обводить чертеж тушью. Вам, верно, известно, что чертежи сначала делают в карандаше, а потом все карандашные линии стирают черствым хлебом. Хлеб лучше резинки. Блюмбергер покупал хлеб у вас. А сегодня... Знаете, сударыня, ваше масло... оно, знаете ли... Словом, чертеж Блюмбергера годится теперь разве только на бутерброды.

Мисс Марта ушла в комнату позади булочной. Там она сняла свою шелковую блузку — белую, в синий горошек, и надела прежнюю — бумажную, коричневого цвета. Потом взяла притиранье из айвовых семечек с бурой и вылила его в мусорный ящик за окном.

РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ

Вор быстро скользнул в окно и замер, стараясь освоиться с обстановкой. Всякий уважающий себя вор сначала освоится среди чужого добра, а потом начнет его присваивать.

Вор находился в частном особняке. Заколоченная парадная дверь и неподстриженный плющ подсказали ему, что хозяйка дома сидит сейчас где-нибудь на мраморной террасе, омываемой волнами океана, и объясняет исполненному сочувствия молодому человеку в спортивной морской фуражке, что никто никогда не понимал ее одинокой и возвышенной души. Освещенные окна третьего этажа в сочетании с концом сезона, в свою очередь, свидетельствовали о том, что хозяин уже вернулся домой и скоро потушит свет и отойдет ко сну. Ибо сентябрь — такая пора в природе и в жизни человека, когда всякий добропорядочный семьянин приходит к заключению, что стенографистки и кафе на крышах — тщета и суета, и, ощутив в себе тягу к благопристойности и нравственному совершенству, как ценностям более прочным, начинает поджидать домой свою законную половину.

Вор закурил папиросу. Прикрытый ладонью огонек спички осветил на мгновение то, что было в нем наиболее выдающегося,— длинный нос и торчащие скулы. Вор принадлежал к третьей разновидности. Эта разновидность еще не изучена и не получила широкого признания. Полиция познакомила нас только с первой и со второй. Классификация их чрезвычайно проста. Отличительной приметой служит воротничок.

Если на пойманном воре не удается обнаружить крахмального воротничка, нам заявляют, что это опаснейший выродок, вконец разложившийся тип, и тотчас возникает подозрение — не тот ли это закоренелый преступник, который в тысяча восемьсот семьдесят восьмом году выкрал наручники из кармана полицейского Хэннесси и нахально избежал ареста.

Представитель другой широко известной разновидности — это вор в крахмальном воротничке. Его обычно называют вор-джентльмен. Днем он либо завтракает в смокинге, либо расхаживает, переодевшись обойщиком, вечером же приступает к своему основному, гнусному занятию — ограблению квартир. Мать его — весьма богатая, почтенная леди, проживающая в респектабельнейшем Ошен-Гроув, и, когда его препровождают в тюремную

камеру, он первым долгом требует себе пилочку для ногтей и «Полицейскую газету». У него есть жена в каждом штате и невесты во всех территориях, и газеты сериями печатают портреты жертв его матримониальной страсти, используя для этого извлеченные из архива фотографии недужных особ женского пола, от которых отказались все доктора и которые получили исцеление от одного флакона патентованного средства, испытав значительное облегчение при первом же глотке.

На воре был синий свитер. Этот вор не принадлежал ни к категории джентльменов, ни к категории поваров из Адовой кухни. Полиция, несомненно, стала бы в тупик при попытке его классифицировать. Ей еще не доводилось слышать о солидном, степенном воре, не проявляющем тенденции ни опуститься на дно, ни залететь слишком высоко.

Вор третьей категории начал крадучись продвигаться вперед. Он не носил на лице маски, не держал в руке потайного фонарика, и на ногах у него не было башмаков на каучуковой подошве. Вместо этого он запасся револьвером тридцать восьмого калибра и задумчиво жевал мятную резинку.

Мебель в доме еще стояла в чехлах. Серебро было убрано подальше — в сейфы. Вор не рассчитывал на особенно богатый улов. Путь его лежал в тускло освещенную комнату третьего этажа, где хозяин дома спал тяжелым сном после тех услад, которые он так или иначе должен был находить, дабы не погибнуть под бременем одиночества. Там и следовало «пощупать» на предмет честной, законной, профессиональной поживы. Может, попадется немного денег, часы, булавка с драгоценным камнем... словом, ничего сногсшибательного, выходящего из ряда вон. Просто вор увидел распахнутое окно и решил попытать счастья.

Вор неслышно приоткрыл дверь в слабо освещенную комнату. Газовый рожок был привернут. На кровати спал человек. На туалетном столике в беспорядке валялись различные предметы — пачка смятых банкнот, часы, ключи, три покерных фишки, несколько сломанных сигар и розовый бант. Тут же стояла бутылка сельтерской, припасенная на утро для прояснения мозгов.

Вор сделал три осторожных шага по направлению к столику. Спящий жалобно застонал и открыл глаза. И тут же сунул правую руку под подушку, но не успел вытащить ее обратно.

— Лежать тихо!— сказал вор нормальным человеческим голосом. Воры третьей категории не говорят свистящим шепотом. Человек в постели посмотрел на дуло направленного на него револьвера и замер.

— Руки вверх!— приказал вор.

У человека была каштановая с проседью бородка клинышком, как у дантистов, которые рвут зубы без боли. Он производил впечатление солидного, почтенного обывателя и был, как видно, весьма желчен, а сейчас вдобавок чрезвычайно раздосадован и возмущен. Он сел в постели и поднял правую руку.

— А ну-ка, вторую!— сказал вор.— Может, вы двусмысленный и стреляете левой. Вы умеете считать до двух? Ну, живо!

— Не могу поднять эту,— сказал обыватель с болезненной гримасой.

— А что с ней такое?

— Ревматизм в плече.

— Острый?

— Был острый. Теперь хронический.

Вор с минуту стоял молча, держа ревматика под прицелом. Он глянул украдкой на туалетный столик с разбросанной на нем добычей и снова в замешательстве уставился на человека, сидевшего в постели. Внезапно его лицо тоже исказила гримаса.

— Перестаньте корчить рожи!— с раздражением крикнул обыватель.— Пришли грабить, так грабьте. Забирайте, что там на туалете.

— Прошу прощенья,— сказал вор с усмешкой.— Меня вот тоже скрутило. Вам, знаете ли, повезло — ведь мы с ревматизмом старинные приятели. И тоже в левой. Всякий другой на моем месте продырявил бы вас насквозь, когда вы не подняли свою левую клешню.

— И давно у вас?— поинтересовался обыватель.

— Пятый год. Да теперь уж не отвяжется. Стоит только заполучить это удовольствие—пиши пропало.

— А вы не пробовали жир гремучей змеи?— с любопытством спросил обыватель.

— Галлонами изводил. Если всех гремучих змей, которых я обезжирил, вытянуть цепочкой, так она восемь раз достанет от Земли до Сатурна, а уж греметь будет так, что заткнут уши в Вальпарайсо.

— Некоторые принимают «Пилюли Чизельма»,— заметил обыватель.

— Шарлатанство,— сказал вор.— Пять месяцев глотал эту дрянь. Никакого толку. Вот когда я пил «Экстракт Финкельхема», делал припарки из «Галаадского бальзама» и применял «Поттовский болеутоляющий пульверизатор», вроде как немного полегчало. Только сдается мне, что помог главным образом конский каштан, который я таскал в левом кармане.

— Вас когда хуже донимает, по утрам или ночью?

— Ночью,— сказал вор.— Когда самая работа. Слушайте, да вы опустите руку... Не станете же вы... А «Бликерстафовский кровоочиститель» вы не пробовали?

— Нет, не приходилось. А у вас как — приступами или все время ноет?

Вор присел в ногах кровати и положил револьвер на колено.

— Скачка́ми,— сказал он.— Набрасывается, когда не ждешь. Пришлось отказаться от верхних этажей — раза два уже застрял, скрутило на полдороге. Знаете, что я вам скажу: ни черта в этой болезни доктора не смыслят.

— И я так считаю. Потратил тысячу долларов, н все впустую. У вас распухает?

— По утрам. А уж перед дождем — просто мочн нет.

— Ну да, у меия тоже. Стоит какому-ибудь паршнвому облачку величиной с салфетку тронуться к нам в путь из Флориды, н я уже чувствую его прнблнжеиие. А если случится пройтн мимо театра, когда там идет мелодрама «Болотные тумаиы», сырость так вопьется в плечо, что его иачииает дергать, как зуб.

— Да, ннчем ие уймешь. Адовы муки,— сказал вор.

— Вы правы,— вздохиул обыватель.

Вор поглядел на свой револьвер н с иапускной развязностью сунул его в карман.

— Послушайте, прнятель,— сказал ои, стараясь преодолеть неловкость.— А вы не пробовали оподельдок?

— Чушь!— сказал обыватель сердито.— С таким же успехом можно втнрать коровье масло.

— Правнльио,— согласился вор.— Годнтся только для крошки Мниии, когда киска оцарапает ей пальчнк. Скажу вам прямо — дело наше дряиь. Только одна вещь на свете помогает. Добрая, старая, горячительная, веселящая сердце выпнвка. Послушайте, старнна... вы на меия не серчайте... Это дело, само собой, побоку... Одевайтесь-ка, и пойдем выпьем. Вы уж простите, если я... ух ты, черт! Опять схватил, гадюка!

— Скоро неделя, как я лншен возможности одеваться без посторониней помощи,— сказал обыватель.— Боюсь, что Томас уже лег и...

— Ничего, вылезайте нз своего логова,— сказал вор.— Я помогу вам иацепить что-ибудь.

Условиости и приличия мощиой волной всколыхнулись в созиаиии обывателя. Ои погладил свою седеющую бородку.

— Это в высшей степеии иеобычио...— иачал ои.

— Вот ваша рубашка,— сказал вор.— Ныряйте в иее. Между прочим, одии человек говорил мие, что «Растираиие Омберри» так почиило его в две иеделн, что он стал сам завязывать себе галстук.

На пороге обыватель остаиовился и шагиул обратно.

— Чуть не ушел без денег,— сказал ои.— Выложил их вчера иа туалетиый столик.

Вор поймал его за рукав.

— Ладно, пошлн,— сказал он грубовато.— Бросьте это. Я вас приглашаю. На выпивку хватит. А вы никогда ие пробовалн «Чудодейственный орех» н мазь из сосиовых иголок?

СОДЕРЖАНИЕ

О. Генри

Г34

Из любви к искусству: Пер. с англ.— М.: Худож. лит., 1984.— III с.

В настоящий сборник американского писателя-иоаеллиста О. Геаря (1862—1910) аошли нзбранные рассиазы: «Дары аолхвоа», «Из любви к исиусстау», «Фараон и хорал», «Дороги, иоторые мы выбирвем» и др., которые отличаются подлииной любовью аатора к «мвленьиому челоаеиу», ыражают веру писателя-романтииа а саоего героя, в его прв-во иа счастье, в его способность победить арвждебиость и рваиодушие капиталистического мира.

Г $\frac{4703000000-414}{028(01)-84}$ КБ-27-25-84

ББК 84 7США
И(Амер)

О. ГЕНРИ

ИЗ ЛЮБВИ К ИСКУССТВУ

Редактор *Т. Блантер*

Художественный редактор *В. Серебряков*

Техничесиий редвитор *В. Нефедова*

Корреиторы *И. Ломанова и И. Макаревич*

ИБ № 4116

Сдано а набор 04.05.84. Подписано а печать 23.10.84. Формат 60×84 1/8. Бумвга тип. № 3. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 13.06. Усл. кр.-отт. 14.43. Уч.-изд. л. 15,67. Изд. № 1-1796. Тирвж 1 000 000 экз. (1-й заaод 1-500000). Звиаз 2594. Ценв 1 р. 30 и.

Орденв Трудоаого Красиого Зивмени издательство «Художестаенная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманиая, 19

Ордена «Знаи Почета» типография издательстаа «Мосиовсиая праада», 123845, ГСП, Мосиаа, Д-22, ул. 1905 г., 7.